

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 7 2020 г.

«Выигрышный прикуп»- инвестиции, технологии, структурная политика

ИЗДАЕТСЯ С ЯНВАРЯ 1970 ГОДА,
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

ЭКОномика и организация
промышленного производства

7 (553) 2020

Главный редактор **В.А. КРЮКОВ**, академик РАН,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф., Новосибирск; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, президент РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, к.и.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Суслов**, зам. директора по научной работе ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, губернатор Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н., Москва; **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора, Новосибирск; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н., Кемерово; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н., Омск; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н., Новосибирск; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н., Новосибирск; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н., Новосибирск; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **П.Н. Тесля**, зам. главного редактора, к.э.н., Новосибирск; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н., Новосибирск; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, д.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск

УЧРЕДИТЕЛИ:

Учреждение Российской академии наук Сибирское отделение РАН,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН,
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет» (НГУ),
АНО «Редакция журнала «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

Editor-in-chief, Member of RAS, **VALERY A. KRYUKOV**, Director of Institute of Economics and Industrial Engineering (IEIE), SB RAS

Editorial Board:

A.G. Aganbegyan, Member of RAS, Russian Academy of National Economy and Public Service Sponsored by the Russian President; **A.O. Baranov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS, Novosibirsk State University; **R. Bardazzi**, PhD, professor, University of Florence, Italy; **E.B. Bukharova**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Institute of Economics, Management and Land Use, Siberian Federal University, Krasnoyarsk; **I.P. Glazyrina**, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS, Chita; **L.M. Grigoriev**, Cand. Sci. (Econ.), professor, Higher School of Economics, Moscow; **Jae Young Lee**, PhD, Korean Institute for International Economic Policy; **Hong Yul Han**, PhD, professor, Hanyang University, The Korea Consensus Institute; **V.V. Kolmogorov**, Cand. Sci. (Econ.), professor; **V.V. Kuleshov**, Member of RAN, Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **S.N. Mironosetsky**, Member of BoD, Siberian Generating Company; **A. Moe**, PhD, The Fridtjof Nansen Institute, Norway; **V.A. Nikonov**, Technopark of Novosibirsk Academgorodok; **V.I. Psarev**, Cand. Sci. (Econ.), Dr. Technical Sci., Interregional Association of the Economic Cooperation 'Siberian Accord', Altai State University; **A.N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, Institute of Systems Analysis, RAS; **N.I. Suslov**, Dr. Sci. (Econ.), professor, IEIE, SB RAS; **A.V. Uss**, Dr. Sci. (Law), professor, Governor of Krasnoyarsk Krai; **Sh. Weber**, PhD, Russian Economics School; **Yu.P. Voronov**, Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; **Yutszyun Ma**, PhD (History), Russia Institute, Heilongjiang Academy of Social Sciences, Harbin, China; **Ze Shi**, Center of Energy Research, Institute of International Studies, Beijing, China; **V.I. Zorkaltsev**, Dr. Technical Sci., professor, Energy Systems Institute, SB RAS, Irkutsk.

Editorial Council:

A.V. Alekseev, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **S.Yu. Barsukova**, Higher School of Economics, Dr. Sci. (Sociology); **O.P. Fadeeva**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Sociology); **K.P. Gluschenko**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **E.V. Goosen**, Institute of Economics and Management of Kemerovo University, Cand. Sci. (Econ.); **E.A. Kapoguzov**, Omsk State University, Dr. Sci. (Econ.); **V.I. Klistorin**, IEIE, SB RAS, Dr. Sci. (Econ.); **G.P. Litvintzeva**, Novosibirsk State Technical University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Melnikov**, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk State Technical University, Cand. Sci. (Econ.); **L.V. Melnikova**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **L.N. Shcherbakova**, Kemerovo University, Dr. Sci. (Econ.); **V.V. Shmat**, IEIE, SB RAS, Cand. Sci. (Econ.); **P.N. Teslia**, Deputy Editor-in-chief, Cand. Sci. (Econ.); **E.Sh. Veselova**, Deputy Editor-in-chief.

Founders:

Russian Academy of Sciences, Siberian Branch,
Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch, RAS
Novosibirsk State University
ANO Editorial Office of ECO journal

Prepared for publication by

ANO Editorial Office of ECO journal
Prospekt Akademika Lavrentyeva 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 4 От глобализации к нормализации

Тема номера:

«ВЫИГРЫШНЫЙ ПРИКУП» – ИНВЕСТИЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ, СТРУКТУРНАЯ ПОЛИТИКА

- 8 ЛЯКИН А.Н.
Структурные сдвиги в российской
экономике: потенциал деловых
циклов исчерпан
- 29 ГУСЕВ М.С.
Положение России в мировой
экономике: сценарии и прогноз
- 44 БЕРСЕНЕВА Д.А.,
ШМАТ В.В.
Будущее российской экономики
глазами «отцов» и «детей».
Взгляд шестой

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- 75 НЕКИПЕЛОВА Д.В.
Подходы к регулированию
неформальной занятости:
теория и практика

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 100 САВЧИШИНА К.Е.
Роль госсектора
в перераспределении
национального дохода в 2010-х гг.

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- 111 АЛЕЩЕНКО В.В.,
АЛЕЩЕНКО О.А.
«Умная специализация»
регионов Сибири
в сфере сельскохозяйственного
производства

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

- 130 ЗАХАРОВ С.А.
Конкуренция регионов за инвестора:
когда инвестиционный портал станет
средством конкурентной борьбы?

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

- 150 ШИРОНИН В.М.
Бюрократы, большевики
и реформаторы:
нетривиальная история
экономического знания
в России
- 178 ШЛЕВКОВА Т.В.
П.П. Мигулин о железнодорожной
и налоговой политике
(к 150-летию со дня рождения
ученого)

CONTENTS

EDITORIAL

- 4 From Globalization to Normalization

Cover Story:

“THE WINNING WIDOW” – INVESTMENTS, TECHNOLOGY, STRUCTURAL POLICY

- 8 LYAKIN, A.N.
Structural Shifts in the Russian
Economy: business cycle opportunities
are depleted
- 29 GUSEV, M.S.
Russia's Position in the Global
Economy: Scenarios and Forecasts
- 44 BERSENYOVA, D.A.,
SHMAT, V.V.
The Future of the Russian Economy
in the Eyes of “Fathers” and “Sons”.
The Sixth Sight

LABOUR RELATION

- 75 NEKIPELOVA, D.V.
Approaches to Regulating Informal
Employment: Theory and Practice

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 100 SAVCHISHINA, K.E.
The role of the Public Sector in the
National Income Redistribution in
2010s.

ASPECTS OF REAL ECONOMY

- 111 ALESHCHENKO, V.V.,
ALESHCHENKO, O.A.
“Smart specialization” of Siberian
regions in agricultural production

INVESTMENT POLICIE

- 130 ZAKHAROV, S.A.
Russian regions Competing
for Investors: When Will an
Investment Portal Become
a Means of Competition?

ECONOMIC HISTORY OF RUSSIA

- 150 SHIRONIN, V.M.
Bureaucrats, Bolsheviks and
Reformers: the Non-Trivial History of
Economic Knowledge in Russia
- 178 SHLEVKOVA, T.V.
P.P. Migulin about Railway and Tax
Policy (the 150th anniversary of his
Birth)

От глобализации к нормализации

Некоторые закономерности и обусловленные ими тенденции окружающего нас мира зачастую проявляют себя, казалось бы, в далеких друг от друга сторонах действительности. К их числу со всей очевидностью можно отнести тот факт, что в период кризиса (болезни, катастрофического развития тех или иных процессов) происходит не только разрушение (отмирание) отдельных составляющих определенной системы (социальной, биологической, геологической и проч.), но и формирование (возникновение, становление, развитие) элементов и составляющих ее будущего облика.

Современная ситуация в очередной раз предоставила нам убедительные свидетельства единства окружающей нас материи и взаимосвязи самых различных сторон ее проявления. Коронавирусная пандемия высветила проблемы и вопросы, связанные не только со знанием человечества о биохимических процессах, состоянием «медицины катастроф» и умением различных обществ и правительств действовать в чрезвычайных обстоятельствах, но и те, что находятся в области глобального сотрудничества и международного взаимодействия в политике, экономике, гуманитарной сфере и т.д., и те, что лежат в плоскости социально-экономического развития отдельных стран.

Примечательно, что и в случае социально-экономических систем, и на примере отдельных человеческих организмов мы видим удивительную схожесть хода протекания болезненных процессов. Это, в частности, выражается в наибольшей подверженности деструктивным кризисным явлениям людей с хроническими заболеваниями и стран с устаревшей структурой экономики. И кризис, и пандемия обостряют застарелые проблемы и актуализируют необходимость экстренных мер и шагов, направленных не только на излечение недуга, но и на искоренение тех глубинных причин, которые лежат в основе тяжелой ситуации.

Суть и проявления той болезни, которая поразила экономику нашей страны и пагубно отзывается на многих сторонах жизни российского общества, хорошо известны и детально представлены

в работах многих коллег. Кратко ее можно определить как устаревшую структуру экономики и невысокий производственно-технологический уровень. Внешними симптомами являются низкая конкурентоспособность на фоне экономик передовых стран мира, слабая включенность в глобальные цепочки создания стоимости, подверженность конъюнктурным взлетам и падениям, невозможность создания и обеспечения достойных условий проживания как ныне живущим, так и будущим поколениям граждан страны.

Относительно характеристики данной болезни наблюдается почти полное единодушие в профессиональной и политической среде. Расхождения начинаются, когда речь заходит о методах ее лечения.

Позиция автора этих строк (а также авторов сегодняшней тематической подборки «ЭКО») состоит в том, что «состояние пациента» в значительной мере усугубляется вследствие поспешных, плохо скоординированных и никак не эшелонированных во времени и пространстве шагов по вхождению в глобальную экономику (включая вступление в ВТО), без всякой ориентации на долгосрочные результаты.

Глобальный мир стремительно «меняет кожу» под влиянием научно-технологических изменений (от ракет Илона Маска до систем искусственного интеллекта в самых разных сферах деятельности). И в этом смысле пандемия коронавируса также играет роль триггера – ускорителя и нормализатора этих процессов, способствующего их скорейшему освоению и внедрению в повседневную жизнь и практику.

Однако очень трудно согласиться с мнением о том, например, что стремительное снижение спроса на традиционные товары российского экспорта – нефть, природный газ, уголь (и далее по списку сырьевых продуктов и услуг) вызвано пандемией. Падение спроса и цен – во многом закономерный результат развития современных технологий и изменения процедур взаимодействия хозяйствующих субъектов в современной экономике знаний. В этом ключе весьма удачным представляется отнесение нашими авторами идей и умов России к ее «новым сырьевым товарам» (статья Д.А. Берсеновой и В.В. Шмата). «Мозгами» и идеями страна по-прежнему сказочно богата, однако от гениальных задумок до результатов их массового применения и реального воздействия на условия жизни населения «дистанция огромного размера».

Экономика нашей страны с точки зрения ее места и роли в глобальной системе однозначно характеризуется как сырьевая. При этом, правда, имеет место и наличие ряда высокотехнологичных секторов экономики (связанных в основном с оборонным комплексом), что позволяет сравнивать ее с экономиками таких развитых сырьевых стран, как Австралия, Канада и Норвегия (статья А.Н. Лякина).

Принципиальная особенность реализованного подхода включения России в глобальную экономику состоит в формировании у хозяйствующих субъектов стремления к возврату вложенных средств и получению финансовых результатов здесь и сейчас. Именно поэтому собственники активов в экспортоориентированных секторах стремятся к максимальной доходности внешнеторговых операций и всецело ориентированы на продажу сырья и слабообработанных сырьевых материалов. Вопросы повышения научно-технологического уровня, создания собственных уникальных и эффективных решений, как правило, имеют у них самый низкий приоритет. Противотоком экспорту сырья и материалов в страну направляется импорт машин, оборудования, химической продукции, разнообразной бытовой техники и товаров широкого потребления. «Увеличение доли углеводородов и другой первичной продукции в российском экспорте в условиях практически открытого внутреннего рынка привело к замещению отечественной продукции импортом» (статья М.С. Гусева).

Среди основных причин сложившегося положения дел – низкая степень доверия бизнеса к власти и наоборот, что находит отражение, в частности, в негибкой и фискально-ориентированной системе налогообложения. Преодоление этого недоверия связано с реформированием системы институтов и норм, определяющих и регулирующих экономические процессы – их нормализацией, важнейшими особенностями которой должны быть конкретность, предметность и видение долгосрочных перспектив. Это касается и решения внутренних проблем развития страны, и вопросов ее встраивания в глобальные процессы.

Формирование и реализация ясной, последовательной и непротиворечивой научно-технологической и промышленной политики должны быть в числе первоочередных и основных мер лечения болезни. Невозможно строить современную экономику, только опираясь на очередную девальвацию и сокращая расходы

на труд (статья А.Н. Лякина). Такое решение навсегда оставляет нас наедине с «ловушкой низкого дохода» (по определению А.Р. Белоусова).

В основе устойчивого и поступательного развития нашей экономики должны лежать инвестиции в обновление основного капитала и в развитие капитала человеческого. Только на этом базисе возможен отход от экономики спроса к экономике, основанной на предложении и растущей конкурентоспособности.

Но если главные усилия и финансовые ресурсы направляются на «спасение» очередного престижного проекта «национального уровня», связанного с решением узкой изолированной задачи и к тому же с утратой внутреннего рынка в ущерб внешнему, высока вероятность «реализации сценариев “На периферии мира”, “Ресурсная держава” и “Лицом к Востоку”» (статья Д.А. Берсеновой и В.В. Шмата). Результаты развития событий по этому пути «в лучшем случае не ухудшатся» положение страны в закономерно глобализирующемся мире.

Кризис – время и переосмысления сделанного, и принятия тех шагов и мер, которые могут сформировать вектор устойчивого развития экономики страны на многие годы вперед. Важнейшее условие достижения успеха – стратегическое видение направлений развития, понимание настоящего и будущего места в изменившемся внешнем мире, отказ от догм и иллюзий развития исключительно на основе и за счет саморегуляции экономических процессов. И Россия в целом, и подавляющее большинство ее граждан заплатили за эти истины слишком высокую цену. Нам небезразлично, в чьих интересах и с какой отдачей будет реализована новая структурная политика. Результативность ответа на запросы по проблемам социально-экономического развития нашей страны зависит, как никогда ранее, от наличия и эффективности процедур достижения реального взаимопонимания и согласия власти, бизнеса и общества.

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан¹

А.Н. ЛЯКИН, доктор экономических наук. E-mail: a.lyakin@spbu.ru
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
ORCID0000-0002-0722-2517

Аннотация. В статье анализируется интенсивность структурных сдвигов, происходивших в российской экономике после кризисов 2008–2009 и 2014–2015 гг. Расчет индекса интенсивности структурных сдвигов по добавленной стоимости, занятости и инвестициям в основной капитал показал, что хотя структура выпуска и инвестиций в периоды рецессии меняется существенно, чем в период роста, в целом интенсивность структурных сдвигов в экономике страны снижается. Слабые изменения структуры занятости и ослабление изменений в отраслевом распределении инвестиций в период роста экономики свидетельствуют о стабилизации ее структуры. Сравнение структуры российской экономики и развитых сырьевых стран показало их последовательное сближение. Это свидетельствует о снижении потенциала созидательного разрушения в ходе кризисов и актуализирует необходимость государственного вмешательства в структурную перестройку экономики.

Ключевые слова: структурный кризис; структура экономики; структурные сдвиги; интенсивность структурных сдвигов; индекс Рябцева; сравнения структур экономики; сырьевые страны

Кризис 2007–2009 гг. прервал мощный восстановительный рост российской экономики и заставил обратить внимание на нарастающие в ней структурные диспропорции. Улучшение нефтяной конъюнктуры и возобновление роста отодвинули проблему структурной разбалансированности на второй план. Последующая длительная рецессия и вялый восстановительный рост показали, что инициированные циклическим падением кризисные процессы имеют более глубокую природу, нежели конъюнктурные колебания. Начавшийся после затухающего роста в 2015 г. новый спад заставил говорить о том, что российский кризис носит структурный характер. Нарушение пропорций в экономике достигло таких масштабов, что предшествующий циклический спад не решил проблемы их восстановления. Для того чтобы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ проект № 18-010-00-00145.

проверить гипотезу об особой природе прошедшего кризиса, в статье оценивается интенсивность сдвигов в структуре выпуска, инвестиций и занятости, протекающих в экономике в различные периоды экономической конъюнктуры в ходе прошедших циклов.

Необходимо проверить, когда происходят наиболее значимые структурные изменения в экономике – в период роста, за счет изменения потоков инвестиций, или в ходе циклического спада, когда различные темпы падения по отраслям экономики ведут к перераспределению ресурсов между отраслями в ходе созидательного разрушения, и как интенсивность сдвигов меняется от одной рецессии к другой. Структурная природа кризиса должна проявить себя в большей интенсивности сдвигов, нежели в ходе предшествующего цикла. Оценка направленности структурных изменений позволит выявить, в какой мере вовлеченность в мирохозяйственные связи и рыночные стимулы для инвестиций обеспечивает движение российской экономики к оптимальной отраслевой структуре. В свою очередь снижение интенсивности сдвигов будет свидетельствовать об исчерпании потенциала созидательного разрушения в ходе цикла, необходимости активизации структурной политики.

Исчерпание возможностей роста «экономики спроса»

Модель экономического роста, сложившаяся в России в начале текущего века, стала специфическим сырьевым вариантом экономики спроса. В своих основных чертах она сформировалась в ходе трансформационного кризиса 1990-х гг., когда падение объемов выпуска сопровождалось активной перестройкой его структуры. Сохранившие свою конкурентоспособность на мировых рынках сырьевые отрасли и отрасли первого передела смогли сохранить производство за счет экспортных поставок, а обрабатывающая промышленность быстро сжималась, столкнувшись с жесткими спросовыми ограничениями. Значительное снижение реальных доходов населения и неограниченная конкуренция дешевых потребительских товаров из азиатских стран привели к существенному сокращению отраслей, работающих на конечный потребительский спрос – легкой и пищевой промышленности, производства бытовой техники и т.д. Спрос на продукцию наиболее сложных в технологическом отношении

отраслей, таких как радиотехническая промышленность, точное приборостроение, авиастроение и т.п. формировался, прежде всего, государственными расходами, которые в этот период ежегодно сокращались вследствие десятилетнего перманентного бюджетного дефицита. Продукция традиционной отрасли инвестиционного спроса – машиностроения – оказалась невостребованной, доля инвестиций в ВВП сократилась.

Высвобождающиеся трудовые ресурсы и капитал в эти годы перетекают в сферу услуг, главным образом – в розничную торговлю. В итоге именно в этот период происходят масштабные структурные сдвиги, с одной стороны, сближающие отраслевую структуру российской экономики с прочими капиталистическими странами, с другой – сопровождающиеся потерями целого ряда отраслей материального производства и закрепляющие ее сырьевую структуру [Маршова, 2016]. Доходы от экспорта сырья и продуктов первичной переработки перераспределялись отчасти через бюджет, отчасти через спрос работников соответствующих отраслей. Потребности домохозяйств покрывались за счет импорта готовой продукции (преимущественно – дешевыми азиатскими товарами).

Быстрый рост в 2000-е гг. начинается с глубокой девальвации рубля, создавшей барьер для импорта; перемещение спроса на российские товары при наличии простаивающих советских мощностей и достигнувшей заметных размеров безработицы дало импульс для соответствующего расширения отечественного производства. Последующее улучшение конъюнктуры на рынках российской экспортной продукции, прежде всего, углеводородов, запустило рост в этой модели.

Рентные доходы расширяли внутренний спрос по двум каналам – через расходы экспортных отраслей на продукцию предприятий-смежников и заработную плату работников, с одной стороны, и бюджетное перераспределение экспортной пошлины и налогов, поступающих от сырьевого сектора, с другой. Выбывание неконкурентоспособных производств и возникающие диспропорции закрывались быстро нарастающим импортом. Рост потребительских расходов усваивался прежде всего торговлей, которая в этот период становится локомотивом роста [Ивантер и др., 2017].

Вторым мощным импульсом для расширения внутреннего спроса, наряду с рассеиванием ренты, становится увеличение задолженности домохозяйств. В 1990-е потребительский кредит был невозможен. С переходом к устойчивому росту и началом финансовой стабилизации кредитование домохозяйств начинает расширяться быстрее роста доходов. В российской экономике сформировалась «ловушка низкого дохода»: рост заработных плат ведет к росту импорта и снижению эффективности производства, восстановление конкурентоспособности происходит через девальвацию и сокращение расходов на труд, запуск экономического роста предполагает новый виток потребительских расходов [Белоусов, 2017].

Укрепление рубля вследствие благоприятной сырьевой конъюнктуры и роста поступлений экспортной выручки сопровождалось быстрым ростом импорта потребительских товаров и машиностроительной продукции, увеличением в структуре экономики доли торговли, рыночных и государственных услуг. Хотя наряду с этим определенные стимулы для развития получили и национальное производство. Восстановление утраченного советского потенциала шло в секторах, продукция которых сохраняла конкурентоспособность, а наметившийся рост инвестиционного спроса создавал условия для восстановления ориентированных на него отраслей. На волне растущих расходов домохозяйств происходит массовое обновление основных фондов в пищевой промышленности, производстве строительных материалов и строительстве. Приток иностранного капитала обеспечил создание ряда сборочных производств товаров долговременного пользования – от бытовой электроники и холодильников до автомобилей [Галимов и др., 2017].

«Экономика спроса» обеспечивала рост реальных доходов и, помимо расширения продаж импортных товаров, создавала относительно благоприятные условия для национальных производств, включавшихся в мировые цепочки создания стоимости. На излете волны роста активизировались инвестиции: их доля в ВВП увеличивалась, начиная с 2005 г., и достигла своего максимума в 2007 г. Этому способствовали нарастающий дефицит рабочей силы и рост реальных зарплат, а также ожидания дальнейшего расширения рынка. В этот период возникли условия для устойчивого инвестиционного роста и перехода к «экономике

предложения». Однако последующий кризис продемонстрировал уязвимость вовлеченной в мировое хозяйство слабо диверсифицированной сырьевой экономики.

Кризис 2008–2009 гг. привел к жесткому сжатию спроса, прежде всего инвестиционного, и несмотря на последующий «отскок» нефтяных цен и их возвращение к докризисным уровням, устойчивого и быстрого роста прежняя модель обеспечить уже не могла. Более того, торможение российской экономики перед кризисом 2015–2016 гг. началось задолго до обострения геополитических проблем, санкций и падения нефтяного рынка. Отрицательные темпы роста в 2015 г. прогнозировались еще в начале 2014 г., хотя глубина и продолжительность будущего спада недооценивались. Причины начинавшейся стагнации стали предметом активного обсуждения в экономической литературе уже с 2012 г.

Специфические черты прошедшей рецессии стали основанием для определения ее как части структурного кризиса, то есть такого состояния экономики, когда сложившиеся отраслевые пропорции ограничивают возможности экономического роста, а их изменение не может быть реализовано в ходе циклического спада. Разрешение этого кризиса требует либо изменения институтов и расширения возможностей для санирующей работы рынков, либо активизации проводимой государством структурной политики. В частности, ключевые идеи получившего широкую известность доклада Столыпинского клуба сводились к необходимости проведения целенаправленной структурной политики, результатом которой должен стать новый воспроизводственный контур экономики, обеспечивающий устойчивый рост [Миркин, 2018].

Неизбежность смены модели экономического роста, ухода от трансформации сырьевой ренты в потребительские расходы как основного источника спроса и перехода к «экономике предложения», построенной на растущих инвестициях, формирующих спрос, осознается экономистами всех направлений. Проблема заключается в том, как будет осуществляться этот структурный маневр.

Структурная перестройка возможна по трем сценариям.

1. Во время рецессии происходит процесс созидательного разрушения, сокращаются наиболее уязвимые отрасли и производства, изменение структуры идет за счет ликвидации части производств и видов деятельности, высвобождения ресурсов, которые затем вовлекаются быстрорастущими секторами в процессе

восстановительного роста и последующего подъема. Структурная перестройка идет путем сокращения избыточных производств в ходе спада и закрепляется в процессе последующего роста.

2. Неравномерный рост в ходе подъема обеспечивает переток ресурсов в наиболее активно растущие секторы, структурные сдвиги в распределении труда и капитала следуют за структурными сдвигами в инвестициях. Соответственно, изменения в инвестициях предшествуют сдвигам в структуре выпуска и занятости, и при этом наиболее интенсивные сдвиги должны происходить в период быстрого роста экономики и расширения инвестиций.

3. Сдвиги происходят под воздействием государственной структурной политики. В этом случае они обусловлены соответствующими государственными инвестициями, мерами бюджетно-налоговой политики и различных форм стимулирования со стороны государства.

Для того чтобы разобраться, какой из вариантов структурной перестройки реализуется в российской экономике (если это вообще происходит), необходимо оценить интенсивность и направленность структурных сдвигов, изменение их интенсивности в ходе цикла.

Интенсивность структурных сдвигов в российской экономике в ходе делового цикла

Методология оценки структурных сдвигов сформировалась еще в конце XX в. (Казинец, 1981) и активно применяется для реализации различных задач экономического анализа. Для оценки всех аспектов структурных сдвигов используются абсолютные показатели (линейный и квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов), а также набор индексов (интегральный коэффициент структурных сдвигов К. Гатева, интегральный коэффициент структурных различий А. Салаи, индекс В. М. Рябцева), каждый из которых имеет определенную специфику расчета и несет несколько различающуюся информацию [Трифонов, Веселова, 2015]. Методология анализа структуры экономики, особенности расчета и области применения соответствующих индексов подробно изложены в работе О. Сухарева [Сухарев, 2012].

Индексы структурных сдвигов в российской научной литературе используются прежде всего для сопоставления экономических структур различных регионов между собой и относительно

структуры экономики страны в целом [Данько и др., 2016], анализа изменения структуры экономики во времени [Елхина, 2014], сопоставления различных компонентов экономической структуры, выявления взаимосвязи между темпами экономического роста и структурными изменениями. Структурные изменения в инвестициях, установленных мощностях и добавленной стоимости могут не только не совпадать, но и идти в противоположных направлениях. Так, увеличение доли инвестиций в основной капитал добывающих отраслей сопровождается снижением доли этих отраслей в установленных производственных мощностях промышленности и совокупной добавленной стоимости, произведенной в российской экономике в период 2004–2015 гг. [Замараев, Маршова, 2017].

Для того чтобы оценить, как в ходе экономического цикла меняется интенсивность структурных сдвигов, необходимо сопоставить динамику индексов, рассчитанных по структуре добавленной стоимости в постоянных ценах, структуре занятости по видам деятельности и структуре инвестиций в основной капитал. Если верно распространенное предположение о структурном характере кризиса [Николаев, 2015; Мау, Улюкаев, 2015], интенсивность структурных сдвигов должна возрастать как в отношении произведенной добавленной стоимости, так и в распределении труда и капитала. Соответственно, индекс интенсивности структурных сдвигов в период рецессии 2015–2016 гг. должен возрастать как применительно к выпуску, так и в отношении труда и капитала.

В качестве индекса, характеризующего интенсивность структурных сдвигов, будет использоваться индекс Рябцева, динамика которого строго совпадает с динамикой интегрального коэффициента структурных различий К. Гатева, расчет отличается незначительно, но есть предложенная автором шкала оценивания значимости структурных сдвигов в зависимости от полученной величины индекса.

Индекс Рябцева рассчитывается как

$$I_{\text{Рябцева}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (W_i^{(1)} - W_i^{(0)})^2}{\sum_{i=1}^n (W_i^{(1)} + W_i^{(0)})^2}},$$

где:

$W_i^{(0)}$ - доля i элемента в общей совокупности в базисном периоде,

$W_i^{(1)}$ - доля i элемента в общей совокупности в отчетном периоде.

Полученное значение свидетельствует об интенсивности структурных сдвигов. Его возможная величина лежит в интервале $0 \leq I \leq 1$. При этом если структура не менялась, индекс равен нулю, если структура изменилась зеркально, он равен 1. От числа элементов совокупности он не зависит, а его динамика позволяет судить о том, насколько меняется структура экономики в процессе изменения ее масштабов. Очевидно, что при прочих равных условиях значения индекса будут тем выше, чем больше временной интервал, для которого осуществляется расчет. Годовые изменения, даже в условиях самых радикальных преобразований экономики, не могут обеспечить существенные сдвиги структуры.

Для того чтобы уменьшить искажающее влияние ценовых колебаний на оценку изменения структуры добавленной стоимости в ходе цикла, в качестве исходных данных для расчетов взята статистика по производству добавленной стоимости по видам экономической деятельности в неизменных ценах. Эту же задачу решает расчет структурных сдвигов в сферах занятости. Учет занятости в натуральных показателях позволяет нивелировать колебания относительных цен, приобретающих заметные масштабы в период рецессии. Это особенно важно для российской экономики, в которой импульсом для спада выступает шоковое снижение нефтяных цен и обусловленная этим девальвация. Следовательно, именно в этот период происходит значимое изменение относительных цен и структуры экономики, выраженной в текущих ценах.

Коэффициенты структурных сдвигов, рассчитанные по распределению занятых по видам экономической деятельности в экономике, позволяют оценить, в какой мере структурные изменения выпуска подкрепляются перемещением трудовых ресурсов. Учитывая специфическую реакцию российского рынка труда на изменение экономической конъюнктуры, можно предположить, что структурные изменения в занятости будут меньше, чем в выпуске: большая стабильность распределения

занятости по сферам деятельности по отношению к структуре выпуска обусловлена, с одной стороны, поддержанием избыточной занятости в отраслях, сокращающих объемы производства, с другой – осторожным подходом к дополнительному привлечению работников в период плохой конъюнктуры в отраслях, сохранивших и наращивающих производство в период кризиса.

Поскольку приспособление российского рынка труда к снижению производства идет, прежде всего, за счет уменьшения реальной, а в ряде случаев и номинальной оплаты труда, а не сокращения занятых, быстрого высвобождения работников не происходит. Высокая гибкость заработной платы при жесткости занятости отмечается в целом ряде работ по анализу реакции рынка труда на макроэкономические колебания [Гимпельсон, Капелюшников, 2015; Гурвич, Вакуленко, 2018].

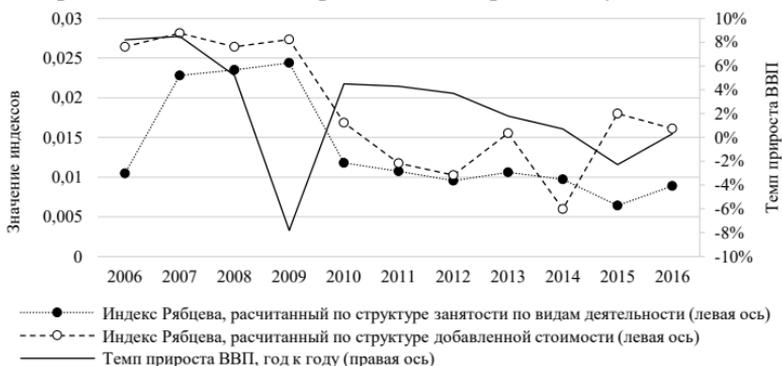
Еще одним параметром, позволяющим судить о потенциале будущих сдвигов в структуре экономики, может служить интенсивность сдвигов в направлениях инвестиций. При состоянии, близком к экономическому равновесию, именно текущие изменения в отраслевой структуре инвестиций в основной капитал обеспечивают изменения структуры экономики.

Если прошедший кризис в российской экономике носил структурный характер, то есть его причины обусловлены несоответствием структуры выпуска потребностям экономических агентов, то падение производства должно сопровождаться повышением интенсивности структурных сдвигов. Динамика индекса Рябцева, рассчитанная по структуре добавленной стоимости и структуре занятых, представлена на рисунке 1.

Как видно из рисунка, интенсивные сдвиги в структуре производства и занятости происходят в период быстрого роста 2006–2008 гг., усиливаются в период глубокого спада 2009 г. и последовательно снижаются во время посткризисного восстановительного роста. Несколько выпадает из общего ряда ситуация 2013 г., когда наблюдается заметный рост индекса Рябцева, рассчитанного для структуры выпуска по видам экономической деятельности при сохранении тенденции к затуханию темпов роста российской экономики.

Важно отметить, что хотя в период кризиса 2015–2016 гг. интенсивность структурных сдвигов возрастает, она заметно ниже, чем во время предшествующего циклического падения.

Более того, если ускорение структурных изменений выпуска во время спада отмечается в целом ряде работ [Трифонов, Веселова, 2015; Елхина, 2014], а Л.А. Дедов и Е.Ф. Вычужанина доказывают, что сама логика расчета показателя способствует завышению его значений в период падения экономики [Дедов, Вычужанина, 2014], то во время последней рецессии интенсивность структурных сдвигов снижается по сравнению с периодом быстрого экономического роста в ходе предшествующего цикла.

Источник: рассчитано автором по данным Росстата².

Рис. 1. Индексы Рябцева, рассчитанные по структуре добавленной стоимости в постоянных ценах и по структуре занятости, и темпы прироста ВВП (2006–2016 гг.),%

С одной стороны, это обусловлено меньшей глубиной спада и вялой экономической динамикой в новом цикле, с другой – может свидетельствовать о приближении структуры российской экономики к устойчивому, стабильному состоянию, вследствие чего в рамках прошедшего циклического падения реальный выпуск снижался относительно пропорционально по всем видам деятельности. В 2009 г. при падении ВВП на 7,8% обрабатывающие производства и строительство сократились на 14,7%, сельское хозяйство выросло на 1,48%, рыболовство и рыболовство – на 5,6%. В 2016 г. по отношению к 2014 г. выпуск сократился на 2,71%, при этом положительные темпы роста продемонстрировали сельское хозяйство и добыча полезных

² URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab11.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 05.05.2019).

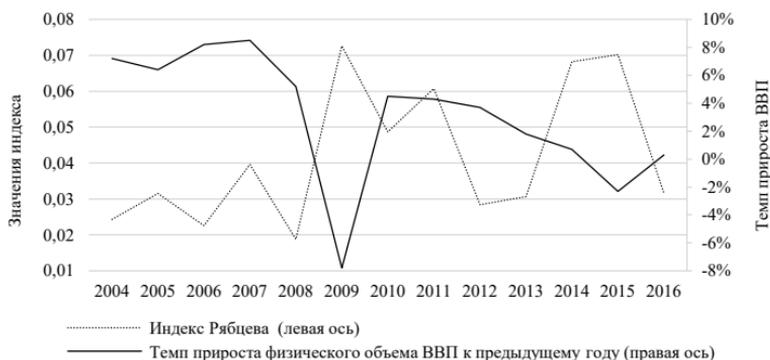
ископаемых (5,8% и 2,38% соответственно), а обрабатывающие производства снизились на 4,8%³.

Аналогичным образом можно интерпретировать данные по изменению структуры занятости. Экономический рост 2007–2008 гг. и спад 2009 г. сопровождались наиболее интенсивными изменениями в структуре занятости, тогда как во время прошедшего цикла структура менялась крайне незначительно, а собственно в период рецессии оставалась практически стабильной. Отчасти это объясняется уже отмеченными особенностями российского рынка труда, отчасти свидетельствует о замедлении процессов межотраслевого перераспределения ресурсов и, соответственно, угасании процессов структурных изменений в долгосрочной перспективе.

В отличие от предшествующего цикла, интенсивность структурных сдвигов занятости по видам экономической деятельности в период 2010–2016 гг. остается на крайне невысоком уровне и даже спад 2015–2016 гг. почти не отразился на структуре занятости. Справедливо будет предположить, что если кризис обусловлен структурными проблемами, то в ходе циклического спада должна идти существенная перестройка экономики, хотя бы за счет сжатия неэффективных видов деятельности, как это происходило в предшествующем цикле. Во время последней рецессии интенсивность структурных сдвигов в выпуске возросла незначительно, а перераспределение труда между видами деятельности вовсе не активизировалось.

Интенсивность сдвигов в структуре инвестиций в основной капитал показывает обратную зависимость от темпов роста ВВП (рис. 2). Коэффициент корреляции между рядами в период 2006–2016 гг. равен -0,6549. Такая взаимосвязь может объясняться тем, что инвестиции в основной капитал во время циклических спадов предсказуемо падают быстрее, чем ВВП. Поэтому изменения структуры инвестиций не столько объясняют будущие сдвиги в пропорциях выпуска по сферам деятельности, сколько отражают естественную реакцию экономических агентов на ухудшение конъюнктуры – отрасли, оказавшиеся в наихудшем положении, быстрее остальных пересматривают свои инвестиционные планы.

³ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 25.08.2019).

Источник: рассчитано по данным Росстата⁴.

Рис. 2. Индекс Рязцева, рассчитанный по структуре инвестиций в основной капитал, и темпы прироста ВВП (2006–2016 гг.),%

Поскольку доля инвестиций в основной капитал снизилась после кризиса 2008–2009 гг. и устойчиво сохраняется в интервале 18–19% ВВП, российская стагнация не создает условий для серьёзных структурных изменений. Ни в процессе спада, ни в период посткризисного восстановления значимого усиления структурных изменений не происходит.

Направленность и устойчивость сдвигов в структуре российской экономики

Полученные данные показывают, насколько существенно менялась структура российской экономики с течением времени и как тесно эти изменения связаны с состоянием экономической конъюнктуры. Но они ничего не говорят о качестве этих изменений – происходит ли упрощение структуры и вытеснение высокотехнологичных видов экономической деятельности, создающих высокую добавленную стоимость отраслями низких переделов, или процесс движется в желаемую сторону расширения перспективных отраслей. Более того, эти индексы не свидетельствуют о направленности фиксируемых изменений.

Так, можно предположить ситуацию, когда во время рецессии снижается выпуск в отраслях, наиболее серьезно задетых

⁴ URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab11.htm (дата обращения: 05.05.2019); URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/invest/tab_inv-OKVED.htm (дата обращения: 05.05.2019).

кризисом, а в период восстановительного роста они будут расти быстрее экономики в целом, восстанавливая докризисные позиции. В этом случае высокое значение годовых значений индекса структурных сдвигов может сопровождаться стабильностью структуры на длительном интервале.

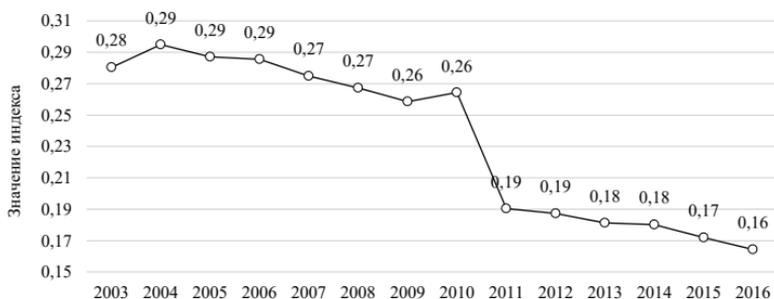
Направление изменений и устойчивость сдвигов можно проверить по тому, насколько структура российской экономики приближается к определенной структуре, которая будет использоваться в качестве эталонной. (Под эталоном в данном контексте понимается не идеал, к которому необходимо стремиться, а выбранная для сопоставления существующая структура экономики, с которой сближается российская.)

Для оценки этого движения будет использоваться модифицированный индекс Рябцева, при расчете которого отклонение долей будет рассчитываться не по отношению к базисному году, а по отношению к выбранной структуре. При этом значения полученного индекса получают несколько иную интерпретацию. Чем меньше значение индекса, тем ближе структура российской экономики к выбранному эталону, вплоть до полного совпадения при значении индекса, равном нулю. При этом важны как абсолютное значение индекса, так и его динамика.

Последовательное снижение индекса свидетельствует об однонаправленном движении к эталонной структуре. Если рост значений индекса интенсивности структурных сдвигов во время кризисов сопровождается ростом значения индекса Рябцева, рассчитанного по отношению к эталонной структуре, это свидетельствует об отклонении структурных изменений от долгосрочного тренда под воздействием конъюнктурных факторов.

Проблема заключается в выборе такой структуры, которая может выступать эталоном. В качестве таковой предлагалось использовать экономику США 1961 г., когда среднедушевой ВВП США по ППС был равен российскому за 2012 г. [Лякин, 2013]. Очевидным недостатком такого подхода было то, что пятидесятилетний временной разрыв, несмотря на сходный уровень подушевого ВВП по ППС, делал структуры плохо сопоставимыми. Равным образом не целесообразно в качестве эталона брать структуру экономики, характерную для группы развитых стран в целом. В этом случае будет возникать объективно обусловленное несоответствие, вызванное местом в мировом разделении труда.

В докладе ВШЭ по структурной политике [Структурная политика., 2018] в качестве образца для сравнения использовалась средняя (невзвешенная) структура ВВП развитых стран с сырьевой специализацией. Очевидно, что в среднесрочной перспективе сырьевая специализация России на мировом рынке сохранится, и доля добычи полезных ископаемых в ее валовой добавленной стоимости останется повышенной. Для проверки направленности и устойчивости структурных сдвигов был рассчитан индекс Рябцева, при этом вместо базисного периода использовались данные по средневзвешенной структуре ВВП развитых сырьевых стран (Канада, Норвегия, Австралия) за соответствующий период, рассчитанные по национальной статистической отчетности (рис. 3).

Источник: расчеты автора.

Рис. 3. Индекс Рябцева, рассчитанный по структуре добавленной стоимости по видам деятельности экономик России и развитых сырьевых стран, в 2003–2016 гг.

Из рисунка видно, что только в 2004 г. и 2010 г. расхождение структур несколько усиливалось. Во всех остальных случаях на протяжении всего периода шло последовательное сближение структуры российской экономики со структурой развитых сырьевых стран. Используя шкалу оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева, можно отметить, что за рассматриваемый период значение индекса менялось от верхней границы существенных различий структуры (0,3) до нижней (0,15).

В таблице представлены данные по структуре экономики России, Норвегии, Канады и Австралии. Серьезных расхождений между ними немного. В России заметно выше доли сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности, торговли, и существенно ниже – доли финансовой и страховой деятельности, а также социальных услуг (образования, здравоохранения).

**Структура добавленной стоимости в странах
по видам деятельности**

Отрасль	Россия	Норвегия	Канада	Австралия
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4,09	2,35	2,08	2,55
Добыча полезных ископаемых	9,83	14,53	7,84	7,76
Обрабатывающие производства	13,21	7,36	10,49	8,76
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,77	2,20	2,21	2,35
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,45	0,67	0,28	...
Строительство	6,40	6,60	7,34	8,27
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	14,82	8,43	10,49	9,25
Транспортировка и хранение	7,19	5,00	4,53	5,50
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,95	1,50	2,26	2,43
Деятельность в области информации и связи	2,48	4,57	3,02	3,44
Деятельность финансовая и страховая	4,48	5,47	6,62	10,40
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	9,99	8,03	12,68	10,77
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,39	4,49	5,72	7,03
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,49	2,72	2,68	2,62
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	8,12	6,75	8,61	5,30
Образование	3,13	5,43	5,35	4,78
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,04	11,54	7,00	6,04
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,89	2,08	0,79	0,91
Предоставление прочих видов услуг	0,64			1,84
Деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления	0,60			

Источник: официальные сайты национальных статистических органов России, Норвегии (URL: <https://www.ssb.no/en/statbank/table/09171/> (дата обращения 05.05.2019)), Канады (URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3610043403>), Австралии (URL: <https://www.abs.gov.au/AUSSTATS/abs@.nsf/DetailsPage/5204.02017-18?OpenDocument> (дата обращения 05.05.2019)).

Существующие расхождения в структуре экономики не могут стать причиной масштабного структурного кризиса, более того, интенсивность структурных сдвигов в валовой добавленной стоимости по видам деятельности и по распределению занятых, как показывают проведенные расчеты, устойчиво снижается, и прошедший кризис показал заметно менее значительный сдвиг по сравнению с тем, который происходил в отечественной экономике после 2009 г.

Более того, по мнению автора, неустойчивость и уязвимость российской экономики к внешним шокам тоже не может объясняться только лишь значимой долей сырьевого сектора в ВВП. Динамика курсов сырьевых валют, включая рубль, во многом схожа. Подобно российскому рублю, валюты развитых сырьевых стран отличаются более высокой, по сравнению с валютами прочих развитых стран, волатильностью, и события на сырьевых рынках приводят к однонаправленному движению курсов. Падение цен на сырьевых рынках в 2009 г. привело к девальвации, сопоставимой по масштабам во всех рассматриваемых странах. В 2014–2015 гг. ослабление валют происходило во всех сырьевых экономиках, хотя рубль упал глубже остальных.

В то же время чувствительность российской экономики к внешним шокам оказывается значительно более заметной. В 2009 г. Российская Федерация потеряла 7,8% ВВП, Канада – 2,95%, Норвегия – 1,69%, а Австралия продолжила рост темпом в 2%. Из четырех рассматриваемых экономик падение нефтяных цен в 2014 г. привело к рецессии только в России, в Канаде темпы роста снизились с 3 до 1%, в Австралии и Норвегии – не изменились.

Резервов для значительного перемещения ресурсов в ходе рецессии в российской экономике осталось немного. Структурные изменения, необходимые для осуществления стабильного долгосрочного роста и устойчивости экономики, могут быть обеспечены только за счет ускоренного расширения доли перспективных секторов, что предполагает структурные сдвиги в распределении инвестиций в основной капитал и увеличения их доли в ВВП. Сближение структуры российской экономики с развитыми сырьевыми странами показывает, в какую сторону идет процесс изменений под воздействием рыночных стимулов

и естественных преимуществ, обусловленных природными факторами и особенностями конкуренции на мировых рынках.

Для российской экономики с ее масштабами такая специализация ограничивает потенциал дальнейшего развития. Структурные изменения в этих условиях требуют целенаправленной государственной политики, задающей ориентиры для бизнеса и предполагающей стимулирующие бюджетные инвестиции. Возможности увеличения доли обрабатывающих производств, образования, науки и научного обслуживания, медицины за счет перераспределения ресурсов практически исчерпаны. Это может произойти только благодаря увеличению инвестиций и соответствующему росту производительности труда, что в свою очередь позволит активизировать процессы межсекторального перетока трудовых ресурсов. В результате интенсивность структурных сдвигов должна увеличиться на фазе роста.

Выводы

Структурные сдвиги в российской экономике замедляются. В ходе последней рецессии их интенсивность оказалась ниже, чем в период быстрого роста нулевых годов. Хотя спаду 2015–2016 гг. способствовали накопившиеся в экономике диспропорции, значительных изменений в структуре выпуска, измеренного в постоянных ценах, в этот период не произошло. Несмотря на длительность спада, процесс созидательного разрушения не приобрел значимых масштабов.

Интенсивность структурных сдвигов в распределении труда по видам деятельности снижается на протяжении последних 15 лет как в ходе подъема, так и во время спада. Структура инвестиций в основной капитал подвержена наименьшим изменениям во время роста, а усиление структурных сдвигов в ходе рецессий объясняется снижением инвестиционной активности отраслей, наиболее серьезно пострадавших от кризиса. Перераспределение ресурсов между видами деятельности не создаёт условий для последующих изменений структуры экономики.

Структура экономики России последовательно сближается со структурой, характерной для развитых сырьевых стран. Однако, учитывая различия в масштабах, этот процесс нельзя рассматривать как позитивный.

Структурные сдвиги 1990-х годов, при всех сопряженных с ними социальных издержках, могли быть реализованы достаточно быстро, перемещение труда из промышленности, образования, науки в торговлю и строительство происходило без больших затрат. Необходимые структурные изменения в настоящее время требуют инвестиций и существенных издержек на переквалификацию работников, вытесняемых из торговли и сферы услуг. Интенсификация структурных сдвигов предполагает целенаправленную государственную политику по формированию стратегических приоритетов развития и стимулированию инвестиционной активности.

Литература

Белусов Д. Р. Операция «развитие»: как преодолеть долгосрочную стагнацию // Экономическое возрождение России. 2017. № 2 (52). С. 34–38.

Галимов Д. И., Гнидченко А. А., Михеева О. М., Рыбалка А. И., Сальников В. А. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России: важнейшие тенденции и структурные характеристики // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 60–88.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–253.

Гурвич Е. Т., Вакуленко Е. С. Исследования российского рынка труда и экономическая политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1 (37). С. 203–212.

Данько Т. П., Зарова Е. В., Шеметкова О. Л., Соловьева М. Г. О картах рейтинговой оценки структурных сдвигов и конкурентных преимуществ регионов РФ // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10 (ч. 1), С. 1226–1233

Дедов Л. А., Вычужанина Е. Ф. Уточнение оценки макроэкономического структурного сдвига // Журнал экономической теории. 2014. № 3. С. 194–195.

Елхина И. А. Структурные сдвиги и структурные различия хозяйственных систем в России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 4 (53). С. 38–41.

Замараев Б., Маришова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.

Ивантер В. В., Белусов Д. Р., Блохин А. А. и др. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 3–16.

Казинец Л. С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (Показатели планирования и анализа). М.: Экономика. 1981. 184 с.

Лякин А. Н. Структурные сдвиги в российской экономике и промышленная политика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 1. С. 39–52.

Маришова Т. Структура национальной экономики и ее изменение: методические подходы к оценке и система показателей // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2016. № 3 (9). С. 36–64.

Мау В. А., Улюкаев А. В. От экономического кризиса к экономическому росту, или как не дать кризису превратиться в стагнацию // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 5–19.

Миркин Я. Российская экономика: вызовы, сценарии, стратегия роста // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 67–74.

Николаев И. А. Структурный экономический кризис – проявление политических ограничителей модернизации // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 4 (28). С. 176–182.

Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28.

Сухарев О. С. Структурный анализ экономики. М.: Финансы и статистика, 2012. 216 с.

Трифонов Ю. В., Веселова Н. В. Методологические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне // Вопросы статистики. 2015. № 2. С. 37–49.

Статья поступила 27.07.2019.

Статья принята к публикации 29.08.2019.

Для цитирования: *Лякин А. Н.* Структурные сдвиги в российской экономике: потенциал деловых циклов исчерпан // ЭКО. 2020. № 7. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.

Summary

Lyakin, A.N., *Doct. Sci. (Econ.), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg*

The Structural Shifts in the Russian Economy: Depletion of Business Cycle Opportunities

Abstract. The intensity of structural shifts that took place in Russian economy after crises 2008–2009 and 2014–2015 is analyzed in this paper. Structural shift intensity index calculation (according to value added, employment rate and fixed investments) showed that although the output and investments structure has changed more during the recession period than during the period of growth, in general the structural shifts intensity decreases. Low values of structural shifts rate (calculated using the employment rates) and reduced changes in sectoral investment distribution during the period of growth in Russian economy indicate the structural stabilization. Structural difference estimation had shown the gradual closing of Russian economy and economy of developed commodity-dependent countries. That indicates the decrease in crisis destructive potential and updates the necessity of government involvement into the structural adjustment of economy.

Keywords: *structural crisis; economic structure; structural changes; structural shifts intensity; the Ryabtsev index; comparison of economic structures; commodity-dependent economies*

References

Belousov, D.R. (2017). Operation “development”: how to overcome long-term stagnation. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii. The Economic Revival of Russia*. No.2 (52). Pp. 34–38. (In Russ.).

Dan’ko, T.P., Zarova, E.V., Shemetkova, O.L., Solovyeva, M.G. (2016). About cards rated structural change and the competitive advantages of Russian regions. *Ekonomika i predprinimatel'stvo. Journal of Economy and entrepreneurship*. No. 10 (p. 1). Pp. 1226–1233. (In Russ.).

Dedov, L.A., Vychuzhanina, E.F. (2014). Specification of evaluation of the macro-economic structural shift. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii. Russian Journal of Economic Theory*. No. 3. Pp. 194–195. (In Russ.).

Elkhina, I.A. (2014). Structural shifts and structural differences of economic systems in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta. Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. No. 4 (53). Pp. 38–41. (In Russ.).

Galimov, D.I., Gnidchenko, A.A., Miheeva, O.M., Rybalka, A.I., Sal’nikov, V.A. (2017). Production capacities of the manufacturing industry in Russia: The most important trends and structural characteristics. *Voprosy Ekonomiki*. No. 5. Pp. 60–88. (In Russ.).

Gimpelson, V. E., Kapeliushnikov, R.I. (2015). The Russian Labour Market Model Trial by Recession. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. The Journal of the New Economic Association*. No. 2 (26). Pp. 249–253. (In Russ.).

Gurvich, E.T., Vakulenko, E.S. (2018). Studies of Russian Labor Market and Economic Policy. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii. The Journal of the New Economic Association*. No. 1 (37). Pp. 249–253. (In Russ.).

Industrial policy in Russia: New conditions and possible agenda (The report of NRU HSE) (2018). *Voprosy Ekonomiki*. No. 6. Pp. 5–28. (In Russ.).

Ivanter, V.V., Belousov, D.R., Blokhin, A.A. et al. (2017). Structural and investment policy as an instrument for modernizing the Russian economy *Problemy prognozirovaniya. Studies on Russian Economic Development*. No. 4. Pp. 3–16. (In Russ.).

Kazinets, L.S. (1981). Growth and structural changes in economy (Performance Planning and Review). Moscow, Ekonomika Publ. 184 p. (In Russ.).

Lyakin, A. (2013) The Structural Shifts in the Russian Economy and Industrial Policy. *Vestnik Saint-Peterburgskogo Universiteta. Ekonomika. St Petersburg University Journal of Economic Studies*. No. 1. Pp. 39–52. (In Russ.).

Marshova, T. (2016). Structure of the national economy and its change: Methodological approaches to evaluation and the system of indicators. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta, Seriya: Ekonomika. Vestnik of Moscow City University. Series Economics*. No. 3 (9). Pp. 36–64. (in Russ.).

Mau, V., Ulyukaev, A. (2015). From Economic Crisis to Economic Growth, or how to Prevent the Crisis from Turning into Stagnation. *Voprosy Ekonomiki*. No. 4. Pp. 5–19. (In Russ.).

Mirkin, Ya. (2017). Russian Economy: Challenges, Scenarios, Strategy of Growth *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 3. Pp. 67–74. (In Russ.).

Nikolaev, I.A. (2015). Structural Economic Crisis As a Manifestation of Political Constraints on Modernization. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. Journal of the New Economic Association*. No. 4 (28). Pp. 176–182 (In Russ.).

Sukharev, O.S. (2012). Structural analysis of the economy. Moscow, Finansy i statistika Publ. 216 p. (In Russ.).

Trifonov, Yu.V., Veselova, N.V. (2015). Methodological approaches to analyzing the structure of the economy at the regional level. *Voprosy statistiki*. No. 2. Pp. 37–49. (In Russ.).

Zamaraev, B., Marshova, T. (2017). Investment Processes and the Russian Economy Restructuring. *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. Pp. 40–62. (In Russ.).

For citation: Lyakin, A.N. (2020). The Structural Shifts in the Russian Economy: Depletion of Business Cycle Opportunities. *ECO*. No. 7. Pp. 8-28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-8-28.

Положение России в мировой экономике: сценарии и прогноз

М. С. ГУСЕВ, кандидат экономических наук. E-mail: m.gusef@mail.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
ORCID – <https://orcid.org/0000-0002-8858-2206>

Аннотация. Зависимость развитых стран от импорта промышленных товаров, разбалансированность внешнеторговых потоков, экологические ограничения и высокое социальное расслоение наряду с беспрецедентной долговой нагрузкой разрушают сложившуюся модель глобализации. В этих условиях возрастает актуальность разработки сценариев развития мировой экономики и поиска новых вариантов интеграции экономики России в мировое хозяйство, альтернативных сырьевой специализации. Данная статья посвящена рассмотрению сценариев развития мировой экономики и оценке потенциала экономического роста в России в условиях сохранения сырьевой специализации в международной торговле при различных сценариях развития мировой экономики. С учетом разработанных сценариев рассматриваются преимущества и недостатки отдельных вариантов интеграции экономики России в мировое хозяйство.

Ключевые слова: международная интеграция; внешняя торговля; внешне-экономическая стратегия; протекционизм; долгосрочное развитие; структурно-инвестиционная политика

Введение

Ключевые тенденции развития мировой экономики, которые наблюдались в последние десятилетия, не позволяли рассчитывать на значительный вклад внешнего спроса в темпы экономического роста в России. Речь идет прежде всего о замедлении мировой торговли и ускорении научно-технического развития. Данные факторы в конечном счете привели как к существенному замедлению мирового спроса на основные товары российского экспорта, так и к росту предложения углеводородов (стремительный рост добычи сланцевой нефти в США и развитие мирового рынка СПГ). Эти факторы в совокупности с ростом капиталоемкости новых российских проектов в области добычи полезных ископаемых их первых переделов существенно снизили потенциал экономического роста с опорой на топливно-сырьевой комплекс.

Более того, в результате развития пандемии COVID-19 в начале 2020 г. указанные тенденции глобального развития только

усилили свое действие на текущие и перспективные объемы поставок российских углеводородов и других первичных ресурсов на мировой рынок. Таким образом, в условиях, когда потенциал долгосрочного экономического роста в российской экономике снизился, остро встает необходимость поиска новых вариантов интеграции России в мировое хозяйство.

В качестве методологической базы разработки сценариев развития мировой и российской экономики в данной работе использовались межотраслевое моделирование на основе таблиц затраты-выпуск и построение агрегированных производственных функций. Базы данных для расчетов включали таблицы затраты-выпуск для мировой экономики WIOD, данные ОЭСР о вкладе труда, капитала и совокупной производительности факторов в экономический рост, данные МВФ о среднесрочных перспективах развития мировой экономики, данные ОЭСР о декомпозиции внешнеторговых потоков в терминах добавленной стоимости, данные ВТО о динамике мировой торговли.

Сценарии развития мировой экономики

К настоящему моменту в развитии мировой экономики сформировались две ключевые тенденции. *Первая из них связана с замедлением темпов глобализации*, что отчетливо прослеживается в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. [Constantinescu et al., 2015].

Увеличение зависимости развитых стран от импорта промышленной продукции, в том числе высокотехнологичной, дисбалансы во внешней торговле и растущее социальное неравенство наряду с финансовыми ограничениями глобального характера заставляют крупнейшие экономики мира все чаще отходить от следования идеям свободной конкуренции в международной торговле. На практике это выражается в стремлении обеспечить конкурентоспособность национальных производителей за счет заниженного валютного курса, ограничений на импорт товаров, различного рода санкций. Дальнейшее углубление глобализации наталкивается на ограничения фундаментального характера, главным из которых является неготовность развитых стран отдавать все большую долю внутреннего рынка зарубежным производителям [Гусев, 2019].

Между тем в развитых странах сформировались ограничения социально-экономического развития, которые носят внутренний характер. К ним прежде всего следует отнести достижение высокого уровня насыщения базовых потребностей общества в части обеспеченности населения товарами длительного пользования и недвижимым имуществом. В ряде стран эти ограничения дополняются негативной демографической динамикой и общим старением населения. Это означает, что поддержание или повышение темпов экономического роста становится возможно в основном за счет ускоренного развития экономики знаний, что способствует поддержанию приемлемых темпов роста производительности труда в условиях ухудшающейся демографической ситуации.

Ограничения, связанные с невозможностью поддержания высокой интенсивности интеграционных процессов, формируют *вторую ключевую тенденцию в развитии мировой экономики, которая состоит в реиндустриализации развитых стран*. Данная тенденция выражается в снижении зависимости от импорта на основе ускоренного технологического развития в развитых странах и замещении внешнего спроса, как главного фактора экономической динамики, внутренним в развивающихся. Как результат – нарастание разрывов показателей эффективности производства между развитыми и развивающимися странами.

При этом реиндустриализация означает, во-первых, замещение импорта промышленной продукции за счет снижения затрат на труд в результате автоматизации, и, во-вторых, создание новых высокотехнологичных производств, ориентированных на выпуск продукции для рынков сбыта, которые находятся на данный момент на этапе становления или сформируются в среднесрочной перспективе [Гусев, 2016].

Основным целевым ориентиром реиндустриализации является повышение конкурентоспособности, но не только за счет технологий, а также за счет институциональных реформ, развития финансового сектора, повышения гибкости рынка труда и инвестиций в НИОКР и человеческий капитал. Технологическим базисом реиндустриализации развитых стран становится опережающее развитие цифровой экономики.

С макроэкономической точки зрения реализация **сценария замедления темпов глобализации и реиндустриализации развитых стран** означает для этих стран снижение зависимости от внешнеторгового обмена, повышение нормы накопления для финансирования развития новых производств и обновления инфраструктуры, рост затрат на НИОКР по отношению к ВВП, снижение доли потребления домохозяйств в ВВП, опережающий рост инвестиций и производительности труда в высокотехнологичных отраслях экономики, прекращение роста доли импорта во внутреннем потреблении, сохранение тенденций повышения эффективности использования первичных ресурсов.

Для развивающихся стран данный сценарий оборачивается снижением нормы накопления и ростом доли потребления в ВВП с целью компенсации замедления динамики экспорта продукции на рынки развитых стран. Сокращение притока иностранных инвестиций из развитых стран замедлит трансфер технологий в развивающиеся и, соответственно, будет сдерживать в них рост производительности труда. Снижение темпов научно-технического развития развивающихся стран будет означать относительное увеличение зависимости от импорта первичного сырья, зарубежных комплектующих и оборудования.

Описанный сценарий рассматривается в качестве базового при разработке в ИНП РАН долгосрочного прогноза мировой экономики.

Альтернативный сценарий поддержания тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах позволит еще какое-то время формировать дополнительные объемы доходов от развития масштабов глобальной торговли. В то же время он не устраняет проблемы с перераспределением доходов внутри развитых экономик¹. Таким образом, при его реализации возникает необходимость модернизации сложившихся трансмиссионных механизмов (в том числе – в части налоговой и бюджетной политики) и формирования

¹ Эта проблема связана с неравномерным распределением дохода среди населения в развитых экономиках – в последние несколько десятилетий (как раз в период активной глобализации) в развитых странах росли главным образом доходы наиболее богатых групп. Это связано с медленным ростом заработных плат наемных работников, что было обусловлено в том числе выносом производств в развивающиеся страны. В результате, если сохранять все как есть – это приведет к неприемлемому расслоению общества по доходам.

новых механизмов изъятия сверхприбылей крупных корпораций с целью выравнивания уровня доходов внутри общества [Гусев и др., 2018].

Сохранение высокой интенсивности интеграционных процессов в мировой экономике будет возможно при условии, если текущие ограничения на расширение международной торговли и кооперации будут относительно быстро преодолены. Для чего необходимо восстановление долгового мультипликатора экономического роста, снижение ограничений на международное движение капитала, восстановление динамики долгового финансирования и потоков ПИИ, дальнейшее сокращение относительных издержек на транспортировку и коммуникации. Критически важны также отсутствие опережающего роста цен на энергоносители и продолжение трендов по снижению энергоёмкости в развитых и развивающихся странах.

Реализация данного сценария означает сохранение ускоренных темпов роста технического прогресса, эффективности производства и производительности труда в развивающихся странах (правда, при этом возникает опасность разбалансировки рынка труда и появления существенного избытка трудовых ресурсов, что формирует жесткие требования к минимально необходимым темпам экономического роста). Кроме того, извлечение дополнительных выгод от углубления международного разделения труда будет означать опережающий рост экспорта из развивающихся стран и сохранение торгового дефицита в США.

В долгосрочной перспективе конкурентное преимущество развивающихся стран в дешевой рабочей силе будет уменьшаться. Следовательно, будет снижаться рентабельность инвестиций в производство отдельных групп трудоемкой продукции на их территории для последующего ее экспорта. Таким образом, даже в условиях сохранения тенденций глобализации эластичность мирового экспорта по мировому ВВП будет снижаться.

Сценарий поддержания тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах предполагает, что мировая экономика будет расширяться с темпами, близкими к потенциально возможному, что будет обеспечено за счет более эффективного использования трудовых и инвестиционных ресурсов в условиях снижающихся торговых барьеров и отсутствия политических и экономических факторов, препятствующих

трансферу технологий в развивающиеся страны. Основными факторами роста в развивающихся странах останутся инвестиции и экспорт, в развитых – конечное потребление (то есть предполагается более полное использование имеющихся трудовых ресурсов и быстрый рост инвестиций). Тенденции по замещению внутреннего производства импортом, которые наблюдались как в развитых, так и в развивающихся странах в период 2000–2008 гг., сохранятся, а это значит, что продолжится накопление и усиление дисбалансов во внешней торговле между развитыми и развивающимися странами.

Долгосрочный прогноз экономического роста в России в контексте альтернативных сценариев развития мировой экономики

Результаты вариантных прогнозных расчётов по определению темпов прироста ВВП отдельных стран и мира в целом в рамках базового сценария, предусматривающего замедление темпов глобализации и реиндустриализацию развитых стран и альтернативного сценария, предполагающего поддержание тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах, представлены в таблице 1. Согласно полученным оценкам по **базовому сценарию**, средние годовые темпы прироста ВВП за период 2020–2050 гг. могут составить: для мировой экономики – 2,9%, для США и Евросоюза – 1,9% и 1,7%, для Японии – 0,6%, для Китая – 3,0%, для Индии – 4,5%. Динамика ВВП как отдельных стран, так и всей мировой экономики в прогнозном периоде характеризуется снижением темпов роста. Например, в 2046–2050 гг. средние годовые темпы прироста мирового ВВП будут на 0,8–1 п.п. ниже, чем в 2016–2025 гг.

Превышение темпов роста таких стран, как Китай, Индия и Индонезия, над темпами роста развитых стран, которое наблюдалось в ретроспективе, сохранится и в прогнозном периоде, но масштаб этих различий к 2050 г. снизится до 0,1–0,9 п.п. с нынешних 4–6 п.п.

По нашим расчетам, средние годовые темпы прироста ВВП за период 2020–2050 гг. могут составить: для мировой экономики – 3,2%, для США – 1,6%, для Евросоюза – 1,4%, для Японии – 0,5%, для Китая – 4,4%, для Индии – 5,4%.

Таблица 1. Прогноз развития мировой экономики в рамках базового и альтернативного сценариев (2016–2050 гг.)

Страна	2016–2020	2021–2025	2026–2030	2031–2035	2036–2040	2041–2045	2046–2050
<i>Базовый сценарий. Замедление темпов глобализации и реиндустриализации развитых стран</i>							
Канада	1,9	1,7	1,8	1,7	1,9	2,0	1,9
США	2,3	1,6	1,8	1,9	1,9	2,0	2,0
Австралия	2,4	2,6	2,5	2,4	2,8	2,8	2,8
Япония	0,9	0,5	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6
Бразилия	0,3	2,3	2,6	2,5	2,0	1,6	1,5
Китай	6,4	5,7	3,4	3,1	3,0	2,9	2,7
Индия	7,1	7,4	4,2	4,0	4,0	3,9	3,5
Россия	1,4	2,0	2,1	2,3	2,4	2,4	2,4
Индонезия	5,1	5,3	4,5	4,2	3,6	3,2	2,9
Мексика	1,7	2,2	2,4	2,5	2,6	2,5	2,3
Турция	3,3	3,2	2,9	2,7	2,8	2,8	2,8
Евросоюз	2,0	1,6	1,8	2,0	1,8	1,7	1,6
Мир	3,4	3,6	3,0	2,9	2,8	2,7	2,6
<i>Альтернативный сценарий. Поддержание тенденций глобализации при отсутствии реиндустриализации в развитых странах</i>							
Канада	1,9	1,6	1,5	1,5	1,7	1,7	1,7
США	2,3	1,5	1,6	1,6	1,6	1,6	1,7
Австралия	2,5	2,4	2,2	2,0	2,3	2,3	2,4
Япония	1,0	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5
Бразилия	0,6	2,8	3,2	3,0	2,4	1,9	1,8
Китай	6,6	6,0	4,7	4,2	4,1	3,9	3,7
Индия	7,5	7,9	5,5	5,0	5,0	4,9	4,4
Россия	1,5	3,0	2,9	2,8	2,8	2,8	2,8
Индонезия	5,6	5,5	4,9	4,5	3,9	3,4	3,1
Мексика	2,1	3,4	3,6	3,2	3,4	3,2	2,9
Турция	3,4	3,6	3,4	3,1	3,2	3,2	3,2
Евросоюз	2,1	1,4	1,5	1,6	1,4	1,4	1,3
Мир	3,5	3,7	3,4	3,2	3,1	3,0	2,9

Источник: прогноз МВФ до 2024 г. (окт. 2019); расчеты ИНП РАН.

В альтернативном сценарии, благодаря отсутствию ограничений на движение капитала, трансфер технологий в развивающиеся страны и международную торговлю, развивающиеся страны достигают более высоких темпов роста, что в целом способствует повышению темпов роста мировой экономики относительно базового сценария. При этом развитые страны демонстрируют более медленные темпы экономического

роста, что связано в первую очередь с ростом доли импорта на внутреннем рынке и сокращением доли обрабатывающей промышленности в выпуске.

Темпы экономического роста России в прогнозируемый период будут определяться динамикой внешнего спроса. Как показывают наши расчеты, в обоих сценариях они будут недостаточны для обеспечения высоких темпов развития нашей экономики. На существующей технологической базе, без сдвигов в структуре экспорта, среднегодовой экономический рост в России не превысит 2,8%.

Специализация в экспорте первичных ресурсов как ограничение долгосрочного экономического роста

Включение российской экономики в мировое хозяйство в начале 1990-х, либерализация внешнеэкономической деятельности и внутренних цен, отказ от проведения промышленной политики привели к тому, что международная специализация России на поставках углеводородов и другого первичного сырья (металлы, удобрения, крупнотоннажная химия, древесина, зерно) существенно усилилась. Главным образом это произошло за счет переориентации поставок сырья с внутреннего рынка на внешний из-за падения внутреннего спроса.

Так, если с 1995 г. по 2013 г. доля углеводородов в мировом экспорте выросла на 10% (в основном под воздействием опережающего роста цен на углеводороды), то в России за этот же период доля углеводородов в экспорте увеличилась с 43% в 1995 г. до 71% в 2013 г. При этом доля высокотехнологичной продукции в российском экспорте в 2017 г. составила 2,5% (как и в 1995 г.) по сравнению с 20% в среднем по миру.

Специализация на обмене первичного топлива и сырья на продукцию высоких степеней обработки является причиной относительно низкой включенности российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости. Данный тезис подтверждается показателями связанности экономики России с крупнейшими торговыми партнерами (табл. 2).

Таблица 2. Увеличение выпуска в российской экономике, вызванное ростом производства на 1000 долл. США в странах – торговых партнерах, долл.

Страна	Прямые эффекты торговли	Полные эффекты с учетом распределения дополнительных доходов	Соотношение
Германия	17,3	25,5	1,47
США	3,5	6,2	1,77
Китай	9,8	17,5	1,79
Индия	7,9	9,6	1,22
Польша	68,5	105,3	1,54
Венгрия	26,2	34,3	1,31
Турция	24,8	37,9	1,53
Литва	110,6	141,7	1,28
Латвия	86,1	128,0	1,49

Источник: расчеты ИНП РАН на основе данных базы данных WIOD.

Представленные в таблице данные позволяют говорить о том, что российская экономика достаточно слабо вовлечена в производственные цепочки крупнейших стран. Например, в ответ на рост выпуска в экономике США на 1000 долл. прямой мировой спрос на российскую продукцию растет всего на 3,5 долл., чуть выше этот показатель при аналогичном росте в Китае – 9,8 долл. [Гусев и др., 2018].

Увеличение доли углеводов и другой первичной продукции в российском экспорте в условиях практически открытого внутреннего рынка привело к замещению отечественной продукции импортом. Наиболее сильно импорт присутствует на внутреннем рынке наукоемкой продукции – электроника, фармацевтика, машины и оборудование, химическая продукция. В результате произошло снижение спроса на отечественные инновации, их замещение импортными технологиями и готовой продукцией, сжатие отечественного сектора НИОКР.

Например, только затраты отечественных компаний на закупку зарубежных НИОКР составляют, по самым скромным оценкам, около 1,5% ВВП. К этой цифре необходимо прибавить стоимость импортного оборудования, без которого невозможно воспользоваться результатами зарубежных НИОКР.

Но даже если оставить в стороне проблемы негативного воздействия сырьевой специализации на остальные сектора экономики, следует понимать, что существенное повышение уровня

жизни в России до показателей развитых стран не может быть основано исключительно на экспорте первичного сырья.

На сегодняшний день Россия является крупнейшим в мире экспортером топливно-энергетических и сырьевых товаров. Страны, которые идут в этом списке вслед за нами (кроме Ирака и Ирана), имеют существенно более высокий уровень подушевого ВВП. Однако, если учитывать численность населения и долю экспорта углеводородов в товарном экспорте, оказывается, что большинство из них экспортируют гораздо больше углеводородов на душу населения, чем мы (табл. 3).

Таблица 3. Экспорт углеводородов и уровень подушевого ВВП в 2017 г. стран-экспортеров

Страна	Чистый экспорт углеводородов, млрд долл. США	Доля углеводородов в товарном экспорте, %	Чистый экспорт углеводородов на душу, долл. США	ВВП на душу по ППС, США =100
Россия	209,6	59	1452	42
Саудовская Аравия	173,5	71	5375	94
ОАЭ	107,6	38	11606	126
Катар	57,9	86	22516	220
Ирак	55,1	96	1481	30
Иран	55,1	63	686	34
Канада	54,9	20	1514	77
Норвегия	54,5	57	10409	100
Австралия	45,8	30	1892	82
Кувейт	43,1	79	10638	128

Источник: расчеты автора по данным ООН и Мирового банка.

Например, уровень подушевого ВВП в таких странах, как Норвегия, Кувейт, Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, равен или превосходит США, но эти страны экспортируют углеводородов на душу в денежном выражении в 4–15 раз больше, чем Россия.

Кроме того, сохранение специализации в производстве и экспорте углеводородов для России будет означать низкую динамику экспорта и, соответственно, экономического роста, так как при опережающем росте ВВП относительно экспорта будут возрастать риски девальвации рубля из-за опережающего роста импорта.

Учитывая темпы роста мировой экономики и стран – основных потребителей российских товаров, а также динамику энергоёмкости ВВП наших торговых партнеров, можно ожидать, что среднегодовые темпы внешнего спроса на российские

углеводороды и другие сырьевые товары не превысят 2% в год. Такая динамика достаточна для развития отечественного ТЭК и обеспечения существенного вклада со стороны ТЭК в темпы экономического роста. Однако при отсутствии других факторов роста она не позволит обеспечить его динамику выше 2,8% в год.

Более того, складывающиеся в настоящее время долгосрочные тенденции развития мировых энергетических рынков с высокой вероятностью могут привести к существенному торможению спроса на нефтепродукты со стороны потребителей энергии в ближайшие 10–20 лет. На горизонте 2040–2045 гг. существует объективная возможность прохождения пика мирового спроса на нефтепродукты.

Основные факторы, которые могут привести к стагнации и даже снижению мирового спроса на нефтепродукты связаны с научно-техническим развитием. К ним можно отнести: общее повышение энергоэффективности в результате автоматизации и цифровизации, переключение на другие виды моторного топлива в автотранспорте, рост доли возобновляемых источников энергии. К данным факторам добавляются и новые ориентиры в сфере экологии и климата, ограничивающие потребление нефтепродуктов.

Таким образом, в ближайшие десятилетия специализация России в системе международного разделения труда на принципах обмена первичного сырья на продукцию для конечного потребления будет иметь возрастающее негативное влияние на долгосрочный потенциал экономического роста, что обусловлено, прежде всего, снижением ресурсоемкости производства в развивающихся странах и стагнацией в объемах потребления первичных энергоресурсов в развитых странах. Более того, в сценарии перехода к низкоуглеродной энергетике весьма вероятно не только стагнация российского экспорта углеводородов, но и его сокращение в физическом выражении, что будет подрывать потенциал экономического развития.

При этом сохраняется задача наиболее эффективного использования потенциала сырьевого комплекса в целях получения доходов от внешнеэкономической деятельности и их рационального использования на цели модернизации экономики.

В свою очередь задача по снижению негативного влияния сырьевой специализации на экономический рост потребует нормализации доли импорта на внутреннем рынке (прежде всего – в секторе машин и оборудования) и последующего наращивания несырьевого экспорта [Структурно-инвестиционная..., 2017]. Стоит подчеркнуть, что в соответствии с международным опытом без прохождения стадии нормализации импорта на внутреннем рынке расширение несырьевого экспорта зачастую оказывается невозможным [Гнидченко, 2017].

Заключение

Данная статья была подготовлена до того момента, когда эпидемия коронавируса COVID-19 приобрела глобальные масштабы. Для экспертов и научного сообщества наблюдаемые уже сейчас последствия глобальной эпидемии стали полной неожиданностью. Возможность развития ситуации по столь жесткому сценарию еще в конце февраля 2020 г. представлялась весьма маловероятной.

Меры борьбы с распространением коронавируса, предпринимаемые в Азии, Европе и Северной Америке оказали шоковое воздействие на мировую экономику. По оценкам МВФ [World Economic Outlook, 2020], из-за стремительного сокращения конечного спроса в 2020 г. мировая экономика столкнется с кризисом, по своим масштабам превосходящим мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.

На текущий момент нет полной ясности того, по какому сценарию будет развиваться эпидемия коронавируса в мире. Краткосрочные и среднесрочные прогнозы развития, сделанные сегодня, через несколько недель могут потерять свою актуальность. Вполне вероятно, что мировой экономике удастся избежать спада в 2020 г., но также существует высокая вероятность того, что кризис может оказаться не только масштабным, но и затяжным.

Однако как бы ни развивался текущий глобальный кризис, уровень включенности российской экономики в глобальные цепочки создания стоимости при прочих равных условиях будет оставаться достаточно низким, что является следствием сырьевой специализации.

В результате в текущей модели мирового распределения производства Россия получает весьма скромные выгоды

от расширения мировой торговли. Увеличение экспорта не сопровождается значимыми эффектами, связанными с формированием и распределением доходов в процессе межотраслевых взаимодействий.

При сохранении существующих качественных характеристик включенности российской экономики в мировое хозяйство, успешное решение задач социально-экономического развития представляется проблематичным. Это обусловлено тем, что, по последним оценкам, потенциальные темпы экономического роста в России не превышают 2% в год [Орлова и др., 2020], что явно недостаточно ни для повышения уровня и качества жизни большинства населения, ни для сокращения технологического отставания от развитых стран.

В настоящий момент можно обозначить три направления, по которым могла бы выстраиваться внешнеэкономическая стратегия России.

Во-первых – это наращивание экспорта сырьевых товаров. Развитие по данному направлению не позволит в ближайшие десятилетия выйти на уровень жизни развитых стран, но дает возможность обеспечить стабильность социально-экономического развития. Основные риски данного направления связаны с неопределенностью относительно будущего спроса на сырье, и в особенности на углеводороды.

Во-вторых – это развитие экспорта продуктов переработки сырьевых товаров за счет ограничений на экспорт сырьевых товаров и удержания относительно низких внутренних цен на углеводороды и сырьевые товары. Риски данного направления развития, помимо необходимости трансформации системы налогообложения и макроэкономической политики, состоят в высокой неопределенности привлечения зарубежных технологий для создания передовых обрабатывающих производств.

И, в-третьих – это выход на рынки стран с низким уровнем доходов с отечественной несырьевой конкурентоспособной продукцией: авиационная техника, специализированный грузовой транспорт, инфраструктурные решения в энергетике, технологии добычи природных ресурсов, а также военная техника и вооружения [Апокин и др., 2015]. Ключевая задача, которую предстоит решить в рамках данного направления, состоит в развитии высокотехнологичных производств и экономики знаний в условиях

существенных ограничений трансфера технологий из развитых стран, а также с опорой исключительно на внутреннее финансирование.

Литература

Апокин А., Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Фролов И.Э. Долгосрочные социально-экономические вызовы для России и востребованность новых технологий // Форсайт. 2015. Т. 9. № 4. С. 6–17.

Гнидченко А.А. Импортозамещение как дополняющая стратегия // Проблемы прогнозирования. 2017. № 6. С. 27–36.

Гусев М.С. Внешнеэкономическая стратегия России в условиях меняющейся модели международной экономической интеграции // Экономические стратегии. 2019. № 1. С. 48–53.

Гусев М.С. Импортозамещение как стратегия экономического развития // Проблемы прогнозирования. 2016. № 2. С. 30–43.

Гусев М.С., Широков А.А., Ползиков Д.А., Янговский А.А. Глобальные тенденции изменения структуры производства и доходов в мире и России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 6. С. 38–50.

Орлова Е.А., Белоусов Д.Р., Галимов Д.И. О модели потенциального ВВП и разрыва выпуска для российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2. С. 60–71.

Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России: монография / Под науч. ред. акад. В.В. Ивантера. М.: Научный консультант, 2017. 196с.

World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown. International Monetary Fund. Research Dept. Washington, DC, April 2020

Constantinescu C., Mattoo A., and Ruta M., “The global trade slowdown: Cyclical or structural?” IMF Working Paper. 2015. №. 15/6.

Статья поступила 16.03.2020.

Статья принята к публикации 28.03.2020.

Для цитирования: *Гусев М.С.* Положение России в мировой экономике: сценарии и прогноз // ЭКО. 2020. № 7. С. 29–43. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-29-43.

Summary

Gusev, M.S., Cand. Sci. (Econ.), IEF RAS, Moscow

Russia's Position in the Global Economy: Scenarios and Forecast

Abstract. The dependence of developed countries on import of industrial goods, the imbalance of foreign trade flows, environmental restrictions and high social stratification along with an unprecedented debt burden undermine the current model of globalization. Under these conditions, the relevance of building scenarios for global economy development and search for new strategies of integrating the Russian economy into global economy of alternative raw material specialization is growing. This paper is devoted to development of long-term scenarios for global

economy and assessment of potential for economic growth in Russia under conditions of preserving the raw material specialization in international trade under various scenarios of global economy development. Advantages and disadvantages of separate strategies for integrating the Russian economy into global economy are considered.

Keywords: *international integration; foreign trade; foreign economic strategy; protectionism; long-term development; structural and investment policy*

References

Apokin, A., Belousov, D., Salnikov, V., Frolov, I. (2015). Long-term Socioeconomic Challenges for Russia and Demand for New Technology. Foresight and STI Governance. Vol. 9. No. 4. Pp. 6–17. (In Russ.).

Constantinescu, C., Mattoo, A., and Ruta, M. (2015), “The global trade slowdown: Cyclical or structural?” IMF Working Paper. No. 15/6.

Gnidchenko, A.A. (2017). Import substitution as a complementary strategy. *Studies on Russian Economic Development*. No. 6. Vol. 28. Pp. 593–599. (In Russ.).

Gusev, M. (2019). Russia’s external economic strategy in the context of a changing model of international economic integration. *Economic strategies*. No.1. Pp. 48–53. (In Russ.).

Gusev, M. (2016). Import substitution as a strategy of economic development. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 27. Pp.138–147. (In Russ.).

Gusev, M., Shirov, A., Polzikov, D., Yantovskiy, A. (2018). Global Trends of Restructuring Production and Income Worldwide and in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 29. Pp. 607–616. (In Russ.).

Orlova, E.A., Belousov, D.R. & Galimov, D.I. (2020). A Model of Potential GDP and Output Gap for the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 31. Pp. 171–180. (In Russ.).

Structural-investment policy to boost economic growth in Russia. (2017). Edited by V.V. Ivanter. Moscow: Nauchnyy Konsul’tant Publ.

World Economic Outlook, April (2020). The Great Lockdown. International Monetary Fund. Research Dept. Washington, DC.

For citation: Gusev, M.S. (2020). Russia’s Position in the Global Economy: Scenarios and Forecast. *ECO*. No. 7. Pp. 29–43. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-29-43.

Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей».

Взгляд шестой¹

Д.А. БЕРСЕНЕВА. E-mail: d.berseneva29@yandex.ru

Новосибирский государственный университет.

В.В. ШМАТ, кандидат экономических наук.

E-mail: petroleum-zugzwang@yandex.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,

Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. Статья продолжает цикл публикаций в «ЭКО» с краткими отчетами о результатах исследования по сценарному прогнозированию развития российской экономики с применением экспертно-статистического байесовского метода. Особенность метода состоит в том, что на основе экспертных оценок он позволяет строить прогнозы в условиях сильной неопределенности. На шестом этапе исследования сформирована содержательная модельная конструкция, отражающая проблематику модернизации экономики, инновационного развития во взаимосвязи с экономическим ростом. По результатам экспертного опроса и их интерпретации «нарисован» эскиз наиболее вероятного будущего с преобладанием застойно-пессимистических черт. Математическое моделирование прогноза выявило высокие шансы реализации сценариев «На периферии мира», «Ресурсная держава» и «Лицом к Востоку».

Ключевые слова: сценарное прогнозирование; моделирование экономики; экспертно-статистический байесовский метод; мониторинг-прогноз; неопределенность; экономика России; модернизация экономики; инновации; экономика знаний; экономический рост

«Это можно было бы назвать шестым взглядом, но в том-то и дело, что это уже не “взгляд на”, а “любовь к”...»

Михаил Эпштейн²

¹ Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых при поддержке Российского научного фонда (Проект № 19-18-00170).

Авторы выражают глубокую благодарность ведущим ученым Института экономики и организации промышленного производства, Института природных ресурсов, экологии и криологии, Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Новосибирского государственного университета, Новосибирского государственного технического университета и Сибирского федерального университета, которые согласились выступить в роли экспертов и тем самым оказали неоценимую помощь в выполнении данного исследования.

² Эпштейн М. Н. Поэзия и сверхпоэзия. О многообразии творческих миров. СПб: Азбука, 2016, 480 с.

Очередная (шестая) статья из цикла «Будущее российской экономики глазами “отцов” и “детей”» представляет собой краткий отчет о результатах, которые были получены на последнем этапе работы в рамках исследовательского проекта по сценарному прогнозированию российской экономики. Данный этап в общей сложности длился более полугода. Экспертный опрос был подготовлен и проведен в феврале – начале марта 2020 г., таким образом результаты прогнозирования опираются на ту «картину» российской экономики, которая фактически сложилась по итогам 2019 г., т.е. без учета новейших опасных пертурбаций, порожденных коронавирусной пандемией и очередным обвальным падением мировых цен на нефть.

На отчетном этапе исследования мы обратились к проблематике модернизации экономики, инновационного развития во взаимосвязи с экономическим ростом. В фокусе внимания – вопрос о темпах роста в условиях наиболее вероятного сценария развития экономики в инновационную эпоху, что находит свое отражение в модельной конструкции прогноза.

Международные рэнкинги как зеркало наших проблем

В сфере инновационного развития – важнейшей сегодня предпосылке экономического роста, – как ни в какой другой, проявляются аспекты международного соперничества. Поэтому для оценки современного состояния дел, выявления меры инновационности российской экономики уместно прибегнуть к анализу показателей глобальных рэнкингов. При всем скептицизме по отношению к подобным международным сравнениям, зачастую весьма политизированным, следует признать, что они содержат элементы объективности. Во всяком случае, по нашему мнению, полезно взглянуть на динамику позиций России по композитным и частным показателям рэнкингов, что дает представление о тенденциях развития, об успехах или, наоборот, о нарастании проблем.

В нашем анализе мы задействовали три рэнкинга (хотя их общее количество, в той или иной степени учитывающих фактор инноваций и знаний, намного больше):

- Мировой индекс инноваций³;

³ Global Innovation Index (GII). URL: <https://www.globalinnovationindex.org/Home> (дата обращения: 27.04.2020).

- Индекс экономики знаний ЕБРР⁴;
- Субиндекс «Инновационные возможности» Мирового индекса конкурентоспособности⁵.

Оценка позиций России во всех трех рэнкингах очень схожа: 1) по интегральным показателям (общему уровню развития инноваций) мы держимся в верхней части группы стран-средняков (Intermediate); 2) по частным критериям, характеризующим развитие системы высшего образования и ИКТ, сферы научных исследований и разработок (т.е. генерации знаний / knowledge creation) – находимся ближе к лидерам; 3) по частным показателям распространения и внедрения инноваций, «диффузии знаний» (knowledge diffusion) Россия находится в числе отстающих (лучших среди худших).

Так, в рэнкинге ГИ-2019 Россия занимает общее 46-е место в выборке из 129 стран мира; в субиндексе высшего образования – 14-е; в субиндексах развития сферы НИОКР и создания знаний – 30-е; но в субиндексах влияния и диффузии знаний, соответственно, 77-е и 63-е места. Согласно рэнкингу GCI-2019 с выборкой из 141 страны в субиндексе инновационных возможностей у России общее 32-е место, по показателю известности научно-исследовательских учреждений – 9-е, показателям публикационной активности и применения ИКТ – 22-е, патентной активности – 48-е, коммерциализации научных разработок – 77-е, а по развитию инновационных кластеров – 101-е. В сравнительно узком по выборке стран (46) рэнкинге EBRD KEI-2018 Россия занимает общее 25-е место, в разряде вклада в инновации (Innovation Input) – 16-е, отдачи от инноваций (Innovation Output) – 25-е, по показателю развития высшей школы – 6-е, а институтов инновационной деятельности – 35-е место.

Во всех случаях довольно высокие результаты измерения вклада в инновации сочетаются со сравнительно низкими оценками отдачи от них. При этом наиболее настораживающим сигналом можно назвать неблагоприятную динамику индикатора эффективности, т.е. отношения величин отдачи от инноваций и вклада в них. Так, согласно рэнкингам ГИ, за период с 2009 г.

⁴ EBRD Knowledge Economy Index (EBRD KEI). URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/brochures/ebrd-knowledge-economy-index.html> (дата обращения: 27.04.2020).

⁵ Global Competitiveness Index (GCI) – URL: <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> (дата обращения: 27.04.2020).

по 2019 г. коэффициент эффективности инновационной деятельности в России снизился с 0,78 до 0,53 (для сравнения: у США он все эти годы колебался вокруг отметки 0,8), а устойчивая понижающаяся тенденция просматривается на отрезке 2014–2019 гг. – и это на фоне непрерывного роста вклада в инновации (рис. 1).

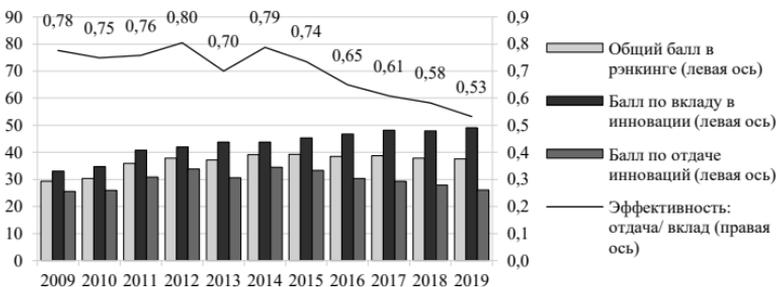

Рис. 1. Динамика показателей России в рейтингах GII за период 2009–2019 гг.

Низкая (и ухудшающаяся) эффективность инновационного процесса, насколько можно судить по индексации в рейтингах, вытекает прежде всего из несовершенства институциональной системы, слабости рыночных механизмов и стимулов для инновационного предпринимательства, провалов государственной регуляторной политики (причем не только в области инноваций и научно-технического развития, но и в экономике в целом). Мы склонны думать, что «ножницы», которые образовались в последние годы между трендами вклада в инновации и отдачи от них, свидетельствуют не столько об абсолютном ухудшении институтов и инновационного климата в России, сколько об их слишком медленном развитии и отставании от быстро меняющихся требований времени.

Российские инновации в круге проблем

То, что мы видим в «зеркале» международных рейтингов, есть отражение реальных проблем модернизации и обновления российской экономики. И хотя с каждым годом страна добивается определенных результатов, в целом поворот на инновационный путь развития происходит слишком медленно, и перспективы дальнейшего движения не слишком обнадеживают. Таков лейтмотив большинства изученных нами публикаций, посвященных

модернизационно-инновационной тематике⁶. Обобщая литературный материал в контексте задачи по построению модельной конструкции прогноза, можно выделить круг следующих взаимосвязанных и взаимно переплетающихся проблем.

1. Непоследовательность, негибкость, излишняя бюрократизация государственной политики в сфере развития науки и технологий (в частности, недальновидная реформа РАН) и актуальных процессов инновационного развития; неполнота и несовершенство нормативно-правовой базы. Из этого во многом проистекает фрагментация и слабая диверсификация экосистемы инноваций, значительные инновационные разрывы (отраслевой, региональный, социальный и т.п.), трудности с трансформацией результатов НИОКР в коммерческие технологии [Проблемы и перспективы, 2011; Гохберг, Кузнецова, 2011]. Можно сказать, что «...сегодня в России сформировалась неполноценная двойная спираль, где академия и бизнес переплетаются с государством, но не дотягиваются друг до друга» [Маслов, Лукьянов, 2017]. Для решения отмеченных проблем России необходимо формирование инновационной политики нового поколения и усиление ее регулятивного потенциала [Гохберг, Кузнецова, 2011].

2. Недостаточно продуктивное научно-технологическое развитие страны, узость сфер распространения инноваций (преимущественно в «оборонке», ресурсном секторе и секторе ИКТ). И на этом фоне – слабость рынка инноваций, формирование которого происходит слишком медленно. Имеет место определенный парадокс: хотя рынок ассоциируется с саморегулированием, однако в его становлении и развитии в России ведущую роль должно сыграть государство. Причем, не только в регулировании, но и в создании инфраструктуры, генерации спроса на инновации и их предложения (финансирования), развития компетенций у участников рынка и проч. [Инновации в России, 2018].

3. Россия довольно успешно продвигается по пути внедрения ИКТ и цифровизации – в целом это одна из наших сильных сторон в сфере инноваций. Но риски и проблемы остаются. Так,

⁶ Особенности построения модельной конструкции прогноза обуславливают необходимость изучения большого объема литературы с тем, чтобы по возможности охватить, учесть максимально широкий круг суждений и точек зрения. Так, на нынешнем этапе исследования с той или иной степенью тщательности нами было изучено, не считая статистических материалов, около 300 литературных источников.

в государственных цифровых инициативах просматриваются черты формализма – «...государство пытается быть в тренде и не пропускает ни одной важной темы, будь это блокчейн, криптовалюты или искусственный интеллект»⁷; не всегда адекватно учитываются объективные потребности. Высока зависимость от импорта высокотехнологичного оборудования (около 90%) и программного обеспечения (60%), в том числе применяемых при цифровизации важнейшего для России энергетического сектора экономики [Россия онлайн, 2016; Горбачева, Кормишин, 2019]. Велики социально-экономические риски, состоящие в том, что цифровизация может привести к серьезнейшим структурным и качественным изменениям на рынке труда и негативно отразиться на занятости [Huws, 2014; Кузнецов, 2019] – по прогнозу, к 2035 г. в развитых странах роботы заменят людей в 25–30% видах профессиональной деятельности [Новая технологическая революция, 2017]; влечет прекариатизацию трудовых ресурсов, что рассматривается как симптом прогрессирующей социальной деградации с резким усилением социального неравенства [Тощенко, 2017]; угрожает расколоть общество, привести к «цифровому расслоению», рассортировать россиян в зависимости от их уровня овладения цифровыми технологиями [Малышева, 2018].

Системную оценку возможностей (плюсов) и рисков (минусов) цифровизации экономики дала Наталья Касперская, выступая на парламентских слушаниях в Госдуме⁸, подведя такой общий итог. К числу возможностей она отнесла появление нового технологического уклада, новой цифровой экономики, нового лица традиционной индустрии и сельского хозяйства, государственного управления; в качестве рисков назвала новую стадию «цифровой колонизации» – новая цифровая экономика принадлежит не нам, управляется извне, служит чужим интересам, а не Российской Федерации [Касперская, 2018].

Отметим, что «цифровая колонизация» – не есть домысел российского эксперта. Об этом же говорят исследователи из Института

⁷ Беркана А. Зачем России цифровая экономика? / Rusbase. 17 нояб. 2017. [Эл. ресурс] URL: <https://rb.ru/longread/digital-economy-in-russia/> (дата обращения: 30.04.2020).

⁸ Парламентские слушания 20 фев. 2018 г. на тему «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». Комитет Государственной думы по финансовому рынку. URL: <http://komitet2-12.km.duma.gov.ru/Parlamentskie-slushaniya-i-kruglye-stoly/item/15636891/> (дата обращения: 30.04.2020).

Брюса Хендерсона BCG, находя параллели между исторической и цифровой колониальными эпохами и указывая на то, как единственной на данный момент «цифровой империи» – США – бросил вызов Китай, который претендует на аналогичный статус в Азии. Подходы при этом чисто колониальные: «данные – это сырье, которое извлекается из современных цифровых колоний и преобразуется в другом месте в ценность и богатство. Стратегии налоговой оптимизации позволяют очень немногим из этих богатств возвращаться в страны, из которых получены данные. Кроме того, как это делали другие имперские державы в более ранние времена, США привлекают таланты из этих стран» (*пер. авт.*) [Candelon at al., 2017].

4. Неполюценная интеграция в мировую инновационную среду. Несмотря на то, что Россия располагает мощным научным потенциалом, она не может претендовать на роль одного из главных движителей глобального инновационного процесса. С одной стороны, в мире по многим причинам слишком мал спрос на российские инновации, с другой – у нас слишком велики масштабы заимствования зарубежных инноваций со всеми вытекающими отсюда рисками. В значительной степени пассивный характер интеграции проявляется в том, что Россия привносит в мировую инновационную систему и в процессы глобального инновационного развития главным образом «интеллектуальное сырье» – идеи и умы. По мнению участников экспертного опроса, проведенного «Интерфакс-ЦЭА» среди ведущих российских ученых и аналитиков, большую опасность представляет интеллектуальный аутсорсинг, почти не ограниченный и слабо контролируемый государством, при котором экономические эффекты в виде конечных продуктов инновационного процесса реализуются за рубежом. Принципиальный выход из сложившейся ситуации видится в том, что для России актуально создавать новые рынки, а не идти на уже существующие, стремиться масштабным образом внедрять инновационные технологии в новых сферах, на шаг опережая развитые страны [Развитие, 2007].

5. Во многом противоречивый и неустойчивый процесс накопления (развития) человеческого капитала. Историческое наследие предопределило такую важную особенность России, отличающую ее от других стран с сопоставимым уровнем развития экономики, как относительно высокое качество человеческого капитала [Стратегия-2020, 2013]. Но сохранить это наследие

можно только путем его преумножения, дальнейшего накопления. Между тем для нашей страны вполне очевидны риски, связанные с низкой способностью конвертировать высокий уровень человеческого капитала и результаты научных исследований в технологические инновации [Новая технологическая революция, 2017]. Как результат, по прогнозным оценкам ВШЭ, при инерционных демографических тенденциях, медленном улучшении здоровья и стагнации качества образования человеческий капитал обеспечит лишь около 0,2 п.п. вклада в экономический рост, максимально возможные темпы которого в предстоящие 10–15 лет не превысят 2% в год [Сценарии роста, 2019]. Невостребованность человеческого капитала ведет к его деградации и тормозит экономический рост. В этом же направлении действует и фактор его неравномерного пространственного распределения – концентрация человеческого капитала в «центре», в федеральных городах ограничивает возможности транслировать на периферию импульсы инноваций [Зубаревич, 2012].

Наконец, отметим, что современная концепция развития человеческой личности основывается на идее изменения социального контракта между работником, работодателем, государством и системой образования. Работник должен получить максимально широкие возможности для обучения и трудоустройства, но ему приходится взять на себя всю полноту ответственности за максимальную реализацию собственного потенциала. Система образования должна быть посредником между потребностями работодателя, государства и личности [Массовая уникальность, 2019]. В контексте накопления человеческого капитала ключевую роль будут играть, с одной стороны, динамика и качество потребностей в трудовых ресурсах, а с другой – способность системы образования готовить требуемые кадры. Парадоксом вхождения России в инновационную эпоху стало, по мнению РАН, смещение национального вектора развития науки и образования от подготовки творцов к подготовке квалифицированных потребителей – специалистов, умеющих использовать новые технологии, но не умеющих их разрабатывать [Доклад, 2019]. Таким образом, возникает серьезный риск обоюдного понижения планки качества и потребности в специалистах и их подготовки.

6. Ресурсный сектор далеко не в полной мере проявляет себя в качестве «инновационного локомотива» экономики – ни

в плане генерации спроса на инновации, ни в части вклада в процесс их создания (целеполагания, финансирования, координации). Но для России, как, возможно, ни для одной другой страны мира, сегодня важна взаимосвязь инноваций (знаний) и процессов освоения природно-ресурсного потенциала⁹. Инновации, новые технологии открывают путь к ранее недоступным источникам ресурсов, но еще более важным является повышение эффективности их освоения (т.е. массы и нормы получаемого дохода), особенно в нефтегазовом секторе. В контексте решения обеих задач «...генеральный путь для развития российской нефтегазовой отрасли – снижение издержек, а этого без внедрения инноваций обеспечить невозможно» [Конопляник, 2013].

Характеризуя взаимодействие между ресурсами и инновациями, можно смело указать на несостоятельность одного из главных постулатов теории «ресурсного проклятия» – о мнимой консервативности и технологической простоте нефтегазовой отрасли. Последние три гвоздя в гроб этого мифа вбили развитие глубоководной добычи углеводородов, глобальная индустрия СПГ и американская «сланцевая революция», которые по уровню технологической сложности, масштабам и скорости притяжения инноваций могут конкурировать с освоением космоса. Сегодня «экономика знаний в нефтегазовом секторе... характеризуется чрезвычайно быстрой трансляцией идей и новых подходов в практику» [Крюков, 2018].

Если обратиться к примеру «сланцевой революции» в США, можно отметить не только быстрое сокращение издержек в результате постоянных технологических усовершенствований, но и своего рода «инновационный мультипликатор», силу примера: «технологический прорыв в сланцевой добыче стимулирует повсеместное развитие прорывных энергетических технологий; это касается... и технологий возобновляемой энергетики, также ожидающих массового выхода на уровень конкурентоспособности с традиционной углеводородной энергетикой» [Сланцевая революция, 2019. С. 295]. Так, штат Техас, являющийся крупнейшим в США производителем сланцевых углеводородов, стал и национальным лидером в развитии чистой энергетики.

⁹Имея в виду масштабы и характеристики ресурсной базы, современное состояние минерально-сырьевого комплекса и ту роль, которую он играет в экономике страны.

«В штате вырабатывается наибольший объем ветровой энергии в США – по этому показателю Техас уступает только пяти странам... Благодаря снижению стоимости солнечных панелей в штате начала бурно развиваться солнечная энергетика. Развитие возобновляемой энергетики опережает все возможные требования и обязательства, которые могли бы быть наложены на штат» [Сланцевая революция, 2019. С. 444]. Безусловно, это образец для России. Дальнейшее экономическое развитие страны во многом будет зависеть от способности ресурсного сектора не просто технологически совершенствоваться, но и стимулировать национальные инновации в противовес импорту.

7. Модернизация экономики в России явно пробуксовывает. Вполне очевидно, что переход на инновационный путь развития, становление экономики знаний (как бы мы ее ни понимали), цифровизация – в нашей стране ассоциируются с понятием модернизации. Независимо от различий теоретических взглядов на модернизацию¹⁰, практически под этим понимается обновление (отказ от чего-то старого и переход к новому), улучшение, совершенствование. Полагаем, что китайский профессор Ли Синь выразил господствующее мнение, указав, что «...суть модернизации экономики России заключается в переходе от ресурсной модели экономики к инновационной... Лишь избавившись от сырьевой модели экономического развития, можно реально противостоять внешним рискам и бросать вызов сильным экономикам...» [Синь Ли, 2011. С. 19, 21]. Автор полагает, что «российская экономика совершила чудо, создав материальную базу для осуществления стратегии модернизации», тем не менее «...сейчас еще слишком рано делать какие-либо выводы, однако самое время для осознания ряда проблем» [Синь Ли, 2011. С. 18, 21]. Рассуждая в этом ключе, нельзя не согласиться, что Россия все еще слишком далека от того, чтобы распрощаться с ресурсной моделью экономики и стать инновационной. Но было бы наивным рассчитывать на какой-то сверхбыстрый, революционный переход. «Модернизация – процесс

¹⁰ В современной литературе понятие «модернизация» употребляется в нескольких значениях: как построение общества модерна, т.е. переход от традиционного общества к современному; как синоним догоняющего развития и преобразований, предпринимаемых отставшими странами с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых; как совершенствование общества в широком смысле путем реформ и внедрения инноваций [Миронов, 2018].

постепенный, где следует придерживаться принципа планомерного и постепенного движения, нельзя погубить дело торопливостью... Движение за модернизацию не может остаться без государственного руководства» [Синь Ли, 2011. С. 21].

Думается, что «постепенность» в данной характеристике следует понимать не как медлительность, неспешность, а как проявление разумности, воли и определенной логически и исторически обусловленной последовательности действий [Менделеев, 2008]. Важно, что модернизация представляет собой целенаправленный процесс преобразований, долгосрочный или среднесрочный – в зависимости от масштабов и глубины – «национальный проект»; а успешность спонтанной, неуправляемой, автоматической модернизации представляется крайне маловероятной.

Российская модернизация (в некоторой степени по примеру Китая и ряда других стран) сегодня не ассоциируется с «вестернизацией», а опирается на «опыт ограниченных заимствований – экономической или технологической модернизации, положенной на почву местных представлений о путях развития... Она подчинена задачам повышения производительности труда и перехода на новый технологический уклад без изменения ценностного ряда или значимых политических преобразований» [Поликанов, 2014]. В связи с этим видится одна из главных развилки на пути дальнейшего обновления: будет ли это процесс преимущественно технической перестройки, что равнозначно «инноватизации», или он примет расширенный характер, охватывая также институциональные и социальные основы развития страны и ее экономики. Указанные пути можно разграничить следующим образом: «если инноватизация представляет собой «подстегивание» экономико-технологического развития, то модернизация – создание фундаментальных, инфраструктурных (в самом широком смысле) предпосылок такого развития» [Пономарев и др., 2009].

Другая не менее важная развилка состоит в формировании характера дальнейшего модернизационного процесса: пойдет ли он «сверху» или «снизу», что неизбежно скажется на специфике рисков и результатов. «Суть модернизации сверху состоит в том, что государство выступает инициатором всяких действий и принуждает бизнес и общество выполнять свои предписания... Модернизация снизу – процесс перехода... от законов, которые большинству выгодно нарушать, к законам, выгодным для большинства

и потому исполняемым не из-под палки [Ясин, 2011. С. 16, 19]. Модернизация сверху, ограниченная кругом мер, которые власть может держать под контролем, менее рискованна, но и менее потенциально результативна. «Не исключено, что модернизация сверху будет мало чем отличаться от развития по инерции» [Ясин, 2011. С. 7]. Риски и вероятные результаты модернизации снизу более высоки, поскольку, опираясь на энергию и инициативу широких слоев населения и бизнеса, она предполагает самоограничение власти правящей элиты. «Демократизация – необходимая составляющая этой политики» [Ясин, 2011. С. 8]. Демпфировать риски модернизации снизу можно, если придать ей постепенный характер и избежать революционных потрясений.

В контексте выбора путей модернизации решается и дилемма «мобилизация vs. либерализация». В России (СССР) крупные экономико-технологические сдвиги традиционно осуществлялись государством по мобилизационному сценарию и не затрагивали социально-политические рамки, вследствие чего взлеты чередовались с периодами застоя и технологического отставания [Грэхэм, 2014]. Вряд ли подобная мобилизация уместна сегодня и в будущем. Наверное, следует согласиться с мнением некоторых авторов, что России необходима внутренняя мобилизация по принципу: «мобилизация – для элиты, либерализация – для общества», – что может выражаться в самоограничении для власти, а для крупного бизнеса – в сниженной норме потребления и повышенной норме инвестирования [Пономарев и др., 2009].

В любом случае дальнейшая модернизация в России, как и всякое обновление, будет процессом противоречивым. И в этой связи уместно, наверное, напомнить слова Френсиса Бэкона: «... Хорошо бы людям, вводя новшества, брать пример с самого времени, которое производит поистине великие перемены, но исподволь и едва заметно, ибо иначе все новое будет неожиданным. И всегда новшество одним на руку, а другим на беду; и тот, кому от него польза, считает его за благо и восхваляет времена; а кому ущерб, считает за зло и клянет виновника. Не следует также решаться на новые опыты в государствах, кроме случаев крайней необходимости или очевидной пользы, и надо непременно удостовериться, что именно преобразования повлекут за собой перемены, а не жажда перемен служит предлогом к преобразованию» [Бэкон, 1978. С. 404–405].

О методе, модели прогнозирования и исходных данных

В предыдущих статьях цикла, опубликованных в 2014–2019 гг., мы не раз уже излагали методические основы построения сценарных экономических прогнозов, поэтому сейчас об этом напомним в максимально кратком виде.

Мы используем экспертно-статистический байесовский метод, изначально разработанный специалистами фонда «ИНДЕМ» для целей прогнозирования политической ситуации в России [Благовещенский и др., 2016]. Его особенность состоит в том, что прогнозы строятся по следующему принципу: *«Если мы не можем точно прогнозировать будущее, мы, по крайней мере, вправе попытаться связать возможные варианты будущего с настоящим»* [Благовещенский и др., 2012. С. 75].

Конструкция прогнозной модели состоит из трех частей.

1. Набор задаваемых *базовых сценариев* развития (с 10–15-летним горизонтом предвидения), шансы реализации которых определяются в процессе численного моделирования прогноза. Характеристики сценариев отражают возможные будущие состояния экономики; моделируемое движение в их направлении происходит в результате комбинации различных исходов при решении проблемных ситуаций. Этот набор, включающий пять сценариев (А1 – «На пути в ОЭСР»; А2 – «Ресурсная держава»; А3 – «Лицом к Востоку»; А4 – «Свой путь»; А5 – «На периферии мира»), остается неизменным со второго этапа исследования¹¹.

2. Набор *проблемных ситуаций (проблем)*, которые характеризуют современное состояние экономики и должны каким-то образом разрешиться в будущем. В рамках макропроблемы, отражающей взаимосвязь модернизации (инноваций) и экономического роста, мы включили в модель сценарного прогнозирования девять проблем:

- государственная научно-техническая политика;
- научно-технологическое развитие;
- рынок инноваций;
- цифровизация экономики;
- интеграция России в мировую инновационную среду;

¹¹ Подробное описание сценариев дано в наших предыдущих статьях [Карева, Шмат, 2015; Михайловская и др., 2017].

- ресурсный сектор и инновации;
- накопление (развитие) человеческого капитала;
- модернизация и/или инноватизация;
- экономический рост.

3. *Способы разрешения* проблемных ситуаций (в виде наборов для каждой из проблем), альтернативный выбор которых предопределяет, по какому сценарию будет происходить развитие экономики. Каждой из приведенных выше проблем вменялось по пять вариантов разрешения, т.е. в целом данный блок модели включает 45 разрешающих событий, шансы наступления которых (в процентном виде с суммой, равной 100 для каждой проблемы) оцениваются экспертами (см. Приложение).

При построении модели мы опираемся на неформализованный *источник информации* в виде *экспертных оценок*, полученных от двух аудиторий экспертов – «отцов» и «детей». *Основная экспертная аудитория* («отцов») состоит из авторитетных ученых-экономистов и социологов, работающих в научных и научно-образовательных организациях Новосибирска, Красноярска, Читы и Кызыла. На данном этапе исследования в опросе участвовали 22 эксперта (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики основной экспертной аудитории

Общее число экспертов	22
- из Новосибирска	18
- из других городов Сибири	4
Сферы научных интересов (по числу экспертов)	
- Региональная экономика	10
- Институциональная экономика	7
- Экономическая теория	6
- Экономика отраслей и предприятий; экономико-математическое моделирование	по 5
- Общеэкономические вопросы; макроэкономика; финансы	по 3
- Менеджмент; социология	по 1
Число экспертов, указавших в качестве основной сферы научных интересов только одну	11
Число экспертов, указавших в качестве основных сфер научных интересов более двух	6

Примечание: экспертам было предложено указать основные сферы научных интересов из составленного нами списка, который охватывает ключевые области экономической науки. При этом не выдвигалось требование указать только одну из сфер.

Индикативная экспертная аудитория «детей» (23 человека) состояла как обычно из студентов старших курсов, магистрантов,

аспирантов, недавних выпускников (молодых специалистов) экономического факультета НГУ.

В результате опроса мы получаем *два набора экспертных оценок*:

1) *оценки безусловных шансов событий*, т.е. мнения экспертов о реализуемости заданных событий, которые дают численно выраженную картину прогнозируемого развития экономики;

2) *оценки условных шансов событий* при предположении о реализации каждого из базовых сценариев¹², которые формируют «оцифрованные» представления о сценариях, позволяют соотносить их с численными характеристиками прогноза и выявлять степень релевантности.

На основе индивидуальных экспертных оценок методом ранжирования определяются *обобщенные (агрегированные) оценки*, т.е. вычисляются результирующие значения безусловных и условных шансов событий по проблемам, включенным в модельную конструкцию прогноза, которые образуют *полную информационную базу для численного моделирования* (см. Приложение).

Результаты моделирования прогноза

В процессе численного моделирования с использованием аппарата байесовской вероятности рассчитываются *шансы (вероятности) реализации базовых сценариев*. Сходимость рекуррентных вычислений обеспечивается большим числом итераций (10 тыс.).

По оценкам обеих экспертных аудиторий, результаты прогноза на шестом этапе исследования во многом схожи с результатами предыдущего. Основные отличия заключаются в следующем: по оценкам «отцов», несколько возрастают шансы реализации негативного сценария («На периферии мира») за счет уменьшения шансов сценариев «Ресурсная держава» и «Свой путь». По оценкам «детей», результат прогнозирования выглядит более оптимистичным: шансы периферийного сценария снижаются, а сценариев «На пути в ОЭСР» и «Лицом к Востоку» повышаются. Но в целом для периода 2017–2019 гг. вырисовывается довольно стабильная картина (рис. 2).

¹² Принцип оценивания условных шансов событий описан в работе [Благовещенский и др., 2012. С. 79].

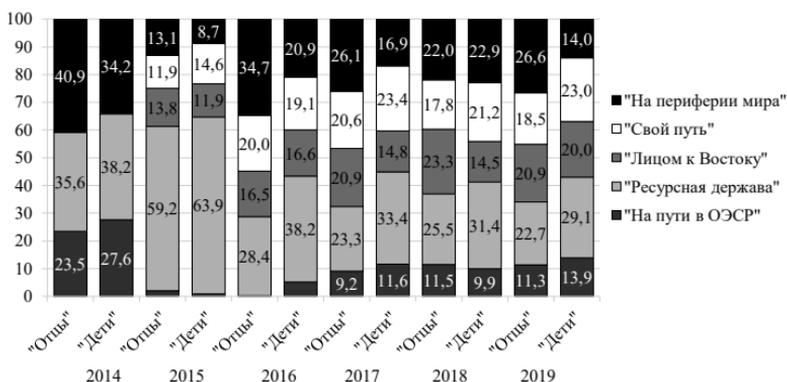

Рис. 2. Шансы реализации сценариев, вычисленные на основе оценок экспертных аудиторий «отцов» и «детей» в 2014–2019 гг.,%

Как и ранее, мы контролируем результаты моделирования прогноза данными *корреляционного анализа агрегированных оценок безусловных и условных шансов событий*, т.е. шести векторов, каждый из которых включает 45 элементов (по пять оценок для всех девяти проблем). Наблюдается общее соответствие выявленных корреляций и оценок реализуемости сценариев, однако (в отличие, например, от итогов 5-го этапа исследования) мы видим некоторое уменьшение величины коэффициентов корреляции для наиболее вероятных сценариев (табл. 2). По нашему мнению, это свидетельствует, с одной стороны, об объективном нарастании неопределенности будущего, а с другой – о субъективном расхождении экспертных мнений. На 6-м этапе степень согласованности индивидуальных экспертных оценок, определяемая на основе статистических коэффициентов компетентности экспертов, несколько снизилась, хотя и остается на приемлемо высоком уровне. Любопытно при этом отметить, что наибольшие расхождения выявились в оценках условных шансов событий для сценария «На периферии мира».

На нынешнем этапе исследования мы попытались осуществить одну из наших ранних задумок и провели расчеты по прогнозной модели на основе индивидуальных оценок безусловных и условных шансов событий, полученных от каждого из экспертов-«отцов», т.е. построили 22 варианта прогноза с оценками шансов реализуемости базовых сценариев.

Таблица 2. Результаты попарного корреляционного анализа обобщенных условных и безусловных оценок, соответствующих базовым сценариям, на пятом и шестом этапах исследования

Оценка	A1. «На пути в ОЭСР»	A2. «Ресурсная держава»	A3. «Лицом к Востоку»	A4. «Свой путь»	A5. «На периферии мира»
6-й этап					
«Отцы»	0,106	0,785	0,757	0,711	0,663
«Дети»	0,330	0,895	0,717	0,796	0,024
5-й этап					
«Отцы»	0,451	0,968	0,956	0,914	0,634
«Дети»	0,215	0,950	0,514	0,793	0,527

Кратко характеризуя результаты (табл. 3), можно отметить следующее. Во-первых, соотношение средних оценок реализуемости сценариев близко к соотношению оценок из общего прогноза с той лишь разницей, что в первом случае выявляется некоторое преимущество сценария «Ресурсная держава». Во-вторых, выглядит естественным, что, по оценкам 14 из 22 экспертов, наименее вероятным оказывается прозападный сценарий. В-третьих, группа экспертов, чьи оценки вывели периферийный сценарий как наиболее вероятный, является самой многочисленной (восемь человек).

Таблица 3. Сводные результаты моделирования прогноза по индивидуальным оценкам экспертов-«отцов»

Сценарий	Оценка шансов реализации сценария по результатам индивидуальных прогнозов			Число экспертов, по оценкам которых сценарий является	
	максимальная	минимальная	средняя	наиболее вероятным	наименее вероятным
«На пути в ОЭСР»	48,5	0,2	14,4	5	14
«Ресурсная держава»	63,2	10,2	25,1	3	0
«Лицом к Востоку»	36,7	1,3	16,7	2	2
«Свой путь»	66,0	0,3	21,1	4	2
«На периферии мира»	55,0	0,1	22,8	8	4
Итого				22	22

Рассматривая многоэтапное прогнозное исследование как своего рода мониторинг развития ситуации в экономике, мы продолжили фиксацию изменения результатов в фазовом

пространстве¹³. Однако сейчас, в отличие от 2017–2018 гг., используя тот же метод факторного анализа, мы редуцировали множество параметров (обобщенных экспертных оценок безусловных и условных шансов событий), до однофакторного представления, а не двухфакторного, как ранее. Это дало возможность, на основе значений факторных нагрузок, т.е. коэффициентов корреляции между оценками шансов событий и вычисленным агрегатным показателем, интерпретировать последний как «Развитие» или «Уровень экономического развития». Тогда факторные веса, рассчитанные для прогноза (на основе оценок безусловных шансов событий) и базовых сценариев (на основе оценок условных шансов), отражают соответствующие уровни развития (табл. 4).

Таблица 4. Факторные веса, рассчитанные для прогноза и базовых сценариев на основе оценок шансов событий для всех этапов исследования, в 2014–2019 гг.

Сценарий	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Среднее
«Прогноз»	-0,956	-0,655	-0,986	-0,718	-0,278	-0,757	-0,725
«На пути в ОЭСР»	1,487	1,435	1,429	1,644	1,459	1,415	1,478
«Ресурсная держава»	-0,340	-0,635	0,032	0,006	-0,005	0,216	-0,121
«Лицом к Востоку»	0,476	0,526	0,576	0,325	0,002	0,335	0,373
«Свой путь»	0,476	0,561	0,218	0,038	0,435	0,271	0,333
«На периферии мира»	-1,143	-1,232	-1,268	-1,294	-1,614	-1,480	-1,338

Примечание: значения факторных весов по наблюдениям для каждого периода (в столбцах таблицы) представляют собой отклонения от среднего значения, равного 0, при стандартном отклонении, равном 1.

По временным рядам факторных весов для базовых сценариев видно, что положительные значения усредненных значений присущи сценариям «На пути в ОЭСР» (наиболее высокий уровень развития), «Лицом к Востоку» и «Свой путь» (примерно равные уровни развития). Сценарий «Ресурсная держава» ассоциируется как средний по уровню развития среди всех представлений будущего, и именно к этой траектории, в лучшем случае, приближаются точки графика прогноза, соответствующие всем этапам проведенного исследования с 2014 г. по 2019 г. (рис. 3).

¹³ Более подробно вопрос о проведении факторного анализа оценок событий и построения фазового пространства прогноза раскрыт в одной из наших предыдущих статей [Михайловская, Шмат, 2018].

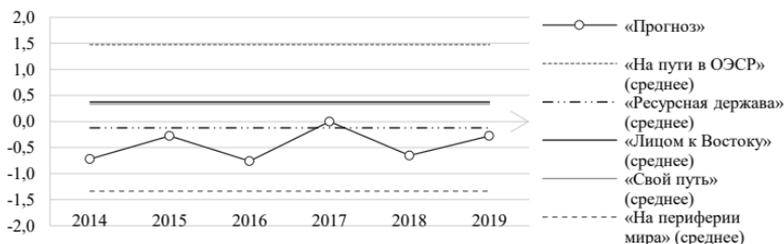

Рис. 3. График изменения уровня развития экономики в прогнозах по шести этапам исследования в сравнении с усредненными показателями базовых сценариев в 2014–2019 гг.

Эскиз наиболее вероятного будущего

«... То-то радость!
 Гадает ветренная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Перед которой жизни даль
 Лежит светла, необозрима;
 Гадает старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потеряв невозвратно;
 И все равно: надежда им
 Лжет детским лепетом своим».

Александр Пушкин¹⁴

Опираясь на результаты экспертного опроса, попытаемся нарисовать эскизную картину будущего, в котором произойдут события, получившие максимальные оценки безусловных шансов реализации (см. Приложение). Для ряда проблемных ситуаций мы рассматриваем по два-три события-лидера, поскольку плотность оценок высока и отсутствуют явные «фавориты». Отметим также, что выбор наиболее вероятных событий обеими экспертными аудиториями во многом совпадает, хотя эксперты-«дети», что вполне естественно, с несколько бóльшим оптимизмом смотрят в будущее.

Итак, что мы видим?..

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 5. / А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд.-е. 4-е. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отд., 1978. Т. 5. С. 5–184 [С. 88–89].

Начнем с того, что Россия вряд ли сможет достигнуть сколь угодно высоких темпов экономического роста: в национальной экономике постоянно прослеживаются застойные тенденции, перемежающиеся незначительными всплесками. Проблема ускорения развития приобретает перманентно тревожный характер, но кардинальное решение так и не удается найти. В сущности, даже нельзя всерьез говорить о догоняющем развитии, приближении к странам с высоким уровнем дохода. Положение России в «мировой таблице о рангах» по показателям экономического развития в лучшем случае не ухудшается.

Это результат довольно вялой, ограниченной модернизации сверху, при которой имеющиеся ресурсы мобилизуются на приоритетных в видении государства направлениях технологического развития, связанных с «оборонкой», космосом, ИКТ, и где налицо определенные достижения. Заявленная государством модернизация представляет собой весьма противоречивый процесс. Складывается впечатление, что власть не решается всерьез широко использовать административный ресурс для достижения поставленных целей и в то же время опасается дать простор инициативе снизу. Очень фрагментарные, незначительные институциональные изменения носят узкий и обусловленный характер – проводятся в той мере, в какой это необходимо и неизбежно для решения техномодернизационных задач и при этом позволяет держать процесс под контролем. Ход модернизации ослаблен тем, что она зачастую сбивается на путь «автоматических» преобразований, «естественного» развития событий в надежде на действие рыночных сил, что скорее говорит о слабости государства, нежели о его склонности к либерализации экономической жизни.

Полна противоречий и государственная научно-техническая политика, определяющая направления инновационного развития. В ее подготовке и реализации явно преобладают административные подходы; цели и задачи формируются исходя из видения чиновников, отвечающих за науку и инновации, и «верхушки» научного сообщества. Постоянен конфликт идей и взглядов, складывается несколько центров влияния, что ведет к неустойчивости и хаотичности политических целей и большому числу декларативных решений.

Не случайно поэтому научно-технологическое развитие страны приобретает преимущественно пассивно-догоняющий характер с массовым импортом технологий и результатов НИОКР «непрорывного» характера. Как исключение, встречаются примеры прагматичной имплементации зарубежных инновационных идей и разработок, грамотной локализации эффектов. Предпосылки для лидерства (на фоне достижений других стран) формируются по узким направлениям развития науки и техники, ориентированных на «оборонку». Сообразно с этим происходят процессы интеграции в мировую инновационную среду, где Россия оказывается далеко не на первых ролях, вынужденно следуя в фарватере интересов более сильных игроков и привнося в нее то, что мир прежде всего хочет получить: производя немало знаний (идей) и умов, которые в «сыром» виде утекают за рубеж, Россия импортирует конечные продукты инновационных разработок. Лишь в отдельных узких нишах рынка инноваций появляются шансы на достойную конкуренцию с мировыми лидерами по созданию (в меньшей степени) и тиражированию (в большей степени) инноваций.

Основные достижения (помимо «оборонки») связаны с ИКТ и цифровизацией, которая расширяется и углубляется в спокойном темпе, без принудительных рывков, по мере увеличения спроса на цифровые услуги со стороны подготовленной части населения и бизнеса, но при этом значительная часть потенциальных потребителей самоустраняется от цифрового мира. Последовательно реализуются основные государственные инициативы (в сфере госуслуг, здравоохранения, образования), хотя в политике цифровизации и просматриваются черты демонстративности, снижающие ее результативность и нацеленность на объективные потребности. Развитие цифровой экономики сталкивается с ограничениями в виде недостатка технологий и кадров, что постоянно подпитывает риск усиления зависимости от «цифровых метрополий».

Несколько повышается эффективность традиционно ведущих отраслей экономики, являющихся бюджетными донорами, что дает государству дополнительные финансовые ресурсы для реализации своих планов и программ в экономике и в социальной сфере. Однако ресурсному сектору не удастся побороть привычную зависимость от импорта (причем не только инновационных

технологий и оборудования, но и вполне рядовых) и наладить масштабное взаимодействие с национальной инновационной системой и обрабатывающим сектором; наиболее интенсивные связи формируются в рамках крупных корпоративных структур, тогда как независимые производители инноваций оказываются в роли аутсайдеров.

Отчасти это отражает общую тенденцию довольно вялого развития рынка инноваций. Сохраняются привычные для нашей страны разрывы между сферами создания инноваций и их использования. Мы видим своего рода «трезубец проблем»: недостаточного предложения, недостаточного спроса и слабого механизма взаимосвязей между первым и вторым – порожденный в том числе монополизацией, как в инновационной сфере, так и в ведущих отраслях-потребителях. Усилия государства, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса, чаще всего оказываются беспомощными, сводятся к правильным и красивым декларациям. Заметное положительное влияние на рынок, и инновационный процесс вообще, государству удается оказывать путем непосредственного формирования спроса со стороны органов власти, госкомпаний, учреждений бюджетной сферы – и главным образом на цифровые продукты и сервисы.

В процессе накопления (развития) человеческого капитала просматриваются ранее сложившиеся тенденции, которые выражаются в нацеленности преимущественно на обеспечение минимально необходимых запросов государства и бизнеса. Прежде всего это касается развития сферы образования с преобладанием в ней типовых подходов и унифицированных стандартов, позволяющих растить квалифицированных исполнителей, но не творцов. Усиливается социальная и межрегиональная дифференциация возможностей для накопления человеческого капитала, отчетливо выделяются привилегированные группы населения, для которых создаются особо благоприятные условия личностного развития и применения способностей.

* * *

Что ж, увы... В нашем прогнозе вырисовывается не слишком благодатная картина будущего, в которой преобладают темные, пессимистичные тона. Нам он представляется, как это ни грустно

признавать, вполне реалистичным. Однако окончательное суждение о его правдоподобию, конечно же, остается за уважаемым читателем.

Остается добавить, что последние строки статьи пишутся в непростое время, когда экономическая жизнь в стране прижата ограничениями, связанными с пандемией коронавируса. И судя по многим весьма авторитетным мнениям, это только начало кризиса, который в ближайший год-два-три грозит обернуться существенным спадом производства, снижением уровня занятости и доходов населения. А ведь в экспертных оценках, на основе которых построен наш прогноз, все эти обстоятельства практически не учитываются, поскольку опрос был проведен несколько ранее, чем сегодняшние кризисные события дали знать о себе.

То есть можно предположить, что надвигающийся кризис ближайших лет внесет свои ухудшающие коррективы и в прогноз на отдаленное будущее. А может быть, наоборот? Кризис, который сопровождается в том числе ослаблением внешних связей, даст импульс для мобилизации собственных возможностей, и прежде всего связанных с созданием и внедрением инноваций, которые делают экономику более эффективной, более устойчивой к разнообразным потрясениям, менее зависимой от чужих интересов? Может быть, угроза вполне вероятной катастрофы заставит власть, бизнес, гражданское общество более честно и прагматично посмотреть на то, что происходит в стране, и приблизиться к разумному согласию в вопросе о модернизации экономики и других сфер жизни, опираясь на непредвзятые и незашоренные научные оценки и рекомендации? И может быть, отслеживая динамику социально-экономических процессов с помощью сценарного прогноза-мониторинга, на последующих этапах исследования мы сможем представить более обнадеживающую картину будущего, не опасаясь, что это будет выглядеть как лживый детский лепет надежды?

Приложение

Обобщенные оценки безусловных и условных шансов событий для базовых сценариев по аудитории экспертов-«отцов»,%

Проблема 1. Государственная научно-техническая политика¹⁵

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
1.1	Умная, сильная и справедливая политика	5,8	20,9	10,5	11,9	15,2	6,3
1.2	Умная и сильная политика	11,5	21,7	16,3	18,6	20,2	8,5
1.3	Сильная политика	32,1	29,6	30,3	30,4	25,8	19,2
1.4	Хаотичная политика	31,7	18,5	25,8	25,0	23,7	33,7
1.5	Слабая политика	18,9	9,3	17,1	14,1	15,1	32,3
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 2. Научно-технологическое развитие

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
2.1	Интенсивное развитие, имеющее целью достижение общего научно-технологического лидерства	7,3	18,5	11,0	13,8	18,4	4,7
2.2	Опережающее развитие с прицелом на научно-технологическое лидерство в секторах традиционной специализации экономики России	12,2	22,1	17,4	20,4	22,5	7,8
2.3	Активное догоняющее развитие	27,2	25,7	28,5	26,5	22,0	14,6
2.4	Пассивное догоняющее развитие	31,0	21,9	24,5	23,1	20,2	30,9
2.5	Политизированное, фактически малопродуктивное развитие под лозунгами импортозамещения	22,3	11,7	18,6	16,3	16,9	42,0
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 3. Рынок инноваций

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
3.1	Гармоничный рынок	7,1	19,4	10,5	11,5	14,6	3,7
3.2	Рынок предложения	13,3	23,0	15,7	18,5	19,2	10,9
3.3	Государство – генератор спроса	29,8	28,2	32,4	32,7	25,7	21,9
3.4	Государство – генератор предложения	21,6	18,3	22,7	20,6	21,2	26,0
3.5	Вялый рынок	28,3	11,1	18,8	16,7	19,3	37,5
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹⁵ В таблицах с характеристиками проблемных ситуаций в столбце P приводятся обобщенные значения безусловных шансов событий, а в столбцах A1, A2, A3, A4, A5 – обобщенные оценки условных шансов событий для базовых сценариев.

Проблема 4. Цифровизация

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
4.1	Гармоничная цифровизация	7,1	19,4	13,6	14,1	14,7	3,6
4.2	Жесткая цифровизация	19,8	25,2	24,2	24,9	25,1	10,4
4.3	Спокойная цифровизация	28,3	24,6	30,9	29,0	27,1	18,4
4.4	Показная цифровизация	28,2	17,6	20,3	20,3	20,3	32,6
4.5	Колониальная цифровизация или цифровая колонизация	16,7	13,3	11,0	11,7	12,8	35,0
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 5. Интеграция России в мировую инновационную среду

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
5.1	Передовая / лидерская интеграция	6,5	18,4	12,6	12,4	15,2	2,1
5.2	Активная интеграция на вторых ролях	18,2	29,0	24,2	22,8	20,7	8,3
5.3	Пассивная интеграция	30,8	30,0	29,8	28,4	26,4	22,4
5.4	Ограниченная интеграция	27,4	17,4	21,5	24,0	23,1	34,6
5.5	Самоизоляция	17,2	5,2	11,9	12,5	14,6	32,6
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 6. Ресурсный сектор и инновации

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
6.1	Мощный универсальный мультипликатор	9,4	19,1	13,7	14,4	15,5	3,0
6.2	Узконаправленный мультипликатор	22,0	28,2	29,6	24,1	23,7	10,9
6.3	Умный импортер	22,4	25,2	26,1	26,3	25,2	16,7
6.4	Пассивный импортер	30,4	16,6	18,8	23,2	22,2	33,5
6.5	Тормоз для инноваций	15,8	10,9	11,8	12,0	13,4	35,9
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 7. Накопление (развитие) человеческого капитала

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.1	Интенсивное накопление человеческого капитала на базе сбалансированного развития экосистемы знаниеемкой экономики	6,5	20,0	13,4	15,5	16,4	5,3
7.2	Общая устойчиво позитивная динамика в процессе накопления человеческого капитала	16,2	26,1	20,3	21,2	21,1	8,5
7.3	Накопление человеческого капитала с темпом, который вполне соответствует продвинутым интересам бизнеса и государства	29,1	28,0	28,8	27,7	24,3	15,7
7.4	Накопление человеческого капитала с темпом, который соответствует минимально необходимым запросам государства и бизнеса	30,2	17,8	23,3	22,4	23,6	32,3

Окончание табл. 7

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
7.5	Стагнация и последующая деградация человеческого капитала	18,0	8,1	14,2	13,2	14,6	38,2
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 8. Модернизация и/или инноватизация?

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
8.1	Модернизация снизу	5,8	23,2	13,6	12,9	13,6	5,4
8.2	Модернизация сверху	22,9	27,7	26,7	25,3	21,9	11,9
8.3	Инноватизация снизу	19,3	22,6	21,8	22,2	20,9	14,9
8.4	Инноватизация сверху	26,2	17,6	21,4	22,6	25,4	29,0
8.5	Ни модернизации, ни инноватизации	25,8	8,9	16,5	17,0	18,2	38,8
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Проблема 9. Экономический рост

№	Событие	P	A1	A2	A3	A4	A5
9.1	Экономическое чудо	5,8	18,4	11,0	14,2	16,6	4,6
9.2	Устойчивый рост	12,9	29,1	20,1	19,5	18,7	9,2
9.3	Идет бычок, качается...	28,7	25,8	28,9	27,2	24,4	18,3
9.4	Застой, или на грани кризиса	35,0	16,4	24,8	23,5	22,2	37,8
9.5	Перманентный кризис	17,6	10,3	15,2	15,6	18,1	30,1
	Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Литература

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Сценарное прогнозирование политической ситуации в России. Аналитический доклад № 5, весна 2016. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2016. 96 с. URL: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (дата обращения: 30.04.2020).

Благовещенский Ю. Н., Кречетова М. Ю., Сатаров Г. А. Экспертно-статистический байесовский подход к сценарному политическому прогнозированию // Полис. 2012. № 4. С. 74–96.

Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Соч. в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 349–482.

Горбачева А. А., Кормишин А. Е. Актуальные тенденции цифровизации и их влияние на преобразование энергетического сектора экономики России // Modern Economy Success. 2019. № 1. С. 46–52.

Гохберг Л. М., Кузнецова Т. Е. Стратегия-2020: новые контуры российской инновационной политики // Форсайт. 2011. Т. 5. № 4. С. 8–30.

Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.

Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации в 2018 году. М.: Информационно-аналитический

центр «Наука» РАН, 2019. 75 с. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=ff67b8b7-b08b-43ef-b3a3-12439fc349e7> (дата обращения: 30.04.2020).

Зубаревич Н. Регионы и города России: сценарии-2020. В кн.: Россия-2020: Сценарии развития / Моск. Центр Карнеги, под ред. М. Липман и Н. Петрова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 387–406.

Инновации в России – неисчерпаемый источник роста. М.: Центр по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice, 2018. 108 с. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Innovations-in-Russia.ashx> (дата обращения: 30.04.2020).

Карева Д.Е., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд второй // ЭКО. 2015. № 12. С. 45–65.

Касперская Н. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации. Развернутые тезисы выступления на Парламентских слушаниях в Государственной Думе РФ. 20 фев. 2018 г. на тему «Формирование правовых условий финансирования и развития цифровой экономики». URL: <https://ivan4.ru/~ZPDWу> (дата обращения: 30.04.2020).

Конопляник А. ТЭК как полюс притяжения инноваций в экономику // Бизнес-эксперт. 2013. № 10. С. 2–4.

Крюков В.А. Проблемы развития нефтегазового сектора России в контексте экономики знаний // Вестник ЦЭМИ РАН. 2018. Вып. 1. URL: <https://cemi.jes.su/s/111111110000110-4-1/> (дата обращения: 30.04.2020).

Кузнецов Н.В. Цифровизация экономики России: институциональные драйверы // Теория и практика общественного развития. 2019. № 4 (134). С. 75–78. <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.4.12>.

Мальшева Г.А. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. 2018. Том. 26. № 1. С. 40–46.

Маслов В.И., Лукьянов И.В. Четвертая промышленная революция: истоки и последствия // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2017. № 2. С. 38–48.

Массовая уникальность – глобальный вызов в борьбе за таланты. – BCG, 2019. 56 с. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/228999> (дата обращения: 30.04.2020).

Менделеев Д.И. Заветные мысли // В кн.: Познание России. Заветные мысли / Д.И. Менделеев. М.: Эксмо, 2008. С. 177–412.

Михайловская Д.С., Трочинская Д.А., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд третий // ЭКО. 2017. № 2. С. 36–62.

Михайловская Д.С., Шмат В.В. Будущее российской экономики глазами «отцов» и «детей». Взгляд четвертый // ЭКО. 2018. № 5. С. 110–138. DOI: 10.30680/ECO00131-7652-2018-5-110-138.

Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104>.

Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России. Экспертно-аналитический доклад. Под науч. рук. В.Н. Княгинина. М.: ЦСР, 2017. 136 с. URL: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (дата обращения: 30.04.2020).

Поликанов Д. Внешняя политика на службе модернизации России // Индекс Безопасности. 2014. Т. 20. № 2 (109). С. 35–46.

Пономарев И., Ремизов М., Карев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства // Полит.ру. 29 окт. 2009. URL: <https://polit.ru/article/2009/10/29/mrkprng/> (дата обращения: 30.04.2020).

Проблемы и перспективы инновационного развития территориальных социально-экономических систем / Под науч. ред. Наумова И. В. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. 297 с.

Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики. М.: Interfax-ЦЭА, 2007. 33 с. URL: https://drive.google.com/file/d/1wCYE0_HleGtUUde5hBH4fgkfz42nj17t/view (дата обращения: 30.04.2020).

Россия онлайн? Догнать нельзя отстать. The Boston Consulting Group, 2016. 56 с. URL: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27152058.pdf (дата обращения: 30.04.2020)

Синь Ли. Модернизация экономики России: перспективы и проблемы // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 2 (68). С. 17–22.

Сланцевая революция и глобальный энергетический переход / Под ред. Н. А. Иванова. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 540 с.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Книга 1. / Под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. 430 с.

Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала. Докл. к XX Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 51, [1] с. URL: http://liberal.ru/files/articles/5355/scenarii_yasin_light.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

Тоценко Ж. Т. Новое в социальной структуре общества: прекариат. Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100–108.

Ясин Е. Г. Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 48 с. URL: http://liberal.ru/files/articles/5355/scenarii_yasin_light.pdf (дата обращения: 30.04.2020).

Candelon F., Reeves M., Wu D. The New Digital World: Hegemony or Harmony? BCG, Nov. 14, 2017. URL: <https://www.bcg.com/publications/2017/strategy-globalization-new-digital-world-hegemony-harmony.aspx> (дата обращения: 30.04.2020).

Huws U. Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age. N.Y.: NYU Press, 2014. 240 p.

Статья поступила 12.05.2020

Статья принята к публикации 18.05.2020.

Для цитирования: *Берсенева Д., Шмат В.* Будущее российской экономики глазами отцов и детей. Взгляд шестой // ЭКО. 2020. № 7. С. 44–74. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-7-44-74.

Summary

Berseneva, D.A., Novosibirsk State University, Shmat, V.V., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS; Novosibirsk State University, Novosibirsk

The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Sixth Sight

Abstract. The article continues the cycle of publications in the ECO journal with brief reports on the results of a study forecasting the development of the Russian economy using the expert-statistical Bayesian method. The peculiarity of the method is that, based on expert estimates, it allows you to make forecasts in conditions of severe uncertainty. At the sixth stage of the investigation a special meaningful model's structure was formed. Updated model linked to the problems of modernization of the economy, innovative development in conjunction with economic growth. A sketch of the most probable future was “drawn”. It has a predominance of stagnant-pessimistic traits, which follows from the results of an expert survey and their interpretation. Mathematical modeling of the forecast revealed high chances of implementing for the scenarios “In the Sticks”, “Resource Nation” and “Facing the East”.

Keywords: *scenario forecasting; economy modeling; expert-statistical Bayesian method; monitoring-forecast; uncertainty; Russian economy; modernization of the economy; innovation; knowledge economy; economic growth*

References

Bacon, F. (1978). *Essayes or Counsels, Civill and Morall* / F. Bacon. Works in two volumes. 2nd rev. Vol. 2. Moscow, Mysl' Publ. Pp. 349–482. (In Russ.).

Blagoveshchensky, Yu.N., Krechetova, M. Yu., Satarov, G.A. (2012). Expert-statistical Bayesian approach to scenario political forecasting. *Polis.Policy*. No. 4. Pp. 74–96. (In Russ.).

Blagoveshchensky, Yu.N., Krechetova, M. Yu., Satarov, G.A. (2016). *Scenario forecasting of the political situation in Russia*. Analytical report No. 5. Spring. Moscow, Liberal Mission Foundation, 96 p. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/7070> (accessed: 30.04.2020). (In Russ.).

Candelon, F., Reeves, M., Wu, D. (2017). The New Digital World: Hegemony or Harmony? BCG, Nov. 14. Available at: <https://www.bcg.com/publications/2017/strategy-globalization-new-digital-world-hegemony-harmony.aspx> (accessed 30.04.2020).

Development of the innovation component of Russia's economy: the prospects and role of economic policy (2007). Moscow, Interfax-CEA, 2007, 30 p. Available at: <https://drive.google.com/file/d/1y4XGzQx8TMVj1AhqZXNhx0IPyYuN624h/view> (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Gokhberg, L., Kuznetsova, T. (2011). Strategy 2020: New outlines of Russian innovation policy. *Foresight-Russia*. No. 4. Pp. 8–30 (in Russ.).

Gorbacheva, A.A., Kormishin, A.E. (2019). Current tendencies of digitalization and its impact on evolution of the Russian energy sector. *Modern Economy Success*. No. 1. Pp. 46–52. (In Russ.).

Graham, L. (2014). *Will Russia be able to compete? The history of innovations in tsarist, soviet and modern Russia*. Moscow. Mann, Ivanov and Ferber, 272 p. (In Russ.).

Growth scenarios for the Russian economy with taking into account the contribution of human capital. (2019). Moscow, Publishing House of HSE, 51, [1] p. Available at: http://liberal.ru/files/articles/5355/scenarii_yasin_light.pdf (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Huws, U. (2014). Labor in the Global Digital Economy: The Cybertariat Comes of Age. N.Y., NYU Press, 240 p.

Innovation in Russia – an inexhaustible source of growth (2018). Moscow, McKinsey Innovation Practice, 108 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/ru/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20> (accessed 30.04.2020). (In Russ.)

Kareva, D.E., Shmat, V.V. (2015) The future of the Russian economy in the eyes of “fathers” and “sons”. The second sight. *ECO*. No. 12. Pp. 45–65. (In Russ.).

Kasperskaya, N. (2018). Digital economy and the risks of digital colonization. Detailed theses of speech at the Parliamentary hearings in the State Duma of the Russian Federation. Feb 202018 on the topic “Formation of the legal conditions for financing and development of the digital economy”. Available at: <https://ivan4.ru/~ZPDWy> (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Konoplyanik, A. (2013). Fuel-Energy-Complex as a pole of attraction of innovations in the economy. *Biznes-ekspert* (Business expert). No. 10. Pp. 2–4. (In Russ.).

Kryukov, V. (2018). Problems of the Russian oil-and-gas sector development in a context of the knowledge economy. *Herald of CEMI*. Issue 1. Available at: <https://cemi.jes.su/s11111110000110-4-1/> (accessed 30.04.2020). (In Russ.)

Kuznetsov, N.V. (2019). Digitalization of the Russian economy: the institutional drivers. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya (Theory and Practice of Social Development)*. No. 4 (134). Pp. 75–78. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2019.4.12>. (In Russ.).

Malysheva, G.A. (2018). On the socio-political challenges and risks of digitalization of the Russian society. *Vlast' (The Power)*. Vol. 26. No. 1. Pp. 40–46. (In Russ.).

Maslov, V.I., Lukyanov, I.V. (2017). The fourth industrial revolution: origins and consequences. *Bulletin of Moscow University. Series 27. Globalistics and geopolitics*. No. 2. Pp. 38–48. (In Russ.).

Mass uniqueness. A global challenge for one billion workers (2019). BCG, 56 p. Available at: https://worldskills2019.com/application/files/2715/6690/3205/ENG_BCG_Mas_Unikum_August_17.pdf (accessed 30.04.2020).

Mendelev, D.I. (2008). *Cherished thoughts*. In the book: *Cognition of Russia. Cherished thoughts / D.I. Mendelev*. Moscow, Eksmo, Pp. 177–412. (In Russ.).

Mikhaylovskaya, D.S., Shmat, V.V. (2018). The future of the Russian economy in the eyes of «fathers» and «sons». The fourth sight. *ECO*. No. 5. Pp. 110–138. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-5-110-138.

Mikhaylovskaya, D.S., Trochinskaya, D.A., Shmat, V.V. (2017). The future of the Russian economy in the eyes of «fathers» and «sons». The third sight. *ECO*. No. 2. Pp. 36–62. (In Russ.).

Mironov, B.N. (2018). Imperial and Soviet Modernization. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. Vol. 63. Issue 1. Pp. 54–82. Available at: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104>. (In Russ.).

New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert analytical report (2017). Moscow, Center for Strategic Research, 136 p. Available at: <https://strategy.csr.ru/user/pages/researches/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf> (accessed 30.04.2020).

Polikanov, D. (2014). Foreign policy as an instrument of Russia's modernization. *Indeks Bezopasnosti (Security Index)*. Vol. 20. No. 2 (109). Pp. 35–46. (In Russ.).

Ponomarev, I., Remizov, M., Karev, R., Bakulev, K. (2009). Modernization of Russia as the construction of a new state. *Polit.ru*. Oct. 29. Available at: <https://polit.ru/article/2009/10/29/mrkpng/> (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Problems and prospects of innovative development of territorial socio-economic systems (2011). Ekaterinburg, Institute of Economics – Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 297 p. (In Russ.).

Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation in 2018 (2019). Moscow, Information and Analytical Center of RAS, 75 p. Available at: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=ff67b8b7-b08b-43ef-b3a3-12439fc349e7> (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Russia online? Catching up cannot be left behind (2016). The Boston Consulting Group, 56 p. Available at: http://image-src.bcg.com/Images/BCG-Russia-Online_tcm27152058.pdf (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Strategy 2020: A new growth model – a new social policy (2013). Final report on the results of expert work on actual problems of Russia's socio-economic strategy for the period until 2020. Book 1. Moscow, Publishing House “Delo” RANEPa, 430 p. (In Russ.).

The shale revolution and the global energy transition (2019). Moscow, St. Petersburg, Nestor-History, 540 p. (In Russ.).

Toshchenko, Zh.T. (2017). New in the social structure of society: precariat. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences*. No. 2. Pp. 100–108.

Xin, Li (2011). Modernization of the Russian economy: prospects and challenges. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov (Bulletin of the St. Petersburg University of Economics and Finance)*. No. 2 (68). Pp. 17–22. (In Russ.).

Yasin, E.G. (2011). *Scenarios for the development of Russia in the long term*. Moscow, Liberal Mission Foundation, 48 p. Available at: http://liberal.ru/files/articles/5355/scenarii_yasin_light.pdf (accessed 30.04.2020). (In Russ.).

Zubarevich, N. (2012). Russia's regions and cities: scenarios for 2020. *Russia-2020: Scenarios for the future*. Carnegie Moscow Center. Moscow, Political Encyclopedia Publishers (ROSSPEN)/ Pp. 387–406. (In Russ.).

For citation: Bersenyova, D., Shmat, V. (2020). The Future of the Russian Economy in the Eyes of “Fathers” and “Sons”. The Sixth Sight. *ECO*. No. 7. Pp. 44-74. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-44-74.

Подходы к регулированию неформальной занятости: теория и практика¹

Д. В. НЕКИПЕЛОВА. E-mail: d.nekipelova@mail.ru
Академия труда и социальных отношений, Москва

Аннотация. Проблема распространения неформальной занятости актуальна для многих стран вне зависимости от уровня их социально-экономического развития и обладает ярко выраженной географической и национальной спецификой. Большинство стран пытаются оптимизировать это явление и максимально легализовать трудовые отношения. Автор статьи анализирует различные подходы к регулированию неформальной занятости, в том числе существующие в рамках классических научных школ, а также реализованных на практике отдельными странами. Через анализ теоретических и прикладных подходов автор задается целью поиска актуальных решений, направленных на сокращение неформальной занятости и повышение качества структуры общей занятости для российского рынка труда. Интегрирование успешных зарубежных практик в российских условиях может позволить сократить время и расходы на реализацию соответствующих программ, а также повысить их эффективность. Главный вывод исследования заключается в том, что сокращение неформальной занятости зависит от реализации комплексных и системных мероприятий, охватывающих все сферы институциональной, экономической, социальной и правовой среды. В заключение представлены предложения, которые, по мнению автора, могут лечь в основу государственной программы по легализации занятости.

Ключевые слова: неформальная занятость; неформальная экономика; занятость в неформальном секторе; прекаризация занятости; рынок труда; достойная занятость; предпринимательство; теневая экономика

Введение

Неформальная экономика играет все большую роль в обеспечении занятостью населения по всему миру. По данным Международной организации труда (МОТ), около 60% трудоспособного населения в мире (около 2 млрд человек²) заняты на неформальной основе. Вместе с тем более половины организаций малого и среднего бизнеса, а частично и крупные организации ведут

¹ Работа выполнена в рамках диссертационного исследования на соискание научной степени кандидата экономических наук.

² Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva:ILO, 2018/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang--en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019).

теневую или полутеневую деятельность, создавая неформальный сектор экономики.

Отметим, что под неформальной занятостью автор понимает вид трудовых отношений, при которых между работником и работодателем не заключен письменный трудовой договор в соответствии с национальным трудовым законодательством в случае работы по найму или если у работника отсутствует регистрация в качестве налогового агента, когда он работает на себя и у него нет постоянного работодателя. Основной мотивацией при этом, как правило, выступает нежелание платить в полном объеме налоги и социальные взносы, а также исполнять другие гарантированные трудовым законодательством обязательства перед работником. Поэтому даже в легальном секторе рынка труда могут иметь место неформальные трудовые отношения в виде, например, привлечения к внеурочной или дополнительной работе без оплаты, использования «серых» схем оплаты труда и т.д. [Сафонов, Некипелова, 2018].

Социально-экономические последствия от неформальной занятости можно оценить двояко. С одной стороны, она обеспечивает людям необходимый (или дополнительный) заработок в условиях нехватки рабочих мест или низкой официальной зарплаты; в определенных условиях это может быть единственным видом занятости, доступным некоторым слоям населения (женщинам, лицам старших и младших возрастных групп, низкоквалифицированным работникам). С другой стороны, в ее результате нарушаются трудовые права наемных работников, снижаются уровень социальной защищенности граждан и налоговые поступления в государственный бюджет, что обуславливает социальную и экономическую неустойчивость государства и общества.

Основная дилемма государственной политики в сфере занятости состоит в необходимости предоставления гарантии занятости и соблюдения трудовых прав работников, с одной стороны, и обеспечения социальных прав неработающих граждан (пенсии, пособия по безработице, субсидии малоимущим и т.д.) – с другой. При этом социальные гарантии, как правило, финансируются из налоговых и иных отчислений трудящихся. Таким образом, поиск и внедрение эффективных мер, направленных на сдерживание роста неформальной занятости и легализацию занятости в целом, представляется актуальной задачей.

Специфика распространения этого явления в разных странах имеет свои особенности и во многом зависит от состояния национальной экономики, системы регулирования рынка труда, менталитета населения и даже геополитического положения отдельно взятого государства. Именно поэтому не существует универсального подхода, способного одномоментно решить проблему легализации на рынке труда, но у каждой страны есть определенный опыт в решении этой проблемы.

Интерпретация неформальной занятости и подходы к ее регулированию в рамках классических научных школ

В первую очередь обратимся к истокам изучения анализируемого явления. С момента своего «открытия» [Hart, 1973] неформальная занятость рассматривалась как традиционная, неорганизованная, подчиненная идее выживания предпринимательская деятельность городского населения³, обеспечивающая удовлетворение бытовых потребностей жителей (уличная торговля, извоз, уборка улиц и помещений, охрана, парикмахерские услуги, услуги по пошиву и ремонту и т.д.), которой занимались работники, не востребованные формальным сектором ввиду различных обстоятельств.

Тогда это понятие существовало в рамках теории неформального сектора и рассматривалось как особая форма организации производства, характерная исключительно для стран третьего мира ввиду структурных особенностей их рынков труда. В русле теории экономического развития, выдвинутой А. Льюисом [Lewis, 1954] и поддерживаемой другими учеными [Boeke, 1953; Geertz, 1978; Harris, Todaro, 1970], считалось, что неформальный сектор является «промежуточным этапом» развития экономической системы и приобретет организованный характер по мере индустриализации экономики. Однако в дальнейшем опыт отдельных развивающихся стран опроверг эту теорию – неформальный сектор рос вместе с индустриальной экономикой.

³ Первоначально термин звучал как «городская неформальная занятость» (urban informal employment), сельскохозяйственная деятельность не учитывалась, теперь неформальная занятость подразделяется на «сельскохозяйственную» и «не сельскохозяйственную». Далее в основном речь идет о второй из них.

Вскоре неформальность стала рассматриваться более широко, «как характер экономических отношений, в разной степени и в разных формах проявляющийся во всех без исключения формах хозяйствования» [Барсукова, 2004. С. 25], такой подход позволял не ограничиваться рамками неформального сектора⁴ развивающихся экономик. Исследователи начали находить проявления неформальной активности в странах с различным уровнем социально-экономического развития и политического устройства, а также характеризовать ее не как «обездоленный остаточный сегмент рынка труда», а как «нерегулируемый микропредпринимательский сектор», который недобросовестно конкурирует с официальными предприятиями [Maloney, 2004. С. 1] или как «новый бизнес-класс» [De Soto, 1989. С. 243].

Наряду с пониманием объекта исследования менялись и представления о необходимых мерах по легализации занятости. В основном они формировались в русле различных направлений в экономической теории, а их апробирование чаще всего происходило на примере развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки, где проблемы неформальной занятости стоят наиболее остро.

В частности, подходы, которые легли в основу программ занятости Международной организации труда и стран Латинской Америки, явно базируются на принципах *неоклассической экономики*. Неоклассики считают неформальный сектор сосредоточением предприятий с низкой производительностью труда, семейным типом организации производства, мелким масштабом производства и трудовыми ресурсами низкого качества, что делает перспективу его интегрирования в формальную экономику маловероятной. Более того, формализация сектора во многих случаях считается нецелесообразной, поэтому он часто является объектом лишь дотаций, призванных нивелировать негативные социальные последствия.

Источник роста неформального сектора неоклассики видят в *значительном преобладании предложения низкоквалифицированной рабочей силы на рынке труда над спросом на нее*. Такая

⁴ Так, от объекта исследования в виде «занятости в неформальном секторе экономики» («employment in informal sector of economy»), ограниченного отдельным сегментом рынка труда, перешли к более универсальному – «неформальная занятость» (informal employment).

гипотеза родилась на почве масштабной урбанизации в развивающихся странах, темпы которой в течение 1950–1990-х гг. в 1,5–2 раза превысили темпы урбанизации развитых стран. Доля городского населения в некоторых странах Латинской Америки стала доходить до 70–80% от общей численности населения, в странах Африки – 30–40% (в Северной Африке – до 54%), в странах Азии – до 70% [Щербакова, 2018].

Жители в поисках более высокооплачиваемой работы, качественной медицины и образования, а также лучших условий жизни стали активно переселяться из сельских районов в крупные, и особенно – столичные города. Однако их ожидания оказались неоправданными. В большинстве этих стран отсутствовали программы содействия занятости, так что вновь прибывавшие в города люди были вынуждены решать свои проблемы самостоятельно в рамках трудоустройства в неформальной экономике [Thomas, 1995].

Более современный, консенсусный подход Международной организации труда рассматривает проблему неформальной занятости с позиции дефицита «достойных рабочих мест» (*decent work*)⁵ в экономике, обеспечивающих не просто занятость, но справедливый размер оплаты и безопасные условия труда, соблюдение режима труда и отдыха, права на ежегодный оплачиваемый отпуск, на оплату больничного, выплату выходного пособия при увольнении и пр. Не случайно в большинстве современных социологических и экономических работ, посвященных неформальной занятости, ее нередко отождествляют с таким социальным явлением, как *прекаризация*, которая означает переход от постоянных гарантированных трудовых отношений к неустойчивым формам занятости, ведущий к практически полной потере работником социально-трудовых прав [Бизюков, 2013. С. 37–38].

Основной путь борьбы с этим явлением видится в стимулировании создания новых рабочих мест, что входит в перечень целей устойчивого развития ООН (п. 8 «Достойная работа

⁵ International Labour Office (2002b): Decent Work and the Informal Economy; Report of the Director-General; International Labour Conference, 90th Session; Report VI; International Labour Office, Geneva. – 2002.

и экономический рост»)⁶. Для достижения этой цели МОТ была разработана и представлена стратегия достойной занятости, «охватывающая целый ряд областей политики, устраняющих негативные аспекты неформальности, сохраняя при этом значительный потенциал создания рабочих мест, получения доходов и способствуя защите и включению работников и экономические единицы основной экономики»⁷.

Противоположным неоклассическому является *неоинституциональный подход*, развиваемый перуанским экономистом Э. де Сото. Взгляды ученого основывались на результатах многолетних наблюдений [De Soto, 1989, 2000] в крупных городах развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Во-первых, он считал, что у развивающихся стран свой путь экономического развития, обусловленный национальными традициями и ментальными особенностями населения. Во-вторых, он видел основную причину роста неформальности в развивающихся странах в чрезмерном государственном регулировании, сознательном поддержании им высоких барьеров входа на формальный рынок и угнетении прав собственности простых граждан. Так, по его словам, «в стремлении удержать высокодоходные отрасли под своим контролем государством искусственно создаются и поддерживаются высокие барьеры входа на официальный рынок» [De Soto, 1989]. И сам ученый, и его последователи считали вмешательство государства в экономическое регулирование и его участие в экономике крайне нежелательным. В-третьих, в отличие от неоклассиков, Э. де Сото видел в неформальном секторе не убежище маргиналов, а значительный резерв «новых предпринимателей», который при устранении существующих бюрократических барьеров является потенциальным источником экономического роста.

Отметим, что с начала столетия Перу действительно пошла по пути улучшения предпринимательской среды. Общий рейтинг Перу в *Doing Business Report* поднялся со 134-го места в 2004 г.

⁶ Цели в области устойчивого развития. Цель 8: Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 01.05.2020).

⁷ ILO 2010: Report VI Employment Policies for social justice and a fair globalisation; Recurrent item report on Employment 2010. Report submitted to the International Labour Conference 99th session 2010. P. 133.

до 43-й строчки в 2013 г., за эти годы значительно улучшены показатели по издержкам на запуск бизнеса, регистрации имущества в собственность, получению кредитов и налогообложению (табл. 1), но уже с 2013 г. по 2018 г. наблюдается небольшой «откат» показателей, вызванный, по всей видимости, замедлением темпов экономического роста в 2014–2017 гг.

Таблица 1. Динамика показателей Перу в совершенствовании предпринимательской среды в 2004–2018 гг.

Показатель	2004	2007	2013	2018
Общий рейтинг в списке стран	134	124	43	58
Начало ведения бизнеса (рейтинг)	Н.д.	92	60	114
Количество процедур	9	10	5	7
Дней	100	72	26	26,5
Стоимость,% от дохода на душу населения	24,9	32,5	10,6	10,0
Регистрация собственности (рейтинг)	Н.д.	32	19	44
Количество процедур	Н.д.	5	4	5
Количество дней	Н.д.	33	7	7,5
Затраты,% от стоимости объекта	Н.д.	3,3	3,3	3,3
Получение кредита (рейтинг)	Н.д.	33	23	20
Уплата налогов (рейтинг)	Н.д.	135	85	121
Количество налогов	Н.д.	53	9	9
Время, затрачиваемое на расчет и уплату, ч/год	Н.д.	424	293	260
Общая налоговая ставка,%	Н.д.	40,8	40,5	35,6

Источник: составлено автором по данным World Bank, Doing Business Report, 2004, 2007, 2013, 2018.

Наиболее благоприятным с точки зрения экономического роста для Перу был период с 2002 г. по 2013 г. За эти годы удалось более чем в два раза снизить уровень бедности (с 54% до 24%), добиться исторически низкого уровня безработицы (менее 4% в 2013 г.), почти вдвое увеличить количество участников программы социального и медицинского страхования (с 30% до 59% занятых), а также повысить долю формальной занятости с 20,1% в 2007 г. до 26,3% в 2013 г. [Chacaltana, 2016].

Проведенная реформа трудового законодательства позволила сократить затраты предприятий на содержание фонда оплаты труда (non wage labor costs) с 54% до 17%. Однако, несмотря на это, около 2/3 рынка труда по-прежнему составляют малые и микрофирмы (численностью до 10 сотрудников), занятые в секторе домашнего хозяйства и самозанятые в традиционно

неформальных отраслях, в частности, в розничной торговле и транспорте. Таким образом, неформальная занятость в Перу все еще значительно превышает общерегиональный показатель по Латинской Америке, который составляет 53,1% (49,0% без с/х компоненты). В Перу в 2018 г. общая неформальная занятость составила 69,2%, несельскохозяйственная – 59,1%^{8,9}.

Сторонники *марксистского подхода (структуралисты)* указывают на эксплуататорскую природу связи формального и неформального секторов, возникшей после обретения суверенитета бывшими колониальными странами [Castells, Portes, 1989]. Став независимыми политически, бывшие колонии впали в экономическую подчиненность к развитым западным странам, как выгодная площадка для размещения низкокзатратных производств, которые позволяли существенно сокращать издержки на труд, сырье, экологию и налоги транснациональных корпораций. «Парад суверенитетов» в колониях совпал со стремительным ростом мирового потребления, что только укрепляло интерес мировых корпораций к наращиванию высокорентабельной производственной базы в развивающихся странах.

Значимой попыткой структуралистов преодолеть зависимость от импорта была масштабная программа импортозамещающей индустриализации (Import Substituting Industrialization) в ряде латиноамериканских стран в период с 1950 г. по 1970 г., которая была призвана снизить их сырьевую и товарную зависимость от импорта и сформировать устойчивый рынок внутреннего производства и потребления. Помимо прочего, на нее возлагались большие надежды относительно обеспечения занятости городского экономически активного населения, растущего за счет миграции из сельской местности.

В итоге программа обеспечила рост экономики в четыре раза (средний темп экономического роста за эти годы составил 5,5%), однако численность экономически активного городского населения продолжала расти вследствие сельско-городской миграции, и этот поток значительно превосходил возможности

⁸ Women and men in the informal economy: a statistical picture (Second edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2009.

⁹ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018./ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm дата обращения: 05.06.2019

создания рабочих мест в рамках индустриальной программы. То, что при этом не наблюдалось соразмерного роста открытой безработицы, подтверждало гипотезу о поглощении неформальным сектором излишков трудового предложения. В итоге доля городского населения, занятого на неформальной основе, в латиноамериканских странах сократилась только на 4% (с 46% в 1950 г. до 42% в 1980 г.).

К сожалению, индустриальная программа имела некоторые негативные последствия в виде существенного роста инфляции и внешнего долга стран – участниц программы, что на волне экономического кризиса начала 1980-х гг. наряду с замедлением темпов роста ВВП дало обратный эффект на рынке труда – городская неформальная занятость стала стремительно расти. В Бразилии она увеличилась с 17% в 1981 г. до 30% в 1985 г., а в Аргентине за тот же период – с 14% до 24%. Параллельно с сокращением количества крупных предприятий в годы кризиса в экономике росла доля в экономике малого бизнеса (с 14,6% в 1980 г. до 22,5% в 1992 г.) и количество самозанятых (с 19,2% до 25%), в целом доля неформального сектора выросла на 14,2% (с 40,2% в 1980 г. до 54,4% в 1992 г.). Сложившаяся картина подтвердила, с одной стороны, недостаточность индустриального роста в части сокращения неформального сектора, с другой – справедливость гипотезы о резервном назначении неформальной экономики, к которой люди обращаются ввиду внешних ограничений [Thomas, 1995. С. 45–47].

Несколько иначе неформальный сектор и неформальную занятость рассматривают приверженцы *неолиберальных взглядов*. В их картине мира неформальность впервые предстает с точки зрения рационального выбора экономического субъекта относительно степени участия в формальных институтах на основании сопоставления преимуществ и издержек. Так, Г. Филдс разделяет неформально занятых на «верхний» и «нижний» уровни, где представители верхнего уровня получают от своего неформального статуса некие преференции, которые превышают вероятные выгоды от аналогичной занятости в формальном секторе, таким образом, можно считать, что их выбор получается более-менее добровольным. На нижнем уровне, напротив, неформальная занятость является вынужденной, маргинальной

и низкооплачиваемой, и ставит работников в зависимое и уязвимое социальное положение [Fields, 1990].

Как правило, «верхний» сегмент составляют «неформальные самозанятые», которые по большей части представляют собой «нерегулируемый аналог (по отношению к развитым странам) добровольного предпринимательства в развивающихся странах» [Maloney, 2004]. Современным понятием, характеризующим предприимчивый класс такого рода «неформалов», является «система Д» (от франц. *Débrouillard* – находчивый, сообразительный), который объединяет под собой всю деятельность по торговле товарами и услугами, избегающую государственного налогообложения, лицензирования, сертификации и регулирования (в англоязычной традиции ее также называют *do it yourself economy*)¹⁰.

Неолибералы отмечают, что для целей регулирования принципиально важно понимать различия и правильно оценивать соотношение «добровольных» и «вынужденных» неформалов [Kuchera, Roncolato, 2008. С. 324–325] и исходя из этого решать вопросы об оптимальном уровне социальной защиты, а также о необходимой степени инфорсменты (принуждения к исполнению) действующего законодательства, которые позволяют экономическим субъектам делать выбор [Maloney, 2004].

Главный способ в борьбе с неформальной экономикой и занятостью, по мнению неолибералов, заключается в обеспечении государством справедливых условий конкуренции через сочетание стимулов и ограничений. Эта задача остается весьма актуальной даже для развитых стран, не говоря уже о развивающихся, учитывая значительные показатели неформальной занятости в последних.

В целом подходы к сокращению и регулированию неформальной занятости сторонники различных научных школ выводят из тех функций, которые, по их мнению, она выполняет в экономике той или иной страны (стабилизирующая, компенсирующая, эксплуатируемая производственная база или инструмент конкуренции). В обобщенном виде эти подходы представлены в таблице 2.

¹⁰ System D: The Shadow Economy is the Second Largest in theWorld. URL: <https://freakonomics.com/2011/11/01/the-black-market-is-the-second-largest-economy-in-the-world>

Таблица 2. Подходы и инструменты сокращения неформальной занятости с точки зрения основных научных школ

Подход	Функции неформальной деятельности	Роль государства	Необходимые меры
Неоклассический (МОТ, 1972 г.)	Убежище маргиналов, социальный стабилизатор	Обеспечение баланса в экономике (перераспределение благ)	Стимулирование создания новых рабочих мест в формальном секторе экономики
Неоинституциональный (Э. де Сото, 1989 г.)	Возможность снятия искусственно созданных государством ограничений для предпринимательства	Наблюдение и создание необходимых условий для развития бизнеса	Снятие административных барьеров на ведение предпринимательской деятельности; защита прав собственности
Марксистский (М. Кастьельс, А. Портерс, 1989 г.)	Источник сокращения издержек крупного капитала	Устранение экономического дисбаланса, регулирование деятельности крупных корпораций	Сокращение налоговой нагрузки на труд и малый бизнес
Неолиберальный (Всемирный банк, У. Мэлони, 2004 г.)	Инструмент нечестной конкуренции	Установление и обеспечение принципов конкуренции и законов свободного рынка	Совершенствование законодательства и повышение информента контрактов для поддержания справедливой конкурентной среды

Источник: составлено автором.

Специфика неформальной занятости в развитых и развивающихся странах

Актуальная статистика показывает, что в развивающихся странах с низким уровнем доходов доля неформальной занятости остается самой высокой, в целом на них приходится более двух третей от мирового количества занятых неформально. Так, неформальная несельскохозяйственная занятость в развивающихся странах Африки составляет 71,9%, в Азиатско-Тихоокеанском регионе – 62,8%, в арабских государствах – 63,9%, в Северной и Южной Америке – 53,8%, в Европе и Центральной Азии – 36,8%. Как правило, неформальная занятость в этих странах стоит в одном ряду с другими масштабными социально-экономическими проблемами – бедность, низкий уровень социальной защищенности, безработица, высокие налоги, перекосы в трудовом законодательстве и т.д., выступая во многом и причиной, и следствием этих явлений.

В отдельных странах Азии (Камбоджа, Непал, Бангладеш, Индия и др.) и Африки (Ангола, Бенин, Гана, Мали, Нигерия,

Сенегал, Того, Уганда и др.) показатель неформальной занятости может достигать до 80 и даже 90%, являясь, по сути, вариантом нормы. На их фоне страны, в которых неформальная занятость составляет около 50% от рынка труда (Ирак, Сирия, Китай, Парагвай, Колумбия, Перу, Эквадор, Таджикистан и др.), выглядят вполне успешными в борьбе за легализацию трудовых отношений. В то же время в большинстве развитых европейских стран (Австрия, Германия, Норвегия, Франция, Швейцария, Швеция) неформальная занятость не превышает 10% (тем самым доказывая, что полностью искоренить это явление, по-видимому, невозможно) (рис. 1).

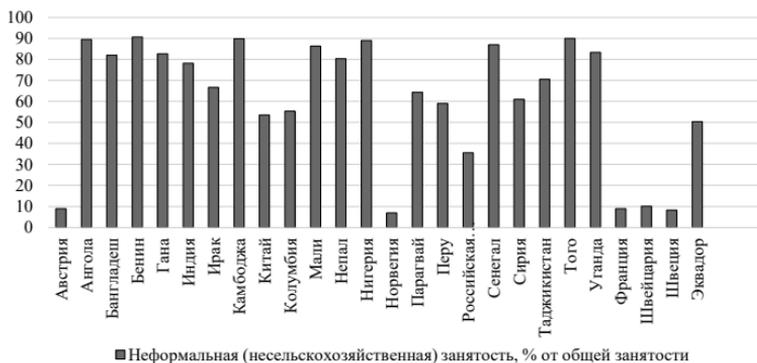

Рис 1. Уровень неформальной занятости в различных странах мира¹¹, % от общей занятости

Одной из причин поддержания высокого уровня неформальной занятости в развивающихся странах является *низкий уровень образования населения*. Так, вероятность участия в неформальной экономике людей со средним и высшим образованием составляет 21,5%, а среди людей без образования – 86%¹².

Другой определяющий фактор – *большое количество населения, живущего за чертой бедности*. Для них неформальная занятость зачастую является единственным источником дохода. Например, среди бедных в Камеруне эта доля составляет 50,4%,

¹¹ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. С. 52/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019). С. 97–102.

¹² Там же. С. 54.

а в Руанде – 98%¹³. С одной стороны, это позволяет выживать тем слоям населения, которые ввиду различных обстоятельств не могут быть востребованы формальной экономикой, а с другой – уровень этого дохода лишает их возможности повысить свою квалификацию и найти более достойную работу.

Характерная особенность неформального труда в беднейших развивающихся странах – его представленность в основном *самозанятостью*, которая составляет 70% от неформальной занятости в Южной Африке, 62% – в Северной Африке, 60% – в Латинской Америке и 59% – в Азии¹⁴. Больше всего распространены уличная торговля, извоз, мелкие бытовые услуги разового характера, а также курьерские услуги, ремонт и строительство.

Глобально в неформальной экономике занято больше мужчин, чем женщин, но в отдельных странах женщины практически лишены права устроиться на работу официально, что преимущественно обусловлено религиозными и национальными особенностями и свидетельствует о дискриминации. Так, в Бенине неформальная занятость среди женщин составляет 97%, в Чаде – 95%, в Гвинее – 87%, в Кении – 83%, в Бангладеш, Индии, Непале и Пакистане этот показатель составляет более 90%, превышая мужскую неформальную занятость на 3–12%.

В ужасающих масштабах в беднейших странах распространен детский труд, несмотря на все попытки бороться с этим явлением. В Северной Африке доля детей в возрасте от 5 до 17 лет, вовлеченных в неформальную занятость, составляет 5%, во всех остальных частях континента – около 30%¹⁵.

В отсутствие системных и эффективных государственных программ по регулированию рынка труда в большинстве развивающихся стран, неформальные работники вынуждены самостоятельно объединяться для отстаивания своих прав и повышения социальной защищенности, причем инициатива в основном происходит «снизу», а не «сверху». Например, в Индии с 1972 г. действует организация, наподобие профсоюза самозанятых женщин

¹³ Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. С. 52/ URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019). С. 48.

¹⁴ Там же. С. 97–102.

¹⁵ International labor organization: «In the world's poorest countries, slightly more than 1 in 4 children are engaged in child labour» URL: <https://data.unicef.org/topic/child-protection/child-labour/> (дата обращения: 15.12.2019).

The Self-employed Woman's Association in India (SEWA), число ее участниц в 2013 г. превысило 1,9 млн человек. Организация ставит своей задачей повышение самостоятельности женщин через обеспечение работниц полной занятостью с гарантированным доходом и социальным обеспечением, она предоставляет своим участницам финансовые (сбережения и кредитование), страховые, юридические и социальные (медицинское обеспечение, уход за детьми) услуги, а также содействует коммуникации и взаимодействию женщин-предпринимателей¹⁶.

Другая международная программа StreetNet International объединяет под своей эгидой уличных торговцев и имеет 28 представительств в 25 странах мира. В качестве примеров самоорганизации можно назвать также Национальную федерацию лесопромышленников и строителей Камеруна; Ведомственную федерацию уличных торговцев Лимы в Перу; Уличную ассоциацию национального альянса Шри-Ланки¹⁷. Однако все эти программы предназначены лишь для социальной защиты неформально занятых, способствовать их легализации они могут лишь косвенно – через взаимодействие с властями в рамках соответствующих госпрограмм.

Некоторые страны Латинской Америки¹⁸ реализуют более последовательную и комплексную политику в области оздоровления рынка труда, и это позволило им добиться неплохих результатов. Так, в период с 2009 г. по 2016 г. неформальная занятость в Уругвае сократилась на 15,3% (с 39,8 до 24,5), в Венесуэле – на 7,8% (с 47,5 до 39,7), в Аргентине – на 2,5% (с 49,7 до 47,2) и в Эквадоре – на 1,9% (с 60,9 до 59).

Правительство Уругвая, в частности, на волне стабильного экономического роста взяло курс на улучшение человеческого капитала и устранение социальных дисбалансов. Формализация занятости стала следствием синергетического эффекта от активной политики правительства в области занятости, социальной защиты

¹⁶ URL: www.sewa.org/Sewa_Services.asp

¹⁷ Promoting Pro-Poor Growth: Social Protection Report OECD, 2009. P. 77–82

¹⁸ Дополнительно с 2013 г. МОТ была запущена в этом регионе «Программа продвижения формализации занятости в Латинской Америке и Карибском бассейне» (Programme for Promotion of Formalization in Latin America and the Caribbean, FORLAC), которая предусматривает помимо информационной и технической поддержки, помощь в «наращивании потенциала организаций работников и работодателей в вопросах формализации занятости».

работников (в 2009 г. принят закон о коллективных переговорах, учреждены трехсторонние советы по заработной плате) и ряда налоговых реформ, направленных на стимулирование создания новых рабочих мест (рис. 2). Подчеркнем, что вслед за легализацией занятости в стране почти в три раза сократился уровень бедности.

Источник: составлено автором¹⁹.

Рис. 2. Система мер и инструментов по улучшению качества занятости, реализованных в Уругвае

¹⁹ International Labour Office: Reduction of informal employment in Uruguay: policies and outcomes – Programme For The Promotion Of Formalization In Latin America and Caribbean (FORLAC) – 2014. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/publication/wcms_245894.pdf (дата обращения: 01.04.2020).

В развитых странах основная дилемма государственной политики в сфере занятости состоит в необходимости предоставления гарантии занятости и соблюдения трудовых прав работников, с одной стороны (МРОТ²⁰, оплачиваемые отпуска и больничные, выходные пособия при увольнении и т.д.), и обеспечения социальных гарантий неработающих граждан (пенсии, пособия по безработице, субсидии малоимущим и т.д.) – с другой. При этом социальные гарантии, как правило, финансируются из налоговых и иных отчислений трудящихся.

Так, в большинстве европейских стран модели регулирования рынка труда отличаются исключительной социальной направленностью и развитой организационной структурой, при этом они ориентированы на сохранение рабочего места, поддержания определенного уровня дохода, защиту прав работника через достаточно жесткое трудовое законодательство и высокую степень участия профсоюзов. На профсоюзное движение возложена ведущая роль в сохранении высокого уровня социальной защиты работников, особенно в условиях глобализации экономики.

Гарантировать минимальный доход даже неквалифицированным работникам, минимизировать отраслевую дифференциацию в оплате труда и снижать уровень бедности призван институт МРОТ. В большинстве случаев он успешно справляется с этими задачами, но, как показала практика, порой порождает эффекты, «обратные по отношению к заявленным целям» [Вишневская, 2005. С. 34], поскольку в результате регулярного повышения минимального заработка увеличивается нагрузка на бизнес, вынуждающая часть предпринимателей уходить «в тень» ради экономии на налогах.

В целом западноевропейская модель социального, трудового регулирования основана на убеждении, что занятость на формальной основе является единственным путем к благосостоянию и источником развития человеческого капитала. Преференции формального сектора экономики (пенсионное и социальное страхование, кредиты, налоговые вычеты, пособия и т.д.) в сочетании с поддержкой государства (налоговые льготы и социальные выплаты до гарантированного минимального уровня

²⁰ Минимальный размер оплаты труда.

дохода) способствуют социальной мобильности населения, поддерживают лояльность работников к официальному трудоустройству. Поэтому в таких странах работники делают выбор в пользу неформальной занятости только тогда, когда выгоды от нее превышают выгоды от занятости на формальной основе или официального статуса безработного, или же они поставлены в условия отсутствия выбора.

Германия, Швейцария, Дания, Нидерланды, Швеция, Норвегия, Финляндии, Эстония проводят активную политику занятости. Их государственные фонды занятости финансируют различные программы подготовки и переподготовки кадров, дотируют создание новых рабочих мест. Такой подход видится достаточно эффективным, учитывая невысокие показатели неформальной занятости (до 10%) и безработицы в этих странах. Однако полностью устранить неформальные трудовые отношения не удастся. Отдельные их элементы проникают даже в легальный сектор.

Так, по некоторым данным, не менее 5% занятых на формальной основе в Европе сталкивались с получением от своего работодателя недекларируемых выплат, размер которых мог достигать до 40% от суммы обычного заработка. В наибольшей степени подобные практики распространены среди мужчин, людей молодого возраста (15–24 лет) и представителей рабочих специальностей (ручного труда) в строительстве, сельском хозяйстве, гостиничном и ресторанном бизнесе, торговле, транспорте и бытовых услугах. Отмечается, что в наибольшей степени такие практики распространены в странах Центральной и Восточной Европы, где неофициально может оплачиваться даже регулярная работа, тогда как в Западной и Северной Европе подобные практики могут использоваться только для оплаты сверхурочной и дополнительной работы [Williams, 2009. С. 147–157].

Это наблюдение косвенно подтверждается и данными статистики: так, в целом в европейских странах неформальная занятость сконцентрирована в неформальном секторе экономики, но в Дании (7,2%), Швейцарии (6,2%) и Швеции (5,6%) она намного выше именно в формальном секторе (табл. 3).

Таблица 3. Доля неформальной занятости в общей занятости в странах – членах ОЭСР²¹, %

№ п/п	Страна	Уровень безработицы	Общая доля неформальной занятости	Доля неформальной занятости в секторе экономики	
				неформальном	формальном
1	Польша	4,9	38,0	20,1	17,8
2	Греция	21,5	32,8	32,2	0,5
3	Южная Корея	3,7	31,5	26,1	5,5
4	Испания	16,6	27,3	17,3	9,9
5	Италия	11,2	19,0	16,0	3,0
6	Япония	2,8	18,7	14,3	4,3
7	США	4,4	18,6	16,6	1,5
8	Словакия	8,1	16,7	16,4	0,3
9	Великобритания	4,7	13,6	13,5	0,1
10	Латвия	8,7	13,2	11,2	2,0
11	Литва	7,1	12,6	8,2	4,4
12	Венгрия	4,2	12,2	11,8	0,4
13	Дания	5,7	11,2	4,1	7,2
14	Швейцария	4,8	10,4	4,2	6,2
15	Германия	3,8	10,2	9,7	0,5
16	Франция	9,4	9,8	5,4	4,4
17	Нидерланды	4,9	9,4	8,4	0,9
18	Швеция	6,7	8,2	2,6	5,6
19	Норвегия	4,2	7,4	7,1	0,2
20	Эстония	5,8	6,9	5,4	1,5
21	Финляндия	8,6	6,3	6,2	0,1

Источник: составлено автором²².

Кроме того, в последние годы на европейских рынках труда наблюдается тенденция перехода к неустойчивым трудовым отношениям (прекаризация занятости). Причем это проявляется не только среди уязвленных слоев населения, но и среди людей среднего класса, и даже в такой, казалось бы, благополучной в социально-трудовом плане стране, как Германия, – пишет профессор Йенского университета К. Дерре²³. По его оценкам,

²¹ Организация экономического сотрудничества и развития.

²² Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office – Geneva: ILO, 2018. / URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_626831/lang-en/index.htm (дата обращения: 05.06.2019).

²³ Мармер Э. Что такое прекариат? // Neue Zeiten. 2009. № 05 (071). URL: <http://neuezeiten.rusverlag.de/2009/07/24/chto-takoe-prekariat/> (дата обращения: 01.05.2020).

каждый третий работающий по найму в ФРГ находится в состоянии прекариата (случайная работа, самозанятость или частичная занятость), при этом даже крупные работодатели проявляют стремление переводить своих работников в категорию «неустойчивых» и непостоянных.

Наконец, высокий уровень социальных гарантий в западных странах сам по себе косвенно способствует поддержанию неформальной занятости. Именно он привлекает иностранных мигрантов из стран, менее развитых в плане социального обеспечения или находящихся в тяжелой экономической, политической ситуации. Отсутствие необходимых документов и разрешений для трудоустройства нередко вынуждает мигрантов соглашаться на работу только на условиях неформального найма, в том числе – в рамках национальной общины, которая представляет собой закрытую экономическую систему со своими внутренними правилами и традициями. Впрочем, наиболее распространенной практикой среди них является жизнь на социальное пособие, что увеличивает нагрузку на социальную сферу.

Из всех возможных причин существования неформальной и даже криминальной экономики в развитых западных странах иностранная миграция является основной и наиболее сложно-преодолимой. Пока Евросоюз проявляет толерантность и несет бремя ответственности, но это уже чувствительно сказывается на его социальных расходах и обостряет некоторые социально-экономические проблемы в отдельных странах. В свою очередь страны с англосакской моделью²⁴ (Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия) стараются ограничивать круг социальных гарантий и таким образом снижать привлекательность своих рынков для пассивной части трудовых ресурсов. Их основная задача – повышение мобильности работников и обеспечение трудового равенства.

Общемировой тенденцией (и одновременно – глобальной причиной сохранения и распространения неформальной занятости) является трансформация трудовых отношений. Из них все чаще

²⁴ В целом для англосакской модели рынка труда характерно гораздо большее предоставление свободы работодателю в его взаимоотношениях с работниками, чем предполагает западноевропейская модель, размер заработной платы регулируется рынком, государство гораздо меньше вмешивается в трудовые отношения, а трудовое законодательство схоже с гражданским.

вытесняется регулярная занятость на основе трудовых соглашений (контрактов). Это может быть обусловлено как объективными обстоятельствами, связанными с процессами информатизации экономики, автоматизации производства, развитием средств коммуникации (дистанционная занятость, фриланс), так и субъективными – стремление работодателей к сокращению издержек на труд (перевод на сокращенный режим рабочего времени, временные трудовые соглашения, сезонная работа, аутсорсинг и аутстаффинг).

В любом случае все те процессы, которые происходят вне рамок традиционной модели социально-трудовых отношений, ослабляют социальную ответственность работодателя перед работником, что ведет к дальнейшей деформализации занятости.

Исходя из количественных показателей, опыт большинства развитых стран по легализации и регулированию занятости можно расценивать в целом как положительный. Меры сокращения и регулирования неформальной занятости строятся преимущественно на развитой системе социальной поддержки населения и эффективности официальных институтов власти, обеспечивающих высокую налоговую и административную культуру граждан и юридических лиц. На этот опыт во многом ориентируется и Международная организация труда в разработке своих программ и рекомендаций по регулированию сферы труда и сокращению неформальной занятости. В то же время, как было показано, европейские подходы постоянно сталкиваются с новыми вызовами и не отличаются гибкостью, что обуславливает необходимость их совершенствования.

Российская специфика и опыт регулирования неформальной занятости

В России официальные и экспертные оценки масштабов неформальной занятости и результатов предпринятых мер по ее сокращению сильно расходятся. Росстат, измеряя занятость только в неформальном секторе экономики, оценивает ее в 21,3% (по итогам 2019 г.), при этом Министерство труда и социальной защиты РФ отчитывается об «обнадеживающих результатах» работы по легализации неформальной занятости и об увеличении доли граждан, получающих заработную плату

официально²⁵. В свою очередь МОТ оценивает неформальную занятость в нашей стране на уровне 35,9%²⁶, а многие исследователи заявляют о ее планомерном росте (примечательно, что эти выводы основаны на официальных же данных Росстата о среднесписочной численности занятых на предприятиях и отрицательной динамике сальдо между созданием и ликвидацией рабочих мест) [см., например, Стратегия..., 2013].

Основным недостатком политики регулирования сферы труда в нашей стране, в том числе в части сокращения неформальной занятости эксперты называют отсутствие системности и слабую эффективность институтов рынка труда [Маслова, 2018; Золин, 2016]. Так, неоднократно за последние два десятилетия менялись порядок и размер уплаты социальных взносов, правила системы пенсионного обеспечения, политика в отношении самозанятости, был повышен пенсионный возраст. Среди положительных результатов можно отметить лишь успех информационно-разъяснительной работы (социальная реклама, работа Пенсионного фонда в части информирования людей о последствиях неформальной занятости, доступность получения сведений о пенсионных накоплениях, переход на цифровые трудовые книжки). Однако в условиях дефицита рабочих мест в экономике, низкого уровня оплаты труда такие мероприятия представляются недостаточными.

Значимой мерой на пути к легализации деятельности самозанятых граждан в нашей стране стало введение с 2017 г. специального, патентного налогового режима, а также возможности регистрации физических лиц, оказывающих определенные услуги, например, по присмотру и уходу за детьми, репетиторству, уборке помещений и иной помощи в домашнем хозяйстве, путем уведомления налогового органа о своей деятельности с одновременным освобождением (предоставлением налоговых каникул) от уплаты налогов. С момента действия реформы на конец 2019 г. в качестве самозанятых или плательщиков налога на профессиональный доход зарегистрировано более 330 тыс. человек²⁷,

²⁵ Роструд заявил, что в России нет роста неформальной занятости // ГородРабот.ру. URL: <https://gorodrabot.ru/news/100646> (дата обращения: 01.05.2020).

²⁶ МОТ использует данные исследования Высшей школы экономики (ВШЭ) за 2014 г.

²⁷ URL: <https://regnum.ru/news/2815533.html>

и по состоянию на 01.04.2020 г. 4575 человек уведомили о своем статусе налоговый орган, из них 438 – иностранные граждане²⁸.

Заключение

Проведенный нами анализ показал, что определяющими условиями для стимулирования легализации занятости являются качество и эффективность официальных институтов, это подтверждается невысокими показателями неформальной активности в развитых западноевропейских странах, где созданы мощные социально-экономические стимулы к участию в официальной экономике и законному оформлению трудовых отношений как для работников, так и для работодателей. В свою очередь активная политика в области занятости, проводимая странами Латинской Америки, также подтверждает восприимчивость неформальной сферы к совершенствованию правовой и налоговой среды, однако главным залогом достижения устойчиво низких показателей неформальной занятости является системность.

По нашему мнению, России для оздоровления рынка труда необходимо совершенствовать эффективность институтов этого рынка и проводить более активную политику в области поддержки достойной занятости, а также улучшать институты, стимулирующие предпринимательскую деятельность (кредитование, снижение и перераспределение налоговой нагрузки и пр.).

Литература

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ / С. Ю. Барсукова. М.: Изд. Дом ГУ-ВШЭ, 2004. 448 с.

Бизюков П. В. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2013. 152 с.

Вишневская Н. Т. Институт минимальной заработной платы в странах ОЭСР [Текст]: препринт WP3/2005/03 / Н. Т. Вишневская; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. Сер. Проблемы рынка труда. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005. 47с.

Золн И. Е. Об особенностях и содержании государственного регулирования рынка труда развитых стран на современном этапе // Национальные приоритеты: экономика и безопасность. 2016. № 1. С. 131–143.

Маслова Е. В. К вопросу о системности регулирования неформальной занятости Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2018. № 2. С. 104–110.

Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам

²⁸ URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/

социально-экономической стратегии России на период до 2020 года / Под ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. Т. 1. М., 2013.

Сафонов А. Л., Некупелова Д. В. Неформальная занятость: влияние экономического кризиса на формы проявления и экономическую динамику Международная научно-практическая конференция «История и научное прогнозирование развития трудового права и права социального обеспечения» (Третьи Гусовские чтения): материалы конференции / Под общ. ред. Н. Л. Лютова Ф. О. Сулеймановой; сост. Н. Л. Лютов, Ф. О. Сулейманова. М.: РФ-Пресс, 2018. 424 с.

Щербачкова Е. М. Прогноз городского и сельского населения мира, 2018 // Демоскоп Weekly. 2018. № 773–774. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php> (дата обращения: 15.12.2019).

Boeke J. N. Economics and Economic Policy of Dual Societies. N.Y., 1953.

Castells, M. and Portes, A. World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy//In A. Portes, M. Castells & Lauren A. Benton, eds. The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Advanced Developed Countries. Baltimore, MD, USA: John Hopkins University Press. 1989. Pp. 11–37.

Chacaltana J. Peru, 2002–2012: growth, structural change and formalization, Cepal Review № 119, 2016. Pp. 45–64.

De Soto H. The Other Path: the Invisible Revolution in the Third World. Perennial Library, Washington DC, 1989.

De Soto H. The Mystery Of Capital: Why Capitalism Triumphs In The West And Fails Everywhere Else, 2000.

Fields G. S. Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence // The Informal Sector Revisited / D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.). Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development, 1990.

Geertz C. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing// American Economic Review. 1978. Pp. 28–32. Опубликовано: American Economic Association. URL: <http://www.jstor.org/stable/1816656> (дата обращения: 20.05.2019).

Harris John R. and Michael P. Todaro, 1970, «Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis», American Economic Review. 60, 126–42.

Hart K. Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana / K. Hart // The Journal of Modern African Studies. 1973. Vol. 11. № 1. Pp. 61–89.

Kucera D., Roncolato L. Informal employment: Two contested policy issues – International Labour Review. Vol. 147 (2008). № 4. Pp. 321–348.

Lewis W. Arthur Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School. 1954. 22 (2). Pp. 139–191.

Maloney W. F. Informality Revisited.// World Development. 2004. № 32 (7).

Thomas JJ. Surviving in the city: The Urban informal sector in Latin America. 1995.

Williams C. Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations //European Urban and Regional Studies 16 (2). 2009. Pp. 147–159.

Статья поступила 15.04.2020.

Статья принята к публикации 23.04.2020.

Для цитирования: *Некипелова Д.В.* Подходы к регулированию неформальной занятости: теория и практика // ЭКО. 2020. № 7. С. 75-99. DOI: 10.30680/ЕССО0131-7652-2020-7-75-99.

Summary

Nekipelova, D.V., Academy of Labor and Social Relations, Moscow

Approaches to Regulating Informal Employment: Theory and Practice

Abstract. The issue of spreading informal employment is relevant for many countries, regardless of their level of socio-economic development and has pronounced geographical and national specific features. Most countries try to optimize this phenomenon and maximize legalization of labor relations. The author of the paper analyzes various approaches to regulate informal employment, including those existing within the framework of dominant schools of thoughts, as well as implemented in practice by separate countries. Through analysis of existing theoretical and applied approaches, the author sets the goal of finding relevant solutions aimed at reducing informal employment and improving the quality of the general employment structure for the Russian labor market. Integration of successful foreign practices in Russian conditions can reduce the time and costs of implementing respective programs, as well as increase their effectiveness. The main conclusion of the study is that reduction of informal employment depends on implementation of integrated and systemic measures covering all areas of the institutional, economic, social and legal environment. In conclusion, proposals are presented which, according to the author, can form the basis of the state program of legalizing employment.

Keywords: *informal employment; informal economy; informal sector employment; precarization of employment; labor market; decent employment; entrepreneurship; shadow economy*

References

- Barsukova, S.Yu. (2004). *Informal economy: economic and sociological analysis*. S.J. Barsukova. Moscow: Publ. house of SU HSE. 448 p. (In Russ.).
- Bizyuukov, P.V. (2013). *Labor regulation practices in precarious work*. Moscow. Centr of Social and Labor Rights. 152 p. (In Russ.).
- Boeke, J.N. (1953). *Economics and Economic Policy of Dual Societies*. N.Y., Castells, M. and Portes, A. (1989). *World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy*. In A. Portes, M. Castells & Lauren A. Benton, eds. *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Advanced Developed Countries*. Baltimore, MD, USA: John Hopkins University Press. Pp. 11–37.
- Chacaltana, J. (2016). Peru, 2002–2012: growth, structural change and formalization, *Cepal Review*. No. 119. Pp. 45–64.
- De Soto, H. (1989). *The Other Path: the Invisible Revolution in the Third World*. Perennial Library, Washington DC.
- De Soto, H. (2000). *The Mystery Of Capital: Why Capitalism Triumphs In The West And Fails Everywhere Else*.
- Fields, G.S. (1990). *Labour Market Modeling and the Urban Informal Sector: Theory and Evidence. The Informal Sector Revisited / D. Turnham, B. Salomé, A. Schwarz (eds.)*. Paris: Development Centre of the Organization for Economic Co-Operation and Development.

Geertz, C. (1978). The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *American Economic Review*. Pp. 28–32. Published: American Economic Association. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1816656> (accessed 20.05.2019).

Harris, John R. and Michael P. Todaro. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis. *American Economic Review*. No. 60. Pp. 126–42.

Hart, K. (1973). Informal Income Opportunities and Urban Employment in Ghana. K. Hart. *The Journal of Modern African Studies*. Vol. 11. No. 1. Pp. 61–89.

Kucera, D., Roncolato, L. (2008). Informal employment: Two contested policy issues. *International Labour Review*. Vol. 147. No. 4. Pp. 321–348.

Lewis, W. (1954). Arthur Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. *The Manchester School*. No. 22 (2). Pp. 139–91.

Maloney, W.F. (2004). Informality Revisited. *World Development*. No. 32 (7).

Maslova, E.V. (2018). To the issue of systematic regulation of informal employment. *Bulletin of Voronezh State University. Series: economy and management*. No. 2. Pp. 104–110. (In Russ.).

Safonov, A.L., Nekipelova, D.V. (2018). *Informal employment: the impact of the economic crisis on the form and dynamics*. International scientific and practical conference «History and scientific forecasting of the development of labor law and social security law» (The Third Gusov readings): conference materials. Edited by N.L. Ljutova F.O. Sulejmanovoj; made up by N.L. Ljutov, F.O. Sulejmanova. Moscow: RG-Press. 424 p. (In Russ.).

Shcherbakova, E.M. (2018). Forecast of urban and rural population of the world, 2018. *Demoskop Weekly*. No. 773–774. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php> (accessed 15.12.2019).

Strategy-2020: New growth model – new social policy. Final report on the results of expert work on actual issues of Russian's socio-economic strategy for the period until 2020 (2013). Edited by V.A. Mau, J.I. Kuzminova. V. 1. Moscow. (In Russ.).

Thomas, J.J. (1995). *Surviving in the city: The Urban informal sector in Latin America*.

Vishnevskaya, N.T. (2005). *The institute of minimum wage in OECD countries* [Text]. working paper WP3/2005/03. N. T. Vishnevskaya; State University – Higher School of Economics. Moscow: Publ. house of SU HSE. 47, [1] p. (Ser. Labour Market Problems). (In Russ.).

Williams, C. (2009). Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations. *European Urban and Regional Studies* 16 (2). Pp. 147–159.

Zolin, I.E. (2016). About the features and content of state regulation of the labor market of developed countries at the present stage. *National priorities: economy and safety*. No. 1. Pp. 131–143. (In Russ.).

For citation: Nekipelova, D.V. (2020). Approaches to Regulating Informal Employment: Theory and Practice. *ECO*. No. 7. Pp. 75-99. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-75-99.

Роль госсектора в перераспределении национального дохода в 2010-х гг.

К.Е. САВЧИШИНА. E-mail: savchishinak@mail.ru
Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
ORCID 0000-0002-3058-9931

Аннотация. В статье рассматривается роль государственного сектора РФ в распределении национального дохода. Согласно данным институциональных счетов, сектор государственного управления располагает значительными финансовыми ресурсами (в том числе от внебюджетной деятельности), однако нацеленность бюджетной политики на накопление финансовых резервов привела к тому, что государство не использовало в полной мере все каналы поддержки граждан в период снижения и стагнации реальных доходов населения. В частности, объем трансфертов в натуральной форме в реальном выражении практически не изменился, что вынуждало население увеличивать расходы на индивидуальные услуги. Таким образом, существуют необходимость и возможности по интенсификации роста реальных доходов населения и общей макроэкономической динамики.

Ключевые слова: государственный сектор; институциональные счета; национальный доход; трансферты в натуральной форме; внебюджетная деятельность бюджетных организаций

Главный негативный эффект кризиса 2014–2015 гг. и последующей экономической стагнации – существенное снижение реальных доходов населения. За период 2014–2018 гг. глубина этого снижения составила 10,2%, а уровень среднедушевого дохода откатился на уровень десятилетней давности (в ценах 2010 г.)¹. В результате даже при относительно благоприятных внешнеэкономических условиях экономическое развитие не было поддержано ростом внутреннего спроса, 55% которого формируется именно за счет потребления домашних хозяйств [Поляков, 2019].

Тем не менее проводимая жесткая бюджетная политика даже в условиях роста нефтегазовых доходов не приводит к значимому наращиванию внутренних расходов, фокусируясь на обеспечении бездефицитности бюджета и пополнении резервных фондов.

¹ Официальная статистика Росстата, раздел «Уровень жизни населения», подраздел «Реальные располагаемые денежные доходы населения, оперативные данные (новая методология)».

В государственном секторе накопились значительные, даже в некоторой степени избыточные, резервы [Савчишина, 2017]. Так, в 2019 г. доходы бюджетной системы превысили 35% к ВВП, расходы – 33%². При этом величина Фонда национального благосостояния (далее – ФНБ) с учетом дополнительных нефтегазовых доходов 2019 г. на 1 мая 2020 г. составила 12,4 трлн руб.

Таким образом, государство как экономический агент оперирует достаточными финансовыми ресурсами для расширения списка задач бюджетной политики, помимо отсутствия бюджетного дефицита.

В связи с этим вопрос повышения благосостояния населения выходит на первый план не только в экспертных дискуссиях [Восстановление..., 2016], но и в новой государственной политике. Так, на форуме «Россия зовет!» в ноябре 2019 г. Президент РФ В.В. Путин озвучил необходимость именно роста реальных доходов населения, что нашло отражение как в долгосрочных планах (в виде национальных проектов^{3,4}, где зафиксированы, в частности, выплата материнского капитала на первого ребенка, меры по повышению уровня жизни семей с детьми и пенсионеров, программа по повышению производительности труда), так и в краткосрочной программе по поддержке населения в период острой фазы COVID-кризиса⁵.

На наш взгляд, оценивать возможности и последствия реализации той или иной бюджетной политики необходимо с использованием не только казначейских отчетов (в терминах «доходы-расходы-дефицит»), но используя весь арсенал доступных статистических и модельных инструментов [Трансформация..., 2018]. В качестве такого инструментария представляется целесообразным использовать институциональные счета, к которым

² Отчет об исполнении бюджета Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Информация официального сайта Федерального казначейства: URL: <http://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzhzet/>

³ Паспорт национального проекта «Демография» [Эл. ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Z4OMjDgCaehKWaA0psu6lCekd3hwx2m.pdf>

⁴ Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» [Эл. ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/Ki3g5TzKdmVyX2ogBvNTIхH3BQ6YFADA.pdf>

⁵ Указ Президента РФ от 07.04.2020 г. № 249 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» с изменениями [Эл. ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349618/

довольно редко обращаются российские исследователи для аналитики или построения эконометрических моделей.

База и методика исследования

Как известно, показатели институциональных счетов полностью отражают процесс формирования конечных располагаемых доходов и сбережений, напрямую определяющих величину расходов экономических агентов [Алмон, 2012]. При этом государство играет решающую роль в перераспределении национального дохода, фактически перенаправляя финансовые ресурсы от бизнеса к населению (рис. 1).

Примечание. НКООДХ - некоммерческие организации, обслуживающие домашние хозяйства.

Рис. 1. Распределение первичных и вторичных доходов с участием государственного сектора

Использование институциональных счетов в аналитических целях имеет ряд преимуществ:

- доступен большой массив информации за 1995–2017 гг.;
- счета отражают как бюджетную, так и внебюджетную деятельность бюджетных организаций;
- они полностью совместимы с системой национальных счетов;
- представленная информация позволяет корректно оценить объем трансфертов в натуральной форме, передаваемых от государства в пользу домашних хозяйств (это важно, поскольку объем их финансирования значительно влияет на фактические ресурсы населения для расходов на прочие нужды) [Иванов, 2012].

Тем не менее особенности формирования показателей институциональных счетов Росстатом имеют два существенных недостатка. Во-первых, данные публикуются хотя и ежегодно,

но с двухлетним запаздыванием. Во-вторых, в открытом доступе находятся лишь очень краткие комментарии о методике их формирования⁶, что значительно затрудняет оценку показателей на основе доступной оперативной статистики (данные Федерального казначейства, актуальная информация Росстата и пр.).

Автором была проведена оценка для 2018 г. для сектора «Государственное управление». Показатели валовой добавленной стоимости и выплаченной работникам заработной платы в секторе «Государство» рассчитываются как сумма соответствующих показателей по видам деятельности «Образование», «Здравоохранение» и «Прочие персональные услуги», так как большая часть этих услуг финансируется государством.

Налоги на производство ассоциируются с налогами на имущество, налоги на продукты равны сумме бюджетных доходов по НДС, акцизам и таможенным пошлинам. Доходы от собственности состоят из налога на добычу полезных ископаемых и доходов от использования государственного имущества и т.д.

При этом сопоставление данных институциональных счетов и отчетов Казначейства на имеющихся данных за 2010–2017 гг. говорит о том, что соотношения между показателями институциональных счетов и казначейскими данными не являются тождествами из-за различий в методологии. Поэтому потребовалось создать систему регрессионных уравнений, в которых зависимыми переменными являются показатели институциональных счетов, а объясняющими параметрами – соответствующие данные из отчетов об исполнении бюджета. Результаты показали достаточно высокую точность и устойчивость такого метода оценивания [Единак, 2019].

Результаты расчетов и дискуссия

Согласно данным институциональных счетов, ресурсы государственного сектора формируются по трем основным направлениям: валовая добавленная стоимость, налоги и таможенные платежи, доходы от собственности (табл. 1).

Традиционно в поле зрения исследователей попадают только доходы от бюджетной деятельности (налоги и страховые взносы, неналоговые доходы), тогда как существенную часть

⁶ Методологические положения по статистике. Вып. 1. 1996 г. [Эл. ресурс]. URL: https://gks.ru/bgd/free/B99_10/Main.htm

финансовых ресурсов бюджетных организаций (чуть менее 30% в 2013–2018 гг.) составляет валовая добавленная стоимость.

Таблица 1. **Ресурсы государственного сектора и их использование в 2010–2017 гг.**

Ресурсы	Потоки, млрд руб. (% к итогу)		
	2010	2015	2017
Всего, в том числе:	21557 (100)	37789 (100)	42758 (100)
Валовая добавленная стоимость	5191 (24)	11048 (29)	12285 (29)
в том числе валовая прибыль	240 (1)	2474 (7)	3133 (7)
Чистые налоги и страховые взносы	16029 (74)	22881 (61)	25945 (61)
Чистые доходы от собственности	335 (2)	3859 (10)	4427 (10)
Использование, в том числе:	22124 (100)	39015 (100)	43331 (100)
оплата труда	4879 (22)	8457 (22)	9027 (21)
социальные выплаты	5101 (23)	8355 (21)	9824 (23)
трансферты в натуральной форме	4119 (19)	6408 (16)	6820 (16)
государственное потребление	4553 (21)	8277 (21)	9829 (23)
инвестиции	2535 (11)	4787 (12)	5162 (12)
Сбережения	-567 (-)	-1226 (-)	-673 (-)

Источник: данные Росстата. Национальные счета России в 2014–2018 гг., раздел «Счета институциональных секторов в 2014–2017 гг.», подраздел «Счета сектора «Государственное управление» в 2014–2017 гг., URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_15/Main.htm (дата обращения: 16.04.2020).

Более того, значимость этого источника заметно выросла в 2010–2013 гг., и с тех пор остается стабильно высокой. При этом, на наш взгляд, здесь еще сохраняется значительный потенциал роста: в настоящий момент около 14–15% всех услуг образования и здравоохранения предоставляются частными компаниями и индивидуальными предпринимателями, и бюджетные организации именно в этом сегменте могли бы составить им конкуренцию. По нашим оценкам, если бы государственные организации смогли занять половину этого рынка, это принесло бы им около 500 млрд руб. в год дополнительного дохода, позволив повысить расходы на заработную плату на 6,6% (при условии сохранения текущего соотношения валовой прибыли к выпуску). При этом основная ориентация должна быть не на замещение бесплатных услуг рыночными, а на вовлечение в бюджетные системы здравоохранения и образования новых клиентов (например, иностранных граждан).

Выход на рынок платных услуг представляется вполне решаемой задачей для бюджетных организаций ввиду наличия у них более сбалансированной структуры расходов по сравнению

с коммерческими предприятиями. Так, в государственном секторе производство услуги на 1 рубль требует в 1,4–2,2 раза меньше промежуточных расходов, чем коммерческом (рис. 2). При этом средний уровень расходов на одного занятого в бюджетных учреждениях вдвое выше, чем в коммерческом сегменте, что, по всей видимости, можно связать с различиями в структуре занятых по уровню образования (рис. 3).

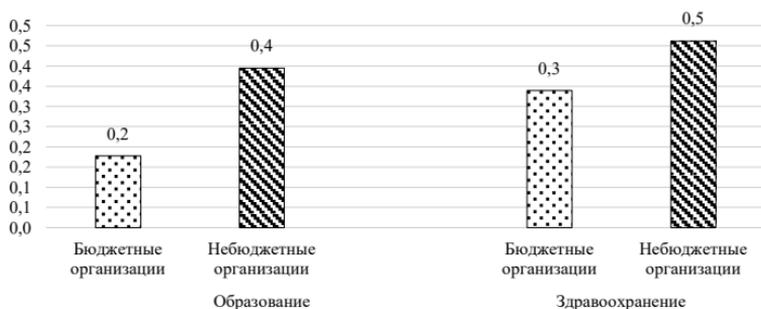

Рис. 2. Промежуточные затраты на 1 рубль выпуска в 2017 г.

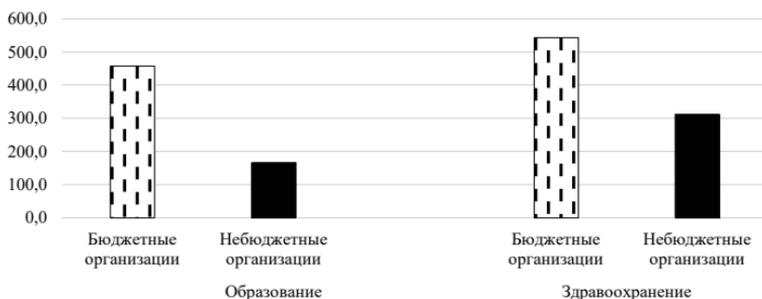

Рис. 3. Затраты на оплату труда (на одного занятого, тыс. руб.) в 2017 г.

Последнее предположение подтверждается, в частности, соотношением производительности труда: в бюджетном секторе выпуск на одного занятого превышает аналогичный показатель коммерческого сегмента на 57% в образовании и на 8% в здравоохранении.

Таким образом, и образовательные, и медицинские бюджетные организации имеют возможность выиграть ценовую конкуренцию у коммерческих предприятий за счет низкого уровня промежуточных затрат и более высокой производительности труда.

В 2010-х гг. рост ресурсов государственного сектора (в текущих ценах) в целом соответствовал динамике ВВП. Исключениями стали 2015 г., когда рост суммарных доходов государства был нулевым при росте ВВП на 5% в фактических ценах, и 2016–2017 гг., когда доходная база госсектора увеличивалась на 1–2 п.п. быстрее, чем в среднем по экономике.

Значимые изменения в структуре доходов состояли только в росте доли валовой прибыли сектора (табл. 1), что было связано с опережающим ростом рыночных услуг, оказываемых госпредприятиями (прежде всего, в сфере здравоохранения и образования): за период 2010–2017 гг. их объем в текущих ценах увеличился в 3,5 раза против двукратного роста нерыночных услуг.

Для домохозяйств это фактически означает рост расходов на индивидуальные услуги (в том числе в связи с сужением перечня услуг, оказываемых в системе ОМС). Рост доходов от собственности в 2015–2017 гг. был связан с изменениями в методологии: поступления НДС были отнесены к рентным доходам вместо налоговых поступлений.

Несмотря на значительную зависимость доходов консолидированного бюджета от внешнеэкономических параметров (прежде всего, в части поступлений от нефтегазового сектора), устойчивость ресурсной базы государственного сектора в целом оказалась достаточно высокой благодаря ускоренному росту валовой прибыли (не менее 9% в год в фактических ценах, рис. 4).

Рис. 4. Вклад факторов в прирост ресурсов государственного сектора в 2011–2017 гг.

Основными направлениями использования ресурсов госсектора являются: оплата труда, социальные выплаты, государственное потребление и государственные же инвестиции. Кроме того, одним из важнейших направлений расходов является финансирование трансфертов населению в натуральной форме (табл. 1).

В последние годы темпы реального прироста расходов государственного сектора сокращаются: если в 2011–2012 гг. они составили 9–12% в год, то в 2012–2013 гг. – 4–5%, а в 2016–2017 гг. – 1–2% (в кризисный 2015 г. реальное снижение составило –12%). Таким образом, на конец 2017 г. размер расходов сектора в целом составил 91% от уровня 2014 г. в сопоставимых ценах.

В наибольшей степени сократились объемы финансирования государственных инвестиций (–33% за 2014–2017 гг. в постоянных ценах), оплаты труда (–11%) и трансфертов в натуральной форме (–10%) при минимальном росте денежных социальных выплат (+4%) и расходов на государственное потребление (+1%).

В целом за период с 2010 г. трансферты населению в натуральной форме увеличились всего на 1%, оплата труда – на 10% в сопоставимых ценах. Это свидетельствует о том, что в рамках бюджетной политики 2010-х гг. задача повышения благосостояния населения не рассматривалась в числе основных. Таким образом, в 2015–2017 гг. государство сокращало бюджетный дефицит в том числе за счет снижения уровня поддержки населения.

Отметим, что при этом структура расходов сектора в целом оставалась практически неизменной, за исключением сокращения доли расходов на трансферты в натуральной форме (с 19% до 16%). На наш взгляд, такая ситуация была связана в первую очередь с изменениями перечня услуг здравоохранения, входящих в ОМС, которые вынуждали домохозяйства частично переходить на пользование платными услугами.

Рассматривая роль госсектора в перераспределении национального дохода и повышении доходов населения, необходимо отметить, что в 2017–2018 гг. динамика чистого финансового потока от государства в пользу населения была довольно высокой (табл. 2), но все же ниже динамики потока от бизнеса к государству. Иными словами, потенциал наращивания поддержки населения в условиях значимого восстановления нефтяных цен

и нефтегазовых доходов бюджета не был использован в полной мере. При этом наиболее стабильно наращивался объем финансирования социальных выплат домохозяйствам, тогда как по таким статьям, как выплата заработной платы и трансферты в натуральной форме, реальный прирост финансирования был реализован только в 2018 г.

Таблица 2. Потоки перераспределения национального дохода с участием государственного сектора и их динамика в 2010–2018 гг., млрд руб. (% к предыдущему году)

Потоки	2010 (отчет)	2015 (отчет)	2017 (отчет)	2018 (оценка)
Налоги (бизнес → государство)	8117 (+33)	8370 (–7)	9571 (+14)	12205 (+46)
Страховые взносы и прочие выплаты (бизнес → государство)	2779 (+7)	5993 (+9)	6947 (+16)	7841 (+31)
Налоги (население → государство)	2506 (+10)	4449 (0)	5060 (+14)	4766 (+7)
Заработная плата (государство → население)	4985 (+14)	8615 (+2)	9216 (+7)	10546 (+22)
Социальные выплаты (государство → население)	5030 (+37)	7624 (–1)	9459 (+24)	10393 (+36)
Трансферты в натуральной форме (государство → население)	4344 (+6)	6722 (+4)	7201 (+7)	8237 (+23)
Баланс взаимодействий государственного сектора и бизнеса	10896 (+25)	14364 (–1)	16518 (+15)	20046 (+40)
Баланс взаимодействий государственного сектора и населения	-11853 (+20)	-18512 (+2)	-20815 (+12)	-24411 (+32)

Примечание: в скобках дана динамика к предыдущему году, %

Источник: данные Росстата. Информационно-аналитические материалы Росстата, раздел «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств», URL: <https://gks.ru/folder/11110/document/13271>. Расчеты автора.

Несмотря на ограниченность государственной поддержки населения, неоспоримым положительным результатом следует считать некоторое повышение адресности бюджетной помощи в 2016–2018 гг. Так, доля натуральных трансфертов, переданных представителям первых пяти децильных групп населения (на их долю приходится 24% общих денежных доходов), выросла с 40,6% до 40,9% при одновременном снижении доли трансфертов в пользу 6–8-й и 10-й децильных групп (на 0,3–0,4 п.п. в каждой группе).

Заключение

Использование институциональных счетов (помимо традиционно рассматриваемых казначейских отчетов) позволяет существенно расширить аналитические возможности при исследовании роли государства в формировании общеэкономической динамики. При этом в условиях стагнации экономики и падения реальных доходов населения ключевым вопросом становится анализ бюджетных возможностей по поддержке домохозяйств. Именно анализ институциональных счетов позволил нам отследить реальное сокращение заработных плат в бюджетном секторе и трансфертов населению в натуральной форме в 2015–2017 гг. Таким образом, восстановление благоприятных внешнеэкономических условий (в части мировых цен на энергоресурсы) после кризиса 2014 г. не было в полной мере использовано государством для повышения уровня жизни граждан. Тем не менее позитивными сигналами стали некоторое повышение адресности государственной помощи (в форме натуральных трансфертов) и активные действия правительства в текущем году в условиях COVID – кризиса.

Литература

Алмон К. Искусство экономического прогнозирования / Институт народнохозяйственного прогнозирования. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 391–399.

Восстановление экономического роста в России. Научный доклад ИНИ РАН. 2016. 32 с.

Единак Е. А. Итоги XXVI конференции по межотраслевому моделированию INFORUM // Проблемы прогнозирования. М.: Наука/Интерпериодика, 2019. № 3. 171–173 с.

Иванов Ю. Н. История возникновения и развития системы национальных счетов // Вопросы статистики. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2012. № 8. 79–83 с.

Поляков И. В. Посткризисные процессы в потреблении – окончание или затянувшееся восстановление? (Население и динамика потребительского сектора в 2014–2018 гг.) // Научные труды. 2019. С. 40–53

Савчишина К. Е. Современные проблемы и перспективы развития бюджетной системы России // Проблемы прогнозирования. М.: Наука/Интерпериодика, 2017. № 6. 101–114 с.

Трансформация структуры экономики: механизмы и управление. Монография/ Под науч. ред. А. А. Широга. М.: МАКС Пресс, 2018. 264 с.

Статья поступила 17.03.2020.

Статья принята к публикации 28.03.2020.

Для цитирования: Савчишина К. Е. Роль госсектора в перераспределении национального дохода в 2010-х гг. // ЭКО. 2020. № 7. С. 100-110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-100-110.

Summary

Savchishina, K. E., Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow

The Role of the Public Sector in Redistribution of the National Income in the 2010-s

Abstract. The paper considers the role of the public sector in distribution of national income. According to data from institutional accounts, the public sector has significant financial resources (including those from extra-budgetary activities), but the focus on accumulating financial reserves has led to deterioration of people's living standards. The government sector has not fully used all channels of supporting the population during the period of decline and stagnation of real incomes. In particular, the volume of transfers in kind did not change in real terms, which forced the population to increase private spending on individual services. Thus, there is a need and opportunity to intensify growth of real population incomes and overall macroeconomic dynamics.

Keywords: *public sector; institutional accounts; national income; transfers in kind; extra-budgetary activity*

References

Almon, C. (2012). The craft of economic modelling / Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences, Moscow. MAKS Press. Pp. 391–399. (In Russ.).

Edinak, E.A. (2019). Results of the XXVI INFORUM World Conference. *Studies of Russian Economic Development*. No. 3. Pp. 171–173. (In Russ.).

Ivanov, Yu.N. (2012). History of origin and development of the system of national accounts. *Voprosy statistiki*. Moscow: Information & publishing centre Statistics of Russia. No. 8. 79–83 p. (In Russ.).

Polyakov, I.V. (2019). Post-crisis consumption processes – the completion or protracted recovery? (Households and consumption sphere dynamics in 2014–2018). *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. Pp. 40–53. (In Russ.).

Restoring of economic growth in Russia. (2016). Research paper by Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences. 32 p. (In Russ.).

Savchishina, K.E. (2017). Modern problems and development prospects of the Russian budgetary policy. *Studies of Russian Economic Development*. No. 6. 101–114 c. (In Russ.).

Transformation of the structure of the economy: mechanisms and management. (2018). edited by A. A. Shirov. Moscow. MAKS Press. 264 p.

For citation: Savchishina, K. (2020). The Role of the Public Sector in Redistribution of the National Income in the 2010-s. *ECO*. No. 7. Pp. 100-110. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-100-110.

«Умная специализация» регионов Сибири в сфере сельскохозяйственного производства¹

В.В. АЛЕЩЕНКО, доктор экономических наук. E-mail: 564435@mail.ru

О.А. АЛЕЩЕНКО. E-mail: oelab2@mail.ru

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Омск

Аннотация. В статье рассматривается вопрос выбора модели агроспециализации регионов Сибири в контексте концепции «умной специализации» и макроэкономических событий последнего десятилетия. Делается вывод о пространственном развитии агропромышленного комплекса в рамках центр-периферийной модели. Наряду с углублением агроспециализации в Южно-Сибирском макрорегионе происходит активное формирование новых точек роста в субъектах РФ, входящих в Уральско-Сибирский и Ангаро-Енисейский макрорегионы. Сибирские регионы Дальневосточного макрорегиона, Республика Алтай, Республика Тыва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа образуют сибирскую агро-периферию, агроспециализация в которых обусловлена преимущественно сохранением традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. «Умная специализация» в рамках Южно-Сибирского макрорегиона возможна и целесообразна при производстве таких продуктов, как молоко, мед, шерсть, яйца, зерновые и зернобобовые, картофель, лен, масличные, овес, овощи, рапс, рожь, рыжик, соя, тритикале, ягодники. Регионы Ангаро-Енисейского макрорегиона имеют базу для осуществления программ кооперации в производстве молока, шерсти, яиц, зерновых культур, картофеля, овса, овощей, рапса, ржи, рыжика, ягод, ячменя. В Уральско-Сибирском регионе возможна межрегиональная кооперация по товарной группе «ягодники».

Ключевые слова: «умная специализация»; гибкое производство; стратегическое планирование; агропромышленный комплекс; регион; Сибирь; специализация; цепочка ценности

Десять лет назад была утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года², которая рассматривала агропромышленный комплекс в качестве одной из приоритетных отраслей развития Сибири. Очевидно, что в очередном Стратегическом документе на третье десятилетие XXI века вновь

¹ Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН, № АААА-А17–117022250133–9.

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2010 года № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» (с изменениями на 26 декабря 2014 года).

будет подчеркнута особая роль сельского хозяйства [Першукевич и др., 2018]. Вместе с тем за последние десять лет произошел целый ряд политических и макроэкономических событий, наложивших свой отпечаток на пространственные приоритеты развития сельского хозяйства в Сибири.

На смену парадигмы углубления сложившейся в 1990-х годах рыночной специализации субъектов РФ пришла концепция продовольственной безопасности территорий, которая привела к пространственному перераспределению сложившейся структуры сельхозпроизводства в Сибири, появлению новых точек роста. В 2010 г. была принята Доктрина продовольственной безопасности РФ³, в которой агропромышленный комплекс, по сути, оказался включен в число отраслей, обеспечивающих национальную безопасность, а задача развития сельского хозяйства для сибирских губернаторов перешла из экономической в политико-экономическую плоскость [Kosenchuk et al., 2016].

Сельское хозяйство стало стратегически важной отраслью, и «финансово состоятельные» субъекты РФ начали активно, выстраивать системы региональных преференций местным сельхозпроизводителям. В 2014 г. экономические санкции ряда зарубежных стран и последовавшие за ними контрсанкции уже экономическими мерами укрепили данные политические начинания, дав мощный импульс развитию отрасли на сибирских территориях.

Принятая в феврале 2019 г. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁴ одним из ключевых тезисов обозначает «концентрацию экономического роста в ограниченном числе центров». Понятно, что регионы Сибири находятся не в равных стартовых условиях с регионами европейской части России: в плане природно-климатических условий, близости к рынкам сбыта, инвестиционной привлекательности и т.п. [Барышникова и др., 2019]. Более того, с точки зрения пространственной экономики агропромышленные центры европейской части России обладают значимым конкурентным преимуществом перед территориями Сибири – синергетическим

³ Указ Президента РФ от 30.01.2010 № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

эффектом от территориальной близости друг к другу. Четырнадцать из пятнадцати агропромышленных центров России находятся в европейской части страны, и только один – в Сибири.

В этом случае насколько правы идеологи Стратегии, утверждая, что из всех субъектов РФ, расположенных в Сибири, только муниципальные образования Алтайского края со сельскохозяйственной специализацией в перспективе имеют шанс стать агропромышленным центром национального уровня и на равных конкурировать с аналогичными центрами, «кластерами», расположенными в Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах? Каковы эффекты для регионов Сибири от подобного рода конкуренции с точки зрения развития отраслей и сельских территорий? Будет ли это с неизбежностью означать изменение сельскохозяйственной активности в Сибири, и если да, то в каких подотраслях и на каких территориях? Смогут ли стать промышленные и сырьевые центры России, расположенные в Сибири, драйвером для развития сельскохозяйственного производства сибирских территорий?

Ответы на эти и вытекающие из них вопросы, на взгляд авторов, можно искать в плоскости оценки территориально-отраслевой агроспециализации регионов Сибири [Майоров, 2020] и определения возможностей для их производственно-сбытовой, финансовой и иных форм кооперации в рамках территориальной единицы нового типа – макрорегиона. Тезис «кооперация вместо конкуренции», объединение усилий власти, малого и среднего бизнеса в рамках макрорегионов может стать для регионов Сибири ключом к поиску новых решений для повышения их конкурентоспособности и углубления сельскохозяйственной специализации.

Как определяется агроспециализация территории

Размещение сельскохозяйственного производства в СССР выстраивалось на неоклассической модели Хекшера-Олина, согласно которой ключевыми факторами успеха территорий выступали природные ресурсы, земля, рабочая сила и капитал (необходимые предпосылки производственного процесса). Применительно к сельскому хозяйству это выражалось в государственных инвестициях и стимулировании трудовой миграции

в зоны с максимально благоприятными природно-климатическими и почвенными ресурсами (последние определялись в результате оценки).

Во времена плановой экономики в стране проводилось зонирование территорий с точки зрения условий для сельскохозяйственного производства (сельскохозяйственные зоны) и централизованно направлялись финансовые ресурсы на углубление их агроспециализации. Таким образом, территории не столько конкурировали за право ведения сельскохозяйственной деятельности (оно определялось директивно), сколько кооперировались.

С одной стороны, важным фактором их эффективного развития была межхозяйственная (горизонтальная) кооперация. Так, в южных районах РСФСР (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область) создавались межколхозные сады с системой межколхозных фруктохранилищ и предприятий по переработке фруктово-ягодной продукции. С другой стороны, в 1970–1980-х гг. в массовом порядке создавались аграрно-промышленные предприятия и объединения различной специализации (вертикальная кооперация): «Кубаньвино» (Краснодарский край), «Донконсервтрест» (Ростовская область) и еще более 700 республиканских и территориальных объединений, которые обеспечивали непрерывный процесс производства, переработки, транспортировки и сбыта сельскохозяйственной продукции, а также снижение экономических издержек за счет эффекта масштаба.

Агропромышленная кооперация способствовала и кооперации научно-производственной: под эгидой Министерства сельского хозяйства СССР были созданы подотраслевые объединения «Агроприбор», «Эфирмасло», «Зверопром» и т.п. Таким образом, научно-исследовательские институты были встроены в цепочку кооперационных связей сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности.

Как видим, конкуренция между территориями СССР за право организации сельскохозяйственного производства отсутствовала, их конкурентные преимущества зависели от природно-климатических особенностей и от затрат на производство, хранение и транспортировку. В этих условиях ключом к повышению продуктивности являлось крупнотоварное производство с опорой на горизонтальную и вертикальную кооперацию (агропромышленную и научно-производственную).

Стоит отметить, что подобный подход до сих пор активно используется за рубежом – в странах и отраслях с простыми и доступными технологиями, а также неквалифицированным трудом (яркий пример – современное сельскохозяйственное производство в Китае).

Правительство СССР, а затем и России принимало и продолжает принимать различные меры, направленные на усиление конкурентных преимуществ товаропроизводителей через снижение стоимости факторов производства (субсидирование отдельных секторов и финансирование экспорта, повышение ввозных таможенных пошлин, девальвация национальной валюты, снижение процентных ставок, сдерживание роста зарплаты...). Все эти меры позволяют сократить издержки отечественных сельхозтоваропроизводителей в сравнении с иностранными конкурентами.

Однако практика показывает, что такие подходы нередко становятся ловушкой для территорий. Там, где экспорт увязан со стоимостью факторов производства, а конкурентоспособность – с ценой, всегда могут найтись другая территория и другое правительство, готовые предоставить аналогичные субсидии своим сельхозпроизводителям [Копченев, 2019]. Кроме того, возникают хронические проблемы по повышению заработной платы населению и желание получить инвестиционный доход от вложений. Такая конкурентоспособность сельхозпроизводителей всецело зависит от погодных условий, экономической конъюнктуры и «толщины кошелька» регулятора.

Между тем передовые страны перешли к следующему этапу повышения конкурентоспособности бизнеса – встраивание в новые цепочки ценностей. В условиях качественного изменения конкурентной борьбы в конце XX – начале XXI столетия появился мощный пласт прикладных экономических концепций, в которых вся ответственность за удержание конкурентных преимуществ была возложена непосредственно на хозяйствующие субъекты. Наибольшую известность получили концепция «ценностных дисциплин» (М. Треси и Ф. Вирсема), теория интеллектуального лидерства (К. К. Прахалад и Г. Хэмел), теория «соконкуренции» (А. М. Бранденбургер и Б. Нейлбафф) и некоторые другие.

Как правило, современный агробизнес встраивается в производственную, логистическую и сбытовую цепочку других бизнесов и рынков. Например, это очень распространено в селекционном

бизнесе, который и сам по себе издавна является высокомаржинальным и научно-технологичным. Современные мировые лидеры селекции и семеноводства – швейцарская Syngenta AG и американская Monsanto Company – вошли в химические холдинги и работают в единой связке с блоком средств защиты растений.

Аналогичные тенденции мы наблюдаем и в нашей стране. Самая крупная компания агропромышленного комплекса России – ГК «Содружество» – включает в себя заводы по производству белково-витаминно-минеральных добавок и белковых концентратов в России и Западной Европе; завод по переработке рыбной муки в Дании; завод переработке соевых бобов и рапса, маслоэкстракционный завод в Калининградской области; портовый комплекс в Калининграде; крупнейшую частную логистическую компанию в российском зерновом секторе «Балт-Транс»; совместное предприятие с CAROL – одним из крупнейших в Бразилии кооперативов (обеспечивает закупку соевых бобов и предоставляет допуск к южно-американским рынкам сбыта); перевалочные терминалы и складские мощности в Бразилии (Lider Armazens Gerais S.A.); международную торговую сеть (Mitsui&Co. Ltd) и др. За последний финансовый год консолидированные показатели по продажам в ГК «Содружество» составили около 2,5 млрд долл. США, при этом компания владеет более чем 30 предприятиями, находящимися в 20 странах, около 2500 сотрудников трудоустроено по всему миру⁵.

Таким образом, современный агробизнес зачастую представляет из себя наукоемкие транснациональные корпорации, диверсифицированные по глубине переработки, логистическим мощностям, регионам присутствия, новым рынкам.

Но означает ли это, что будущее в сельском хозяйстве – только за крупнотоварным производством, тогда как удел малого бизнеса – это обеспечение самозанятости сельского населения и заполнение локальных ниш, не представляющих интереса для агрокорпораций? Какой в этом случае должна быть политика региональных властей Сибири по развитию агробизнеса, если крупным агрохолдингам выгоднее работать в Центральном, Приволжском и Южном федеральных округах?

⁵ Официальный сайт ГК «Содружество» [Эл. ресурс]. URL: https://sodrugestvo.ru/about_us/our_history/ (дата обращения: 05.05.2020).

В зарубежной практике вопрос об экономической специализации территорий исследуется на протяжении многих лет под различными углами зрения, включая внешнюю торговлю, иностранные инвестиции, имеющиеся ресурсы и их использование, издержки и конкурентоспособность, реализуемые программы, стратегии и инициативы в области развития (например, кластеры). В частности, на эти аспекты ссылается концепция «умной специализации регионов» (Regional smart specialisation), которая является одним из инструментов реализации программы «Европа 2020 – Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста в Европейском Союзе» [EU: Guide, 2012].

Стратегия «умной специализации» опирается на Концепцию гибкого производства, в соответствии с которой малые и средние предприятия могут быстро модифицировать производство, входить в рыночную нишу и адаптироваться к происходящим изменениям, особенно на основе сотрудничества и кооперации, создавая тем самым новую специализацию [Ragkos et al., 2015]. При этом государство поддерживает бизнес на основе Положения об основных товарных группах специализированного производства, которое позволяет сосредоточить внимание территорий на тех продуктах, которые могут быть наиболее конкурентоспособными на внешних рынках, учитывая накопленный опыт в их производстве [EU support, 2020].

«Умная специализация» опирается на следующие принципы.

1. Выбор глобальной специализации.
2. Согласованность целей и стратегий участников.
3. Создание критической массы близких по направлению участников. Плотность, влекущая усиление коммуникаций и связей.
4. Предпринимательская модель, основанная на конкуренции и сотрудничестве участников.
5. Конкурентоспособные на мировом уровне продукты.
6. Гибкость – адаптация к меняющимся условиям и реакции системы.

Другими словами, важно не то, какую конкретно сельскохозяйственную культуру ты выращиваешь с наименьшими затратами, а как быстро ты сможешь «встроить» свое производство в цепочку ценности, одним из звеньев которой будет являться твоя возделываемая культура. По сути, на первый план выходят

твои способности и компетенции в переориентации на более востребованную культуру, если этого требует действующая либо новая цепочка ценности. Побеждает наиболее эффективная бизнес-модель, а не самое эффективное производство. И малый бизнес в плане гибкости здесь, однозначно, имеет преимущество перед крупными агрохолдингами.

В качестве примера можно привести финскую компанию Valio – лидера молочного рынка Финляндии, с объемом переработки 80% производимого в стране молока (до 2 млн т молока ежегодно). Масштаб деятельности компании впечатляет: более 1000 наименований ассортимента продукции, экспорт в 60 стран мира, число сотрудников – 4000 человек⁶. Однако ее учредителями выступают 17 фермерских кооперативов, которые в свою очередь объединяют 6000 финских фермеров. Такая бизнес-модель, построенная на вертикально-горизонтальной кооперации, позволяет фермерам, с одной стороны, снижать свои транзакционные издержки за счет эффектов масштаба (в переработке, логистике, сбыте). С другой стороны, уходить от изнуряющей ценовой конкуренции – ведь цена закупа молока едина для всех игроков рынка.

Еще одним примером «умной специализации» может служить сельскохозяйственное производство современного Израиля, находящееся в сфере неусыпного внимания со стороны правительственных организаций⁷ (практически все земельные ресурсы – 99,8% – находятся в собственности государства и сдаются в аренду на 49 лет). Основная производственная единица – это не крупные холдинги, а индивидуальные частные фермерские хозяйства, а также коллективные хозяйства: кибуцы («сельскохозяйственные коммуны»), мошавы овдим («рабочие поселения») и мошавы шифути («коллективные поселения»). При этом сельхозтоваропроизводители широко диверсифицируют свою деятельность, активно участвуют в создании новых бизнес-цепочек. Например, в кибуце Шфаим, помимо молочной фермы и «умных теплиц», организовано производство пластиковых бутылок, ведется туристическая (гостиница, аквапарк, организация праздников) и образовательная (платный детский сад

⁶ Официальный сайт ООО «Валио» [Эл. ресурс]. URL: www.valiorussia.ru (дата обращения: 12.05.2020).

⁷ Сельское хозяйство Израиля: идеология плюс инновации // Бюджет. 2013. № 2. [Эл. ресурс]. URL: www.valiorussia.ru (дата обращения: 22.05.2020).

и обучающий центр) деятельность, работает крупный торговый центр. Диверсификация в смежных направлениях и гибкость производства – это ключевые принципы финансовой устойчивости малых и средних сельскохозяйственных предприятий Израиля.

«Умная специализация» в Сибири

Составление перечня товарных групп специализированного агропроизводства в регионах Сибири, согласно концепции «умной специализации», должно опираться на исторически сложившуюся базу в их производстве. Методология исследования включает ретроспективную оценку сельского хозяйства шестнадцати регионов Сибири в разрезе муниципальных районов, картирование полученных результатов⁸ с последующим определением направлений мер кластерной поддержки сельхозпроизводства, в том числе в рамках объединений макрорегионального типа.

Для моделирования были использованы данные Росстата по производству основных видов сельскохозяйственной продукции за 12 лет (2007–2018 гг.) по следующим территориям: Уральско-Сибирский макрорегион (Тюменская область (без автономных округов), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ); Южно-Сибирский макрорегион (Республика Алтай, Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области); Ангаро-Енисейский макрорегион (республики Тыва и Хакасия, Красноярский край, Иркутская область); Дальневосточный макрорегион (республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский край).

Данные по сельскохозяйственному производству анализировались в разрезе муниципальных образований. В связи с тем, что в городских округах сельскохозяйственное производство, как правило, не ведется (и Росстат его не учитывает), для моделирования и последующего картографирования использовались данные 392 сельских муниципальных районов Сибири.

Перечень видов сельскохозяйственной деятельности был определен исходя из того, чтобы хотя бы в одном из субъектов РФ, располагающемся в Сибири, производство данного вида сельскохозяйственной продукции (в среднем за последние 12 лет)

⁸ Для определения границ диапазонов агроспециализации выбран метод «Стандартное отклонение», который показывает, насколько значения атрибутов объектов отличаются от среднего значения, рассчитанного для Сибири в целом.

превышало 1,25% от объема произведенной продукции по России в целом. Таким образом, например, по растениеводству из 47 учитываемых Росстатом культур было оставлено к дальнейшему анализу 20 культур и восемь укрупненных групп культур. По животноводству все пять учитываемых Росстатом видов продукции были приняты к моделированию и последующему картографированию.

Результаты исследования подотраслей животноводства

Мед. Специализированными на национальном уровне в настоящее время можно признать только муниципальные районы восточной части Алтайского края. Вместе с тем потенциально специализированным микрокластером сибирского уровня, с возможностью создания межрегиональных кооперационных связей, являются смежные территории Южно-Сибирского макрорегиона: восточная часть Алтайского края, восток Новосибирской области, юг Томской области, Кемеровская область, северо-запад Республики Алтай.

Географически связанная территория с двумя ярко выраженными центрами производства – Алтайский край и Кемеровская область – имеет все шансы стать «точкой роста» в сельскохозяйственной специализации Южно-Сибирского макрорегиона при условии выстраивания межрегиональных взаимосвязей: создания единой снабженческой и сбытовой сети, системы обслуживания, проведения единой маркетинговой политики (например, «зонтичные» бренды) и т.п. С учетом того, что большинство производителей меда – личные подсобные хозяйства, фермеры, крестьянские (фермерские) хозяйства, – перспективным является создание сети сельскохозяйственных кооперативов.

Шерсть. Сельскохозяйственная специализация национального уровня присутствует в двух географически локализованных местах: южные и западные части Республик Алтай, Тыва и Хакасия (Южно-Сибирский и Ангаро-Енисейский макрорегионы), а также южные и восточные части Забайкальского края и Республики Бурятия. Причем в Ангаро-Енисейском шерстяном кластере связанные меры межрегиональной кооперации, по всей видимости, окажутся более результативными: здесь и уровень специализации максимальный, и уровень сопредельности территорий выше,

и специализированные сельские муниципальные районы примыкают к столицам субъектов РФ.

Яйцо. Производство яиц является подотраслью, размещение которого географически узлокализировано и тесно привязано к рынкам сбыта: самые крупные птицефабрики находятся вблизи крупнейших городов Сибири (Тюмень, Омск, Новосибирск, Барнаул, Новокузнецк, Красноярск, Иркутск).

Мясо. Производством мяса скота и птицы заняты практически все муниципальные районы макрорегионов Сибири. Вместе с тем максимальная специализация наблюдается в муниципальных районах, примыкающих к крупнейшим агломерациям Сибири, центрами которых выступают города Тюмень, Ишим, Омск, Новосибирск, Томск, Бийск, Новокузнецк, Красноярск, Иркутск.

Молоко. Молокопроизводящие районы образуют самую широкую зону охвата территории Сибири. Начинаясь с юга Тюменской области, она проходит через южные районы Омской и Новосибирской областей, захватывает самый юг Томской области, пересекает Алтайский край, Кемеровскую область и Республику Хакасия, юг Красноярского края и заканчивается в южных районах Иркутской области.

Стоит отметить, что максимальная специализация в производстве молока фиксируется как в районах, примыкающих к крупнейшим сибирским агломерациям (Тюмень, Ишим, Омск, Новосибирск, Бийск, Абакан, Красноярск, Иркутск), так и в достаточно обширных сельских территориях (южные и западные районы Омской, Новосибирской, Кемеровской и Иркутской областей, Алтайского и Красноярского краев, Республики Хакасия).

Столь широкий территориальный охват объясняется тем, что молочное животноводство является отраслью, обеспечивающей круглогодичную занятость сельских территорий. Именно в этой отрасли меры межрегиональной кооперации окажутся наиболее эффективными и охватят наибольшее число производителей.

Результаты исследования подотраслей растениеводства

С учетом того, что в исследуемых регионах Сибири проживает около 16% населения России, производство всех культур можно разбить условно на три типа (табл. 1): конкурентоспособность национального уровня (доля валового производства

регионов Сибири составляет более 32% от общероссийских показателей), конкурентоспособность внутрисибирскую (доля производства Сибири находится в диапазоне от 16% до 32%) и локальную конкурентоспособность (доля производства Сибири в общероссийских показателях составляет от 1,25% до 16%).

Таблица 1. Агроспециализация регионов Сибири в растениеводстве в 2007–2018 гг.

Культура	Доля регионов Сибири в РФ, среднее за 2007–2018 гг., %	Количество регионов Сибири, где имеются сельские муниципальные районы с производством выше среднего по Сибири	Предпосылки для межрегиональной кооперации
Национальная конкурентоспособность			
Гречиха	46,9	3	Нет
Овес	46,0	13	Да
Лен-долгунец – в переводе на волокно	40,2	5	Да
Внутрисибирская конкурентоспособность			
Рапс озимый и яровой в весе после доработки	27,7	12	Да
Лен-долгунец (семена) в весе после доработки	22,3	5	Да
Однолетние травы на сено	21,5	12	Нет
Горох	21,5	6	Да
Многолетние травы на сено	20,8	13	Нет
Картофель	19,1	16	Да
Пшеница озимая и яровая	17,0	10	Да
Лен-кудряш в весе после доработки	15,9	4	Да
Локальная конкурентоспособность			
Ячмень яровой	14,9	7	Да
Ягодники (земляника, клубника, малина, смородина, крыжовник и другие ягодники)	14,1	10	Да
Кукуруза на силос, зеленый корм и сенаж (вес зеленой массы)	13,8	8	Нет
Овощи открытого и закрытого грунта	11,0	10	Да

Источник. Рассчитано на основе данных Росстата.

Гречиха. Специализированными на национальном уровне в настоящее время можно считать весь центр и восток Алтайского края, а также некоторые приграничные районы восточной части Новосибирской области. С учетом того, что эти локальные,

небольшие, по меркам Сибири, территории производят 47% всей гречихи России, культуру эффективнее развивать в рамках региональных мер поддержки крупнотоварного производства и переработки, межрегиональная кооперация в данном случае значимого эффекта не принесет.

Овес. Производящие данную культуру районы также являются специализированными на национальном уровне (46% общероссийского производства). Однако территориальный охват основных производительных сил в данном случае значительно выше. На западе и востоке Сибири (в Тюменской, Омской и Иркутских областях) производство овса носит локальный, «очаговый» характер. В то же время в центральной части южносибирского пояса ясно прослеживаются макрорегиональные микрокластеры: Новосибирск-Кемерово-Бийск (Южносибирский макрорегион) и Ачинск-Канск-Абакан (Ангаро-Енисейский макрорегион). Для данных территорий политика межрегиональной кооперации и развития первичной переработки наиболее подходит для укрепления конкурентоспособности национального уровня.

Лен-долгунец. 40% льноволокна и 22% льносемян льна-долгунца в России производят в двух зонах Южно-Сибирского макрорегиона: на севере Омской области и в границах зоны Новосибирск – Барнаул – Томск. Безусловно, межрегиональная кооперация в рамках кластера макрорегиона будет способствовать дальнейшему углублению специализации территорий Сибири национального уровня.

Рапс. Территории, определяющие лицо производства культуры в Сибири, образуют пояс, в который входят практически все регионы Южно-Сибирского макрорегиона (кроме Республики Алтай), а также Тюменская область. Межрегиональная кооперация, безусловно, здесь окажется полезным инструментом усиления агроспециализации. В Ангаро-Енисейском и Дальневосточном макрорегионах серьезного производства нет: на выращивании рапса специализируются лишь по одному муниципальному району в Красноярском и Забайкальском краях.

Однолетние и многолетние травы на сено. Территории, обладающие внутрисибирской специализацией, довольно обширны. Почти в каждом субъекте РФ, находящемся в Сибири (кроме Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономного округов,

республик Тыва и Саха (Якутия)), имеются муниципальные районы, где производство трав является агроспециализацией. Географически данная специализация, в первую очередь, тесно коррелирует с картой специализации отрасли молочного животноводства в Сибири. Соответственно, меры поддержки данной специализации лежат в плоскости мер государственной политики в области молочного животноводства.

Горох. Культура пригодна для получения хорошего продовольственного зерна и для посева на зеленый корм в травосмесях. Специализация выше средней по Сибири, как и в целом по растениеводству, наблюдается в Тюменской области и всех регионах Южно-Сибирского макрорегиона (за исключением Республики Алтай).

Картофель. Каждый пятый килограмм произведенного в России картофеля возделывается в Сибири. Являясь одним из основных продуктов питания, картофель производится в каждом регионе Сибири. Специализация выше среднесибирского уровня наблюдается в муниципальных районах, приближенных к крупным центрам потребления: г. Тюмень, Омск, Новосибирск, Томск, Кемерово, Новокузнецк, Барнаул, Красноярск, Канск, Иркутск. Так как картофель – культура, возделываемая повсеместно, чрезвычайно требовательная к условиям хранения и транспортировки, а также обладает небольшим логистическим плечом, вопрос дальнейшего углубления специализации сибирских территорий лежит, по большей части, в плоскости глубокой переработки картофеля.

Пшеница. Стратегически важная культура [Чупин и др., 2017] возделывается в «зеленом поясе» Южной Сибири: Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская, Кемеровская области, Алтайский и Красноярский края, Иркутская область. Значительные объемы производства, сопредельность территорий, – все это свидетельствует о достаточно глубоком уровне агроспециализации сибирских регионов. Ключевые направления ее углубления – глубокая переработка зерна и меры поддержки экспорта пшеницы в страны Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона [Березин, 2019].

Лен-кудряш. Производство культуры выше среднего по Сибири территориально сосредоточено в Южно-Сибирском макрорегионе: в Омской, Новосибирской и Кемеровской областях,

а также Алтайском крае. Межрегиональная кооперация на уровне макрорегиона, первичная переработка – действенные инструменты углубления агроспециализации.

Производство и специализация таких культур, как **ячмень**, **ягодники**, **кукуруза на силос** и **овощи** носят локальный (местный) характер. Меры по углублению специализации лежат в плоскости государственной поддержки агропромышленного комплекса и региональных программ поддержки малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, регионы Сибири имеют под собой достаточно мощный фундамент для организации агропроизводства в рамках концепции «умной специализации» (табл. 2).

Таблица 2. Перечень товарных групп специализированного агропроизводства в регионах Сибири

Субъект РФ	Товарная группа
<i>Уральско-Сибирский макрорегион</i>	
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	Ягодники
Ямало-Ненецкий автономный округ	–
Тюменская область (без автономных округов)	Молоко, скот и птица на убой, яйца, горох, картофель, косточковые, овес, овощи, пшеница, рапс, рыжик, тритикале, ягодники, ячмень
<i>Южно-Сибирский макрорегион</i>	
Республика Алтай	Шерсть
Алтайский край	Молоко, мед, скот и птица на убой, яйца, горох, гречиха, картофель, рожь, косточковые, лен-долгунец, лен-кудряш, масличные, овес, овощи, подсолнечник, просо, пшеница, рапс, рыжик, сахарная свекла, соя, тритикале, ягодники
Кемеровская область	Мед, молоко, скот и птица на убой, яйца, горох, картофель, косточковые, масличные, овес, овощи, пшеница, рапс, рожь, тритикале, ягодники, ячмень
Новосибирская область	Молоко, скот и птица на убой, яйца, горох, картофель, лен-долгунец, лен-кудряш, масличные, овес, овощи, просо, пшеница, рапс, рожь, соя, тритикале, ягодники, ячмень
Омская область	Молоко, скот и птица на убой, яйца, горох, картофель, косточковые, лен-долгунец, лен-кудряш, масличные, овес, овощи, просо, пшеница, рапс, рожь, рыжик, соя, ягодники, ячмень
Томская область	Молоко, скот и птица на убой, яйца, горох, картофель, лен-долгунец, лен-кудряш, овес, овощи, пшеница, рыжик, тритикале, ягодники
<i>Ангаро-Енисейский макрорегион</i>	
Республика Тыва	Шерсть
Республика Хакасия	Молоко, шерсть, яйца, овес, овощи
Красноярский край	Молоко, скот и птица на убой, яйца, картофель, косточковые, овес, овощи, пшеница, рапс, рожь, ягодники, ячмень

Окончание табл. 2

Субъект РФ	Товарная группа
Иркутская область	Молоко, скот и птица на убой, яйца, картофель, овес, овощи, рыжик, ягоды, ячмень
<i>Дальневосточный макрорегион</i>	
Республика Бурятия	Шерсть
Забайкальский край	Шерсть, масличные, рапс
Республика Саха (Якутия)	–

Данные таблицы 2 показывают, что межрегиональная кооперация в рамках Южно-Сибирского макрорегиона возможна и целесообразна при производстве таких сельхозпродуктов, как молоко, мед, шерсть, яйца, зерновые и зернобобовые, картофель, лен, масличные, овес, овощи, рапс, рожь, рыжик, соя, тритикале, ягоды. Регионы Ангаро-Енисейского макрорегиона имеют базу для осуществления программы кооперации в производстве молока, шерсти, яиц, зерновых культур, картофеля, овса, овощей, рапса, ржи, рыжика, ягод, ячменя. В Уральско-Сибирском регионе между сибирскими субъектами РФ возможна межрегиональная кооперация по товарной группе «ягоды».

Заключение

Агроспециализация субъектов РФ, расположенных в Сибири, основана на исторически сложившемся разделении труда. Ее ключевые факторы – природно-климатические условия, сформировавшаяся система расселения, традиционный уклад хозяйствования. Потенциальный резерв укрепления агроспециализации – использование принципов «умной специализации» в рамках макрорегиона (кластерное развитие, производственная специализация, гибкое перенастраиваемое производство).

Деление сибирских территорий на макрорегионы оправданно с точки зрения возможностей для углубления «умной агроспециализации», при условии целенаправленной государственной политики по ее поддержке. Каждый из четырех макрорегионов Сибири имеет регионы с преимущественно однородным типом агроспециализации, которая может опираться на однородные типы государственной поддержки, а также имеет возможность получать дополнительную выгоду от синергетического эффекта в рамках макрорегиональной кооперации.

Сельскохозяйственное производство в Сибири развивается в рамках центр-периферийной модели. Безусловным лидером

является Южно-Сибирский макрорегион с самыми высокими возможностями для углубления международной агроспециализации в рамках образовавшихся макрорегионов (особенно в растениеводстве), при условии строительства перевалочной инфраструктуры и снижения тарифов на перевозку сельхозсырья для азиатских рынков сбыта; локомотивом агроспециализации макрорегиона выступает Алтайский край.

Субъекты РФ, входящие в Уральско-Сибирский и Ангаро-Енисейский макрорегионы, преимущественно ориентированы на самообеспечение населенных пунктов, обслуживающих ресурсные отрасли стратегического назначения (добыча полезных ископаемых, ТЭК); при этом макрорегиональные центры агроспециализации национального уровня – Тюменская область и Красноярский край соответственно – будут и дальше усиливать позиции собственных сельхозпроизводителей с использованием мер регионального политико-экономического протекционизма.

Сибирские регионы, входящие в Дальневосточный макрорегион, а также Республика Алтай, Республика Тыва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа образуют «сибирскую агро-периферию», здесь основным «движителем» агроспециализации локального уровня (мелкий рогатый скот, оленеводство, рыболовство) выступает сохранение традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Литература

Барышникова О. Н., Антюфеева Т. В., Отто О. В. Природная обусловленность специализации сельского хозяйства южной части Западно-Сибирского экономического района // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 2 (58). URL: <https://eee-region.ru/article/5801/> (дата обращения: 20.04.2020).

Березин П. Местный COFCO: нужен ли он сельскому хозяйству Сибири? // Председатель [Эл. ресурс]. URL: <https://predsedatel-apk.ru/glavnye-temy/zernovaya-korporaciya-v-sibiri/> (дата обращения: 17.04.2020).

Копченев А. А. Аграрная специализация региона и социально-экономическое развитие // Вестник ЗабГУ. 2019. Т. 25. № 3. С. 116–122.

Майоров А. У регионов может появиться своя агроспециализация // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/u-regionov-mozhet-rouyavitsya-svoya-agrospecializaciya.html> (дата обращения: 27.04.2020).

Першукевич П. М. и др. Стратегия социально-экономического развития АПК Сибирского федерального округа в условиях глобализации и интеграции // Под

ред. П. М. Першукевича, Л. В. Новосибирск: Изд-во СибНИИЭСХ СФНЦА РАН. 2018. 315 с.

Чутин Р. И., Алещенко В. В., Алещенко О. А. Прогнозирование емкости рынка пшеницы на основе построения модели межрегионального межотраслевого баланса // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 78–92.

EU: Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisations (RIS3). Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2012.

EU support for regional development in 2021–2027. URL: <https://tem.fi/documents/1410877/10387910/Romanska+MFF+and+cohesion+policy+post+2020.pdf/2b77997e-42a9-41a0-92f5-b32f5140975e/Romanska+MFF+and+cohesion+policy+post+2020.pdf.pdf> (дата обращения: 05.01.2020).

Kosenchuk O. V., Aleshchenko V. V., Stukach V. F., Zinich A. V., Leushkina V. V. Study of the problems of sustainable development of rural territories // *International Journal of Economic Research*. 2016. Vol. 13. № 6. P. 2391–2407.

Ragkos A., Samathrakis V., Theodoridis A., Notta O., Batzios C., Tsourapas E. Specialization and concentration of agricultural production in the region of Central Macedonia (Greece) // *International Conference on Information and Communication Technologies in Agriculture, Food and Environment*. Kavala. 2015. P. 304–319.

Статья поступила 29.05.2020.

Статья принята к публикации 11.06.2020.

Для цитирования: *Алещенко В. В., Алещенко О. А.* «Умная специализация» регионов Сибири в сфере сельскохозяйственного производства // *ЭКО*. 2020. № 7. С. 111–129. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-111-129.

Summary

Aleschenko, V.V., Doct. Sci. (Econ), Aleschenko, O.A., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Omsk

“Smart Specialization” of Siberian Regions in Agricultural Production

Abstract. The paper considers the issue of choosing a model of agrospecialization in Siberian regions in the context of “smart specialization” and macroeconomic events of the last decade. A conclusion is made about spatial development of the agro-industrial complex within the framework of the center-peripheral model. Along with deepening agricultural specialization in the South Siberian macroregion, new growth points are actively formed in the constituent entities of the Russian Federation included in the Ural-Siberian and Angara-Yenisei macroregions. The Siberian regions of the Far East macroregion, as well as the Altai Republic, Tuva, Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets Autonomous Districts form the “Siberian agro-periphery”, the agricultural specialization of which mainly comes from preservation of traditional way of life of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. “Smart specialization” within the framework of the South Siberian macro-region is possible in production of agricultural products such as milk, honey, wool, eggs, cereals and legumes, potatoes, flax, oilseeds, oats, vegetables, rapeseed, rye, camelina, soybeans, triticale, berries. The regions of the Angara-Yenisei macroregion have a base for implementing cooperation programs in production of milk, wool, eggs, crops, potatoes, oats, vegetables, rapeseed, rye,

camelina, berries, barley. In the Ural-Siberian region inter-regional cooperation is possible for the product group “berries”.

Keywords: “Smart specialization”; flexible production; strategic planning; agro-industrial complex; region; Siberia; specialization; value chain

References

Baryshnikova, O.N., Antyufeeva, T.V., Otto, O.V. (2019). Natural conditionality of agricultural specialization in the southern part of the West Siberian economic region. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal*. No. 2 (58). (In Russ.). Available at: <https://eee-region.ru/article/5801/> (accessed 20.04.2020).

Berezin, P. (2019). Local COFCO: Does Siberian Agriculture Need It? *Predsedatel'* (In Russ). Available at: <https://predsedatel-apk.ru/glavnye-temy/zernovaya-korporaciya-v-sibiri/> (accessed 17.04.2020).

Kopchenov, A.A. (2019). Agrarian specialization of the region and socio-economic development. *Vestnik ZabGU*. Vol.25. No. 3. Pp. 116–122. (In Russ.).

Majorov, A. (2020). The regions may have their own agro-specialization. *Parlamentskaya gazeta*. (In Russ.). Available at: <https://www.pnp.ru/economics/u-regionov-mozhet-poyavitsya-svoya-agrospecializaciya.html> (accessed 27.04.2020).

The strategy of socio-economic development of the agro-industrial complex of the Siberian Federal District in the context of globalization and integration (2018). Novosibirsk, SibNIIESKH SFNCA RAN Publ. 315 p. (In Russ)

Chupin, R.I., Aleshchenko, V.V., Aleshchenko, O.A. (2017). Prediction of wheat market capacity based on the model of interregional interindustry balance. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. No. 1. Pp. 78–92. (In Russ.).

EU: Guide to Research and Innovation Strategies for Smart Specialisations (RIS3) (2012). Publications Office of the European Union, Luxembourg.

EU support for regional development in 2021–2027. Available at: <https://tem.fi/documents/1410877/10387910/Romanska+MFF+and+cohesion+policy+post+2020.pdf/2b77997e-42a9-41a0-92f5-b32f5140975e/Romanska+MFF+and+cohesion+policy+post+2020.pdf.pdf> (accessed 05.01.2020).

Kosenchuk, O.V., Aleshchenko, V.V., Stukach, V.F., Zinich, A.V., Leushkina, V.V. (2016). Study of the problems of sustainable development of rural territories. *International Journal of Economic Research*. Vol. 13. No. 6. Pp. 2391–2407.

Ragkos, A., Samathrakis, V., Theodoridis, A., Notta, O., Batziou, C., Tsourapas, E. (2015). Specialization and concentration of agricultural production in the region of Central Macedonia (Greece). In *International Conference on Information and Communication Technologies in Agriculture, Food and Environment*. Kavala. Pp. 304–319.

For citation: Aleschenko, V.V., Aleschenko, O.A. (2020). “Smart Specialization” of Siberian Regions in Agricultural Production. *ECO*. No. 7. Pp. 111–129. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-111-129.

Конкуренция регионов за инвестора: когда инвестиционный портал станет средством конкурентной борьбы?

С. А. ЗАХАРОВ. E-mail: s.a.zaharov@oporastrany.ru
финансовый директор ООО «Опора Страны», Новосибирский университет экономики и управления, Новосибирск

Аннотация. Представлены результаты анализа качества наполняемости инвестиционных порталов регионов Сибирского федерального округа РФ, которые разрабатывались по лекалам регионального инвестиционного стандарта. Большинство рассмотренных порталов в целом соответствуют требованиям стандарта и способствуют выполнению одной из ключевых его целей – повышению инвестиционной привлекательности региона. Однако, по мнению автора, в условиях обострившейся конкуренции региона за инвестора, этого уже недостаточно. Порталы необходимо превратить в действенный инструмент конкурентной борьбы, а следовательно, их содержание должно быть трансформировано в сторону большего соответствия нуждам инвесторов. На основе рекомендаций Методических указаний Министерства экономики РФ введена классификация исходных данных, необходимых для оценки эффективности инвестиционных проектов. Анализ содержания инвестиционных порталов в аспекте этих критериев показывает их недостаточную эффективность с точки зрения полезности для инвесторов. Предложены конкретные меры по наполнению инвестиционных порталов необходимой инвесторам информации с целью превращения этих ресурсов в действенный инструмент региональной инвестиционной политики.

Ключевые слова: инвестиции; инвестиционный климат; инвестиционная привлекательность; инвестиционный портал; транзакционные издержки; конкуренция регионов; региональный инвестиционный стандарт

Региональный инвестиционный стандарт как ответ инвестиционному кризису

Воздействие на инвестиционную активность в Российской Федерации мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и резкого падения цен на нефть, произошедшего в 2009 г., проявилось очень быстро. Во-первых, инвестиции в основной капитал в РФ упали в 2009 г. почти на 15%, смогли выйти на прежний уровень лишь к 2012 г., но с 2014 г. по 2016 г. снова падали под санкционным

давлением¹. Во-вторых, отток прямых иностранных инвестиций из экономики России в 2009 г. впервые за 10 лет стал превышать приток. Данная тенденция продолжалась до 2012 г., в 2013 г. наметился было перелом тренда, но последовавшие в 2014 г. санкции стали новым ударом по этому показателю. Согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD), приток прямых иностранных инвестиций в Россию снова превысил отток лишь в 2016 г.²

Между тем, как показывают расчеты [Аганбегян, 2012] России, если она ставит перед собой задачу войти в число мировых лидеров по уровню экономического развития и основным социальным показателям, требуется обеспечить долговременный ежегодный рост ВВП на уровне 5,5–6% при норме накопления основного капитала 30–35%.

Показательной реакцией на снижение инвестиционной активности стала активизация работы экономистов по темам инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности, которая проявилась уже в 2010 г. – периоде, следующем после первых негативных данных по инвестиционной деятельности. Как показывает исследование автора (дата запроса – 20.11.2019), в базе Научной электронной библиотеки из 9,9 тыс. работ, касающихся инвестиционного климата, 8,9 тыс. (90%) приходятся на период после 2010 г., а из 6,2 тыс. работ на тему инвестиционной привлекательности региона (эти две выборки имеют пересечения) к тому же периоду после 2010 г. относятся 5,6 тыс. (90%).

С начала 2010-х годов правительства российских регионов начали создание комитетов или департаментов по инвестициям, агентств инвестиционного развития и им подобных структур, призванных улучшить инвестиционный климат не только в части демонстрации потенциала региона, но и в части сокращения пути, который приходится преодолевать инвестору от идеи значимого для региона инвестиционного проекта до его реализации.

К 2012 г. Агентство стратегических инициатив (АСИ) собрало 15 лучших региональных практик в этом направлении

¹ Росстат. Инвестиции в нефинансовые активы. URL: https://www.gks.ru/investment_nonfinancial

² United Nations Conference on Trade and Development. Foreign direct investment: inward and outward flows and stock, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=96740>

и сформировало на их основе единый региональный инвестиционный стандарт (РИС)³. Этот стандарт в 2012 г. был принят к реализации в 11 «пилотных» регионах, и уже к концу года Государственным советом был одобрен данный опыт, и Президент РФ дал распоряжение считать РИС обязательным для всех субъектов РФ. С 2013 г. началось масштабирование стандарта: этот инструмент, являющийся инновационным средством региональной инвестиционной политики, стал обязательным ко внедрению во всех регионах Российской Федерации.

Одним из пунктов Регионального инвестиционного стандарта является требование о наличии у субъекта Федерации инвестиционного портала в сети Интернет как единого источника всей необходимой инвестору информации, содержащего данные по девяти обязательным пунктам раздела (их перечень представлен в первой колонке табл. 1). На момент проведения данного исследования в ноябре 2019 г. инвестиционные порталы в том или ином виде функционировали в 83 из 85 субъектов РФ.

За прошедшие с начала внедрения стандарта шесть лет внимание экономистов к данной теме не ослабевало. Проводились исследования, касающиеся инвестиционного климата и его инновационного аспекта как российской экономики в целом [Мельников, 2012], так и отдельных регионов, в том числе регионов Сибири [Шишацкий, Бухарова, 2015]. Отдельно рядом исследователей, в том числе и автором [Захаров, 2019], изучались вопросы масштабирования РИС, темпов его внедрения, соответствия применяемых практик требованиям Стандарта [Федулова, 2014] и конкретно практике функционирования инвестиционных порталов [Лекарев, Баранова, 2017; Фадеева, 2016].

Настоящее исследование проведено с целью изучения проблемы эффективности инвестиционных порталов как инструмента реализации региональной инвестиционной политики и проверки гипотезы, что инвестпорталы в их нынешнем виде не упрощают принятие инвестиционных решений. Под эффективностью портала здесь понимается наличие на нём исходных экономических данных, достаточных для того, чтобы инвестор, не обращаясь

³Агентство стратегических инициатив. Региональный инвестиционный стандарт. URL: <https://asi.ru/investclimate/standard/>

к другим источникам информации, смог самостоятельно оценить ожидаемую отдачу от планируемого проекта.

Таблица 1. **Выполнение инвестиционными порталами субъектов СФО РФ требований Регионального инвестиционного стандарта**

Требования РИС	Республика Алтай	Алтайский край	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Республика Хакасия
Инвестиционная привлекательность	-	+	-	+	+	+	+	+	-
Инвестиционная стратегия	+	+	+	+	+	+	+	+	+
План создания инфраструктуры	+	+	-	+	+	+	+	+	+
Линия прямых обращений	+	-	+	-	+	+	+	+	+
Регламент взаимодействия инвесторов с должностными лицами	+	+	+	+	Затруднён поиск	+	+	+	+
Меры поддержки	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Планы и результаты заседаний Совета по улучшению инвестиционного климата	2018	+	+	+	+	+	-	+	2018
Отчёты и планы специализированной организации	+	-	2018	+	+	+	-	+	+
Планируемые и реализуемые проекты	+	+	Только реализуемые	Только реализуемые	+	+	+	+	+
Выполнено пунктов	8	7	5	7	8	9	7	9	7

Примечания: «+» – пункт требований выполнен, «-» – пункт требований не выполнен, иное – пункт выполнен частично (указано, в чём неполнота выполнения, если представлены устаревшие данные, указан год последних).

Исследование базировалось на основе информации, представленной в настоящее время на инвестиционных порталах⁴.

⁴ Инвестиционные интернет-порталы регионов: Омской области (<http://investomsk.ru/ru>); Алтайского края (<http://invest.alregn.ru/>); Иркутской области (<http://invest.irkobl.ru/>); Кемеровской области (<https://keminvest.ru/>); Красноярского края (<http://krskinvest.ru/>); Новосибирской области (<https://invest.nso.ru/>); Республики Алтай (<http://altayinvest.ru/>); Республики Тыва (<http://ituva.ru/>); Республики Хакасия (<https://invest.r-19.ru/>); Томской области (<http://www.investintomsk.ru/>).

Базовым методом исследования стал сравнительный анализ наполнения порталов с двух точек зрения: во-первых, с формальными требованиями по их созданию согласно РИС, а во-вторых, с нормативными документами и сложившейся бизнес-практикой по оценке инвестиционных проектов.

Инвестиционные порталы: планы и реальность

Проведённый анализ инвестиционных порталов субъектов Сибирского федерального округа на предмет их соответствия требованиям Регионального инвестиционного стандарта показал лучшие результаты, чем выполнение субъектами его требований по всем остальным разделам [Захаров, 2019].

Как видно из таблицы 1, из восьми субъектов СФО (за исключением Республики Тыва, чей инвестиционный портал на момент проведения исследования не работал) двум регионам (Новосибирской и Томской областям) формально удалось выполнить все девять требований РИС, два региона (Республика Алтай и Красноярский край) не смогли качественно выполнить по одному пункту, четыре (Алтайский край, Кемеровская и Омская области, а также Республика Хакасия) – по два пункта. Хуже всего оказалась ситуация на инвестиционном портале Иркутской области, где сразу четыре пункта были не выполнены, или по ним были неактуальные данные.

Что касается самих пунктов требований, то всем восьми регионам выполнить удалось лишь два – в части наличия инвестиционной стратегии региона и указания мер государственной поддержки инвестиций.

Следующим по степени выполнения идут требования о наличии Регламента взаимодействия инвесторов с должностными лицами (в Красноярском крае информации либо вообще нет, либо её поиск крайне затруднён), Плана создания инфраструктуры (отсутствует в Иркутской области), линии прямых обращений к руководству региона (нет в Алтайском крае и Кемеровской области) и планируемых и реализуемых проектах (в Иркутской и Кемеровской областях можно найти данные по реализуемым проектам, но они отсутствуют по планируемым). По три региона не смогли справиться с предоставлением информации о собственной инвестиционной привлекательности (Республики Алтай

и Хакасия, Иркутская область), о планах и результатах заседаний Совета по улучшению инвестиционного климата (в Омской области они отсутствуют, а в республиках Алтай и Хакасия ограничиваются 2018 г.) и об отчётах и планах специализированной организации по привлечению и взаимодействию с инвесторами (в Алтайском крае и Омской области отсутствуют, а в Иркутской области последние датируются 2018 г.).

Текущее наполнение инвестпорталов СФО, разделённое в соответствии со Стандартом на девять пунктов, позволяет дать ответ на три вопроса.

1. Что мы хотим и что уже делаем (инвестиционная стратегия, Совет по улучшению инвестиционного климата, реализуемые и планируемые проекты),

2. Что мы можем предложить (инвестиционная привлекательность, меры господдержки, развитие инфраструктуры),

3. К кому стоит обратиться (регламент взаимодействия с должностными лицами, специализированная организация, линия прямых обращений к руководству региона). А если заглянуть в регламенты и алгоритмы взаимодействия с инвесторами, все они начинаются с первого шага – обращения инвестора.

Последний пункт очень характерен с точки зрения логики планируемого взаимодействия участников инвестиционного процесса: регион сегодня «ждёт», что первым инициативу проявит инвестор.

Иными словами, из текущего наполнения инвестиционных порталов регионов следует, что субъект Федерации позиционирует себя как *сторону предложения* инвестиционных возможностей, видя в инвесторе (инвесторах) *сторону спроса*. Концептуально предполагается модель конкуренции инвесторов за регион, то есть борьба инвестиционного капитала за ограниченное предложение инвестиционной инфраструктуры (технической и мер поддержки).

Мы выделяем два фактора, которые такой взгляд на взаимоотношения региона и инвесторов ставят под сомнение. Первый из них – возможный дефицит инвестиционных ресурсов. Согласно данным Росстата⁵, в 2018 г. 53% инвестиций

⁵ Росстат. Инвестиции в нефинансовые активы. URL: https://www.gks.ru/investment_nonfinancial

в основной капитал было осуществлено за счёт собственных средств (иными словами – прибыли) инвесторов, то есть без кредитов, займов, иностранных инвестиций, бюджетных вложений и взносов в доленое строительство. И в соответствии с Прогнозом социально-экономического развития России до 2030 года такая структура существенно не изменится. При этом объём инвестиций за счёт собственных средств в 2018 г. составил 68% совокупного финансового результата организаций за тот же год⁶. То есть крупный и средний бизнес направил на инвестиции 67,6% своей годовой доналоговой прибыли. Это близко к максимальным значениям с 1995 г. (70,9% в 2002 г. и 69,6% в 2017 г.). Мы видим здесь риски, что на горизонте до 2030 г. бизнес не сможет поддерживать или увеличивать такую долю инвестиций. А значит, возможно возникновение дефицита частных инвестиционных ресурсов (здесь мы не касаемся государственных инвестиций, так как их распределение по регионам зависит от конкретных целей государственного развития и не связано с инвестиционной привлекательностью субъектов Федерации). Иными словами – не исключено, что у частного бизнеса «денег на всех не хватит».

Второй фактор риска – рост предложения инвестиционной инфраструктуры в субъектах РФ. С учётом развития современных коммуникационных технологий, онлайн-торговли, миграции рабочей силы, инновационных методов обработки данных жёсткая привязка к конкретному месту осуществления инвестиций остаётся только в сырьевых проектах, которым требуется наличие определённых полезных ископаемых. Всё остальное, что необходимо для реализации проекта (транспортная, информационная и коммунальная инфраструктура, механизмы взаимодействия региона и инвестора, меры господдержки), может быть организовано любым регионом. Это подтверждается увеличением количества создаваемых по всей стране промышленных парков, технопарков, логистических парков, особых экономических зон.

В результате инвесторы получают возможность выбирать место реализации проекта, а регионы сталкиваются с необходимостью

⁶ Росстат. Финансовые результаты деятельности организаций (без субъектов малого предпринимательства) в Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/11192>

привлечь инвестора именно к себе. Тема конкуренции регионов между собой всё активнее рассматривается в работах экономистов [Бабурина, Урумова, 2014; Остапенко, 2018; Швец, 2018]. Некоторые исследователи отмечают, что эта конкуренция идёт на более глубоком уровне: фактически регионы соперничают за доверие партнёров, в том числе инвесторов [Важенина и др., 2016]. Таким образом, хотя и остаётся актуальной пространственная конкуренция инвесторов за привлекательные регионы (с высоким платёжеспособным спросом, большим рынком сбыта, транспортной доступностью), многим субъектам приходится участвовать в конкуренции регионов за инвестора. И в таких ситуациях инвесторов следует рассматривать как *сторону предложения* капитала на инвестиционном рынке, а регионы – как *сторону спроса* на инвестиции для достижения своих социально-экономических показателей.

Стоит отметить, что борьба за инвесторов не только теоретическая модель, но и явление, всё чаще отмечаемое в действительности. Современная бизнес-практика российских регионов обнаруживает растущее число проявлений этой конкуренции как при реализации специальных инвестиционных режимов (например, при развитии индустриальных парков⁷), так и при осуществлении региональной инвестиционной политики в отношении отдельных отраслей⁸.

Инвестиционные порталы как источник данных для оценки эффективности инвестиций

Оценим региональные инвестиционные порталы в качестве инструментов конкурентной борьбы регионов за инвестиционные ресурсы. Для этого разделим всех инвесторов на два типа: 1) тех, кто уже определился, какой именно проект в каком регионе собирается реализовывать, и 2) тех, кто знает свои инвестиционные возможности и потребности, но не определился с окончательными параметрами проекта (как и где он его будет реализовывать). Первые вполне могут найти на инвестпорталах то, что им нужно: к кому обратиться, с кем договориться, что

⁷ Володина С. Регионы в борьбе за инвестора // РБК+, Индустриальные парки и ОЭЗ. Вып. № 1. 25 апреля 2019. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5cc10d397a8aa9432c124f19>

⁸ Андропова Н. Охота на инвестора / Недвижимость и строительство Петербурга. 7 октября 2016. URL: <https://nsp.ru/analytics/22225-ohota-na-investora>

подписать, чтобы проект начал реализовываться. А вот второму типу инвесторов решение о реализации проекта (с конкретными параметрами в конкретном субъекте) ещё предстоит принять. Именно за эту категорию многим регионам и предстоит вести конкурентную борьбу.

Чтобы понять, насколько инвестиционные порталы полезны для принятия решения об осуществлении инвестиций, представим логику рассуждения инвестора при оценке инвестиционного проекта. Главное, что ему нужно получить на выходе – решение о реализации проекта (возможные варианты заключений при этом на практике могут быть такими: «проект реализуется в предложенном виде», «проект отвергается», «проект пересматривается с уточненными показателями»). Решение должно базироваться на чётких количественных параметрах, указывающих в пользу того или иного вида действий. Параметры проекта должны показывать как ожидаемые выгоды, так и риски (потенциальные потери).

Конкретные методы и индикаторы выгод и рисков проекта широко освещены в литературе по финансовому менеджменту и оценке инвестиций [Лукаевич, 2019]. Данные параметры должны быть получены с использованием определенного метода или методов (как правило, дисконтированного денежного потока) и исходных данных. От качества исходных данных зависит достоверность и надежность оценки эффективности проекта, этот вопрос также широко освещён в специальной литературе по оценке инвестиций и инвестиционному менеджменту [Мазур и др., 2010]. Для учёта российской практики были проанализированы «Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов», из которых мы выделили 12 категорий исходных данных, наличие которых необходимо для принятия итогового решения о реализации проекта. Их можно сгруппировать в три типа (табл. 2).

Есть основания полагать, что основной источник неопределённости оценки эффективности проекта содержится в данных второго типа. В готовом виде, как правило, доступной информации нет, а без неё корректно оценить проект невозможно, и это требует затрат и усилий аналитиков. Таким образом, если инвестиционный портал не содержит необходимых данных, то инвестор при работе с инвестиционным порталом несёт

транзакционные издержки (ТАИ) поиска информации. Эта проблема давно известна в экономической теории. Вопросы ТАИ основательно рассматривались в рамках неинституционального подхода [Дженсен, Меклинг, 2004; Фуруботн, Рихтер, 2005].

Таблица 2. Классификация исходных данных для оценки эффективности инвестиционного проекта и источники их получения

Исходные данные согласно «Методическим рекомендациям по оценке эффективности инвестиционных проектов»	Источник данных
Тип 1. Определяемые инвестором самостоятельно	
Цель проекта	Инвестор
Характер производства, технологии, вид продукции	
Условия начала и завершения, срок	
Тип 2. Требующие внешних данных для количественной оценки	
Экономическое окружение	Макроэкономический анализ региона
Продолжительность строительства	Мощности подрядчиков
Объём капиталовложений	Цены и тарифы на инвестуслуги
Выручка по годам	Оценка конкуренции и емкости рынка в регионе
Производственные издержки по годам	Уровень цен в регионе
Денежный поток от финансовой деятельности	Условия кредитования в регионе
Норма дисконта	Анализ региональных рисков
Тип 3. Расчетные	
Денежный поток от инвестиционной деятельности	Расчётно по данным бизнес-планов
Денежный поток от операционной деятельности	

Источник: составлено автором на основе «Методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов» (утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 N BK 477). // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28224/e4243a4614f37c7950a936520705e859c8271896/

Нужно также иметь в виду, что при выборе места реализации проекта инвестору часто приходится проводить информационный поиск в режиме неоднократных итераций. Кроме того, поисковая работа проводится не в одном, а в нескольких регионах. Только сопоставив различные альтернативные варианты реализации проекта, можно сделать наилучший выбор.

Насколько эффективным информационным инструментом поддержки инвестиционной деятельности являются инвестпорталы? Для ответа на этот вопрос мы проанализировали содержание инвестпорталов СФО. Целью поиска была проверка наличия рыночной информации, необходимой для оценки эффективности инвестиционного проекта (данные второго типа

из табл. 2). Среди девяти субъектов СФО, имеющих действующие инвестпорталы, регионы смогли выложить хоть какую-то информацию не более чем по четырем категориям исходных данных (инвестпорталы Новосибирской и Томской областей). Алтайский край, Омская область и Республика Хакасия внесли свой «вклад» в три категории, Республика Алтай и Красноярский край – в две, а Иркутская и Кемеровская области – только в одну (табл. 3).

Все субъекты на своих порталах отразили информацию по мерам государственной поддержки, которая может быть учтена при расчёте потока от финансовой деятельности проекта. По четыре региона ежегодно проводят мониторинг конкурентной среды (Алтайский край, Новосибирская и Томская области, Республика Хакасия) и представили информацию о макроэкономическом окружении (Красноярский край, Новосибирская, Омская и Томская области), которые могут быть использованы при прогнозировании годовой выручки проекта. Три региона (Алтайский край, Новосибирская и Омская области) разместили на порталах данные по тарифам на энергоресурсы, которые необходимо учитывать при прогнозировании издержек проекта.

Интересная ситуация сложилась с данными для расчёта размера капиталовложений. В них необходимо учитывать стоимость технологического присоединения к сетям: её размер составляет значительную часть инвестиций, а ценообразование в этом сегменте непростое и не очень прозрачное. И с 2013 г. функционирует сайт ПАО «Россети» портал-тп.рф⁹, на котором имеется онлайн-калькулятор для расчёта стоимости технологического присоединения к электрическим сетям. Тем не менее лишь два региона из СФО (Томская область и Республика Хакасия) догадались разместить на своих порталах ссылки на этот сайт. Наконец, самая удручающая ситуация сложилась с категориями данных, включающих продолжительность строительства и ставку дисконтирования (в «Методических рекомендациях...») она названа нормой дисконта). Ни один регион не выложил сколько-нибудь полезной информации для определения данных параметров.

⁹ Портал электросетевых услуг. Калькулятор стоимости ТП URL: https://портал-тп.рф/platform/portal/tehprisEE_cost_calculator

Таблица 3. Обеспеченность инвестиционных порталов СФО РФ информацией для категорий исходных данных типа 3

Исходные данные (тип 3)	Республика Алтай	Алтайский край	Иркутская область	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Республика Хакасия
Экономическое окружение	+	-	-	-	+	+	+	+	-
Продолжительность строительства	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Объём капиталовложений	-	-	-	-	-	-	-	Ссылка на калькулятор ТП	Ссылка на калькулятор ТП
Выручка по годам	-	Мониторинг конкурентной среды	-	-	-	Мониторинг конкурентной среды	-	Мониторинг конкурентной среды	Мониторинг конкурентной среды
Производственные издержки по годам	-	Тарифы на ресурсы	-	-	-	Тарифы на ресурсы	Тарифы на ресурсы	-	-
Денежный поток от финансовой деятельности	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки	Меры господдержки
Норма дисконта	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Частично обеспеченных категорий данных в наличии	2	3	1	1	2	4	3	4	3

Примечания:

«+» – есть информация для этой категории данных, «-» – нет никакой информации для этой категории данных, иное – указано, какая конкретно информация может быть использована для оценки эффективности инвестиционного проекта.

Резюмируя проведённый анализ инвестиционных порталов, можно прийти к выводу, что они как инструменты регионального инвестиционного стандарта содержат крайне мало информации, пригодной для применения инвесторами, а значит, малополезны для тех, на кого изначально были рассчитаны. Следовательно, порталы не только не уменьшают описанные выше транзакционные издержки поиска информации инвестором, но и увеличивают их, поскольку инвестор обращается к данным ресурсам, нацеленным на стимулирование инвестиционной активности, ищет там необходимую ему информацию, не находит её и оказывается вынужден понести новую «порцию» ТАИ на поиск информации в других источниках.

В чём причины такого несоответствия порталов заявленным целям, ведь формально они выполняют предъявляемые к ним требования? Здесь можно выделить два главных фактора.

1. Работа на показатель, а не достижение реальных экономических эффектов, как результат современного государственного управления по метрикам, в рамках популярной идеологии нового государственного менеджмента. Это распространённый недостаток действий структур бюрократической системы, когда требование выполняется без ориентации на его эффективность и результативность, а только для соответствия формальным критериям выполнения – «для галочки». То, что этот искаженный стимул присутствует в реальности, иллюстрируется устаревшими данными по некоторым пунктам требований к инвестпорталу в регионах СФО. Например, на октябрь 2019 г. последние планы и результаты заседаний Совета по улучшению инвестклимата в республиках Алтай и Хакасия датированы 2018 г., а инвестиционное послание губернатора Омской области – 2016 г. Это означает, что требование было выполнено на момент проверки его реализации, а после этого актуализацией данных никто не занимался.

2. Недостаток квалификации сотрудников органов государственной власти, занимающихся реализацией региональной инвестиционной политики. Показательно, что в Региональном инвестиционном стандарте под номером 13 идёт пункт «Обучение, повышение и оценка компетентности сотрудников региональной команды»¹⁰.

¹⁰ Агентство стратегических инициатив. Региональный инвестиционный стандарт URL: <https://asi.ru/investclimate/standard/>

И лишь в двух регионах СФО – Красноярском крае и Омской области – есть информация о выполнении этого требования. Причём здесь вопросы возникают как к разработчикам стандарта («Почему именно эти пункты вошли в требования к инвестпорталам как “лучшие практики”, если они малополезны инвестору?»), так и к исполнителям на местах («Почему порталы не наполняются применимой информацией?»). Информация, нужная инвестору, не всегда есть в готовом виде, но даже если бы была, сотрудникам региональных органов желательно было бы рассматривать инвестиционный процесс с позиций инвестора, понимая его потребности, чтобы наполнить соответствующими данными портал. А умение применять такой подход требует отдельного обучения.

Если в нынешнем своём состоянии инвестиционные порталы недостаточно востребованны, стоит ли поддерживать их в дальнейшем и наполнять информацией? Ведь можно рассуждать, что инвестор – сторона, которая получает от проекта больше всего, так, мол, пусть и приложит больше усилий для оценки эффективности своих инвестиций. Но, во-первых, в успехе инвестора заинтересованы все участники инвестиционного процесса, и особенно субъект Федерации, реализующий свою региональную инвестиционную политику. А во-вторых, показанная выше перемена экономической реальности, движение по направлению модели конкуренции регионов за инвестора является поводом не отказываться от инвестиционного портала, а, напротив, сделать его инструментом конкурентной борьбы. Ведь если инвестор найдёт на портале качественную нужную информацию, которой нет на порталах других регионов, это может ускорить принятие им инвестиционного решения и склонить его к реализации проекта именно в этом субъекте. То есть инвестиционный портал может стать пусть не определяющим, но важным конкурентным преимуществом региона.

Мы сформулировали предложения, какие именно сведения на инвестиционном портале могут стать наполнением всех семи категорий второго типа исходных данных, о которых мы говорили (табл. 2) в классификации информации, необходимой для оценки эффективности инвестиционного проекта (табл. 4). Также указаны органы государственной власти, у которых эта информация в виде первичных данных есть в наличии.

Таблица 4. Виды информации, предлагаемые для размещения на инвестиционных порталах регионов для обеспечения оценки эффективности инвестиционных проектов исходными данными

Исходные данные (тип 3)	Что может быть предложено регионом на инвестиционном портале	Источник данных
Экономическое окружение	Макроэкономическая конъюнктура в динамике: <ul style="list-style-type: none"> • темп инфляции, • уровень занятости, • реальные располагаемые доходы населения 	Региональное подразделение Росстата
Продолжительность строительства	Анализ предложения на региональном рынке капитального строительства: <ul style="list-style-type: none"> • подрядчики, • применяемые технологии, • климатические риски 	Министерство строительства региона
Объём капиталовложений	Уровень цен в регионе: <ul style="list-style-type: none"> • на подрядные услуги строительства, • на подрядные услуги монтажа, • на материалы и комплектующие для строительства, • на аренду (недвижимости, оборудования), • на услуги технологического присоединения к инженерным сетям 	Региональное подразделение Росстата Управление Федеральной налоговой службы по региону
Выручка по годам	Анализ ёмкости региональных рынков и уровня конкуренции: <ul style="list-style-type: none"> • общий объём рынка готовой продукции/услуг и его динамика, • сравнение рынка региона с рынками соседних субъектов РФ, • уровень цен в регионе на готовую продукцию/услуги, • имеющиеся игроки на региональном рынке готовой продукции/услуг и их доли 	Региональное подразделение Росстата
Производственные издержки по годам	Уровень цен в регионе: <ul style="list-style-type: none"> • на сырьё, материалы, полуфабрикаты для производства, • на подрядные (в рамках производства), сборочные, вспомогательные работы, • на транспортно-логистические услуги, • тарифы на энергоресурсы, • уровень заработной платы по отраслям и квалификации работников. Структура рабочей силы в регионе по квалификации и специальностям	Региональное подразделение Росстата Управление Федеральной налоговой службы по региону Региональная энергетическая комиссия Государственная инспекция по труду

Исходные данные (тип 3)	Что может быть предложено регионом на инвестиционном портале	Источник данных
Денежный поток от финансовой деятельности	Анализ предложений банков и финансовых организаций с указанием комиссий, ставок и сроков: <ul style="list-style-type: none"> • по кредитованию (залоговые кредиты, ВКЛ, НКЛ, овердрафт, проектное финансирование, аккредитивы, счета эскроу), • по депозитам для размещения временно свободных денежных средств, • по банковским гарантиям, • по лизингу оборудования, • по факторингу (поставщиков и покупателей). Меры государственной поддержки: <ul style="list-style-type: none"> • льготы, • субсидии, • целевое финансирование и обеспечение (фонды микрофинансирования, поддержки предпринимательства и т.п.) 	Региональное подразделение ЦБ РФ Министерство экономики региона
Норма дисконта	Количественная экспертная оценка риск-премий по различным видам угроз	-

Из приведённого перечня видно, что большая часть информации есть в наличии государственных органов власти и регулярно обновляется. Для наполнения ею инвестиционного портала требуется её агрегирование в нужном виде и таким образом задача наполнения этой информацией превращается из экономико-статистической в информационно-технологическую. Способствовать её решению должна декларируемая государством политика цифровизации экономики и то, что ей подвергаются в первую очередь, как правило, государственные органы власти. Здесь можно вспомнить успешные примеры: портал государственных услуг, системы финансового мониторинга, разработки налоговой службы по контролю за собираемостью налоговых поступлений.

Часть данных можно считать труднодоступными. Наибольшие проблемы видятся в оценке рисков и искажённых данных по рынку труда (из-за так называемых «серых» схем оплаты). Здесь требуются серьёзные исследования и регулярный мониторинг. Но в любом случае у субъекта Федерации несоизмеримо больше возможностей по подготовке такой информации, чем у отдельного инвестора, а значит, по формированию своего конкурентного преимущества в вопросе инвестиционной привлекательности региона.

Выводы: хочешь привлечь инвестора – думай как инвестор

Обобщая проведённый анализ инвестиционных порталов регионов Сибирского федерального округа, мы приходим к следующим выводам.

1. Для реализации потенциала инвестиционных порталов как инструмента конкурентной борьбы между регионами сотрудники органов региональной власти, отвечающих за работу с инвесторами, должны быть способными рассматривать инвестиционный процесс с точки зрения инвестора, понимая его цели, задачи, потребности и критерии. Это требует дополнительного обучения ответственных сотрудников или подбор на рынке необходимого персонала, уже имеющего опыт в инвестиционном менеджменте, инвестиционном проектировании, управлении проектами.

2. В условиях усложняющейся экономической реальности, когда к конкуренции инвесторов за привлекательные регионы добавляется фактическая конкуренция других субъектов Федерации за инвестора, инвестпортал, будучи наполненным полезной для оценки эффективности инвестиционных проектов информацией, может стать инструментом, представляющим собой одно из конкурентных преимуществ субъекта Федерации перед другими регионами, так как будет способствовать ускорению принятия инвестором решения о реализации проекта и склонять того в сторону именно этого региона, как наиболее благоприятного для инвестиционной деятельности.

3. Инвестиционные порталы указанных регионов, несмотря на формальное соответствие по большинству пунктов требованиям Регионального инвестиционного стандарта, не способны принести существенную пользу инвесторам, чью активность призваны стимулировать. Более того, они не сокращают транзакционные издержки поиска информации инвестором, а даже увеличивают их.

Ключевым моментом для повышения инвестиционной привлекательности регионов и активизации инвестиционной активности является способность всех участников инвестиционного процесса (субъекта РФ, инвестора, банков и подобных структур, предоставляющих дополнительное финансирование) говорить на одном языке с пониманием, что они являются не противостоящими друг

другу сторонами, а союзниками, и что итоговый успех инвестиционного проекта выгоден всем.

Литература

Лукаевич И. Я. Финансовый менеджмент в 2 ч. Часть 2. Инвестиционная и финансовая политика фирмы: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 304 с.

Мазур И. И., Шапиро В. Д., Ольдерогге Н. Г., Полковников А. В. Управление проектами: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» / под общ. ред. И. И. Мазура и В. Д. Шапиро. 6-е изд., стер. М.: Издательство «Омега Л», 2010. С. 348–359.

Мельников В. В. Содержание инновационной и научно-технической политики государства при построении национальной инновационной системы // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 4. С. 47–61.

Остапенко Е. А. Инновационно-инвестиционное развитие региона в условиях обострения пространственной конкуренции // *Взаимодействие бизнеса с социально-экономической сферой в условиях модернизации экономики и образования: материалы III международной научно-практической конференции ФГБОУ ВО «ВГАФК», Волгоград, 29–30 ноября 2018.* Волгоград. Издательство: Волгоградская государственная академия физической культуры. С. 74–83.

Фадеева А. Ю. Роль регионального инвестиционного портала в повышении инвестиционной привлекательности региона // *Управленец*. 2016. № 2. С. 34–43.

Федулова Е. А. Практика внедрения регионального инвестиционного стандарта в регионах Сибирского федерального округа // *Сибирская финансовая школа*. 2014. № 2. С. 15–23.

Фуруботи Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 702 с.

Швец И. Ю. Межрегиональная конкуренция, пути повышения конкурентоспособности региона // *Экономика строительства и природопользования. Симферополь*. Издательство: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского 2018. № 2 (67). С. 116–123.

Шишацкий Н. Г., Бухарова Е. Б. Сибирь: от «знаковых проектов» – к эффективной инвестиционной политике // *ЭКО*. 2015. № 2. С. 52–61.

Статья поступила 26.11.2019.

Статья принята к публикации 20.02.2020.

Для цитирования: *Захаров С. А.* Конкуренция регионов за инвестора: когда инвестиционный портал станет средством конкурентной борьбы? // *ЭКО*. 2020. № 7. С. 130–149. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149.

Summary

Zakharov, S. A., CFO OOO 'Opora Strany', lecturer for the Department of regional economy and governance in NSUEM, Novosibirsk

Russian Regions Competing for Investors: When Will an Investment Portal Become a Means of Competition?

Abstract. The paper considers the content quality of regional investment portals from investors' point of view. The study included analysis for investment portals of 10 Siberian regions, developed according to the nationwide Regional investment standard. The author demonstrates conformity of most portals to the Standard's requirements in terms of improving attractiveness of regional investment. However, due to rising competition for private investors between regions of Russian Federation, such an approach appears inadequate.

The author believes that content of investment portal should correspond to investors' needs in terms of statistical data used for investment decision. The current filling of investment portals doesn't satisfy such a goal even according to the government's Methodical recommendations for investment evaluation. The author gives practical advice for filling portals with necessary data listing specific government authorities whose database should be sources for such information. Proposed changes may help transform investment portals into efficient instrument of regions' competition for investors.

Key words: *investment; investment climate; investment attractiveness; investment portal; transaction costs; regional competition; regional investment standard*

References

Aganbegyan, A.G. (2012). About new industrial policy. *ECO*. No. 6. Pp. 4–22. (In Russ.).

Baburina, O.N., Urumova, Z.S. (2014). Investment activity in Russia and its regions: topicality of competing federalism's concept introduction. *Vestnik of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*. No. 1. Pp. 229–236. (In Russ.).

Fadeeva, A.Yu. (2016). The role of a regional investment portal in region's investment attractiveness improvement. *Upravlenets. The Manager*. No. 2. Pp. 34–43. (In Russ.).

Fedulova, E. A. (2014). Practice of introducing regional investment standards in the regions of the Siberian Federal District. *Sibirskaya finansovaya shkola*. No. 2. Pp. 15–23. (In Russ.).

Furubotn, E.G., Richter, R. (2005). Institutions and economic theory: the contribution of the New Institutional Economics. *Publishing House of St. Petersburg State University*. 702 p. (In Russ.).

Jensen, M.C., Mekling, W.H. (1976). Theory of the Firm: Managerial behavior, agency costs and ownership structure. *Journal of Financial Economics*. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.

Lekarev, G.V., Baranova, I.V. (2017). Investment portal of Novosibirsk region and its role regional investment activity improvement. *Instituty I mehanizmy innovatsionnogo razvitiya: mirovoy opyt I rossiyskaya praktika. Proc. 7 th Int. Conf.* Pp. 234–239. (In Russ.).

Lukasevich, I. Ya. (2019). Financial management. Vol. 2. Investment and financial policy of the firm. *Urait*. 304 p. (In Russ.)

Mazur, I.I., Shapiro, V.D., Olderooge, N.G., Polkovnikov, A.V. (2010). Project management. *Omega-L*. Pp. 348–359. (In Russ.).

Melnikov, V.V. (2012). The content of innovative, scientific and technical state policy with national innovation system creation. *Terra Economicus*. Vol. 10. No. 4. Pp. 47–61. (In Russ.).

Ostapenko, E. A. (2018). Innovative-investment development of the region in the conditions of strengthening spatial competition. *Vzaimodeystviye biznesa s sotsialno-ekonomicheskoy sferoy v usloviyah modernizatsii ekonomiki I obrazovaniya. Proc. 3 th Int. Conf.* Pp. 74–83. (In Russ.).

Shishatskiy, N.G., Bukharova, E.B. (2015). Siberia: from significant projects to effective investment policy. *ECO*. No. 2. Pp. 52–61. (In Russ.).

Shvets, I. Yu. (2018). Interregional competition, ways to improve the competitiveness of the region. *Ekonomika stroitelstva i prirodopolzovaniya. Construction economic and environmental management*. No. 2. Pp. 116–123. (In Russ.).

Vazhenina, I.S., Vazhenin, S.G., Sukhikh, V.V. (2016). Regional Competition for Confidence: Features of Formation. *Ekonomicheskiye i sotsialnyie peremeny: facty, tendentsii, prognoz. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. Pp. 72–87. (In Russ.).

Zakharov, S.A. (2019). Institutional barrier for regional investment policy: investment portals of Siberian regions as a transaction costs factor. *Institutsionalnaya transformatsiya ekonomiki: resursy i instituty. Proc. 6 th Int. Conf. Institutional transformation of the economy: resources and institutions (ITERI-2019)*. Pp. 45–46. (In Russ.).

For citation: Zakharov, S.A. (2020). Russian Regions Compete for Investors: When Will an Investment Portal Become a Mean of Competition? *ECO*. No. 7. Pp. 130-149. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-130-149.

Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России¹

В.М. ШИРОНИН, кандидат физико-математических наук.

E-mail: vm@shironin.ru

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург

Аннотация. Статья написана по итогам семинара, состоявшегося в мае 2019 года и посвященного экономическому знанию в нашей стране – траектории его развития, специфическим чертам и отдельным значимым фактам. Дан краткий обзор, а также комментарии, необходимые для того, чтобы пояснить цели этого мероприятия и его формат. Представлен спектр профессиональных форм экономического знания, выросших либо укорененных на российской почве и отличающихся от глобального экономического мейнстрима.

Ключевые слова: экономическое знание; политическая экономия; социализм; либерализм; камерализм; история России; СССР; экономические реформы

История современной России успела после 1991 г. пройти весь наш традиционный цикл от попыток модернизации (вестернизации) до «суверенизации», от «либеральных» тенденций до «консервативных». Сейчас, возможно, мы снова стоим в начале аналогичного витка. Такого рода изменения всегда происходят не только в виде реакции на те или иные события и ситуации, но и под влиянием идей, присутствующих в данный момент в профессиональных сообществах и в общественном сознании. Поэтому от адекватности обществоведческого знания зависит наше дальнейшее развитие.

¹ Использованы материалы семинара «Состояние нашего знания о советской и постсоветской российской экономической науке», организованного как часть VIII Конференции «Деловая этика и национальные модели поведения», традиционно проводимой Санкт-Петербургским государственным экономическим университетом (СПбГЭУ) и Зиклиновским центром Уортоновской бизнес-школы. Полная стенограмма семинара опубликована в Интернете. URL: <https://unecon.ru/centr-pi/> (дата обращения: 20.02.2020).

Представляется, что сегодня в интеллектуальной жизни мы переживаем период первоначального накопления и массивной ликвидации обществоведческой безграмотности. Издается и переводится множество книг, классических и современных. Но в какой мере эта информация усваивается? Насколько мы ориентируемся в том, что собой представляет и какое отношение к нашим реалиям имеет «мировая» наука, помним ли мы наш собственный опыт и интеллектуальные достижения, будем ли способны их использовать? Понимаем ли мы нашу научную традицию – ее происхождение, содержание и роль в обществе?

Все это, разумеется, относится и к экономическому знанию. Динамика его развития в нашей стране была противоречивой. Сегодня мы видим сосуществование разных вариантов того, что остроумно названо «провинциальной» и «туземной» наукой [Соколов, Титаев, 2013]. Первая из них ориентируется на «мировые стандарты» и ученых «метрополии», а вторая – на конгломерат местных традиций, унаследованных из разных периодов прошлого.

Происходит расслоение систем знания, и это накладывается на карьерные траектории. Среди тех, кто собирается работать в крупных фирмах (как зарубежных, так и российских), стало престижно окончить Высшую школу экономики или хотя бы экономический факультет старого университета, где содержание образования и его форма более или менее приближены к стандартам мирового экономического мейнстрима. В отличие от них, формальное образование, скажем, достаточно типичного российского чиновника, как правило, ограничивается дипломом непрестижного провинциального вуза, но основной объем знаний он получает на протяжении всей своей карьеры не в виде теорий, а в конкретной форме на рабочем месте.

Взаимодействие между академической и неакадемической формой экономического знания – это еще одно сечение проблемы. Многие идеи – и теоретические, и прикладные – не проникают в академическую науку из-за того, что они были высказаны вне академической среды и в неакадемической форме.

При этом развитие экономического образования и науки происходит не только спонтанно, но имеет место и определенная политика со стороны государственной бюрократии. Университетам навязывают правила и процедуры, которые в реальной жизни часто принимают патологические формы [Круглый стол, 2018].

Таковы были общие соображения об актуальности темы семинара «Состояние нашего знания о советской и постсоветской российской экономической науке», прошедшего в Санкт-Петербурге в мае 2019 г. Кроме этого, его проектирование было связано со следующими конкретными обстоятельствами. В 2016 г. в Университете Пенсильвании была защищена диссертация Адама Лидса «Призрачный либерализм: о субъектах политической экономии в Москве» [Leeds, 2016]. Автор говорит в ней не только об экономической науке, но и предлагает «увидеть создание либеральной политической современности, вскрывая то, как экономическое знание участвует в сборке объекта, который оно якобы изучает – “экономики”». Диссертация показала, что наши представления о логике развития экономического знания в СССР и России (да и о нашей истории) все еще очень неполные. В этой работе, написанной на основе двух лет полевых исследований среди экономистов Москвы (2010–2012), впервые прослеживаются все основные этапы развития советской экономической мысли от ее расцвета в 1920-е годы до формирования поколения «реформаторов», осуществивших переход от СССР к современной России.

Этот последний сюжет о мировоззренческих и научных основах российских реформ 1990-х годов в нашей академической среде практически не обсуждается. На семинаре ему был посвящен раздел о феномене «московско-ленинградской» группы (или «школы Змеиной горки»). Имеется в виду сообщество так называемых «молодых реформаторов» начала 1990-х годов, хорошо известных в мире политики, но мало воспринимаемых как часть научного сообщества. Был ли (как утверждает Адам Лидс) политический успех этой группы в значительной степени результатом ее мировоззренческих и теоретических отличий? Можно ли использовать ее опыт сегодня для формирования более адекватных институтов экономического знания? Как представляется, ответ на эти вопросы должен быть положительным, поскольку институциональное мышление этой школы сохраняет актуальность и продолжает развиваться.

Кроме того, представилась возможность посвятить еще один раздел семинара интереснейшей и малоизвестной теме о консервативной традиции в экономическом знании и о бюрократии как его носительнице. Понять характер такого знания и сделать его

доступным для системы образования – это очень интересная, хотя и трудная задача. На семинаре эта тема обсуждалась на конкретном историческом материале. Доклад о влиянии так называемого немецкого камерализма в России сделал еще один американский исследователь – Кристофер Мондэй (Christopher Monday) – впрочем, защитивший свою диссертацию на экономическом факультете СПбГУ [Мондэй, 2004], а работающий сейчас в Южной Корее. В то время как либеральная линия развития, которую исследует Адам Лидс, связана с процессами децентрализации и индивидуализации в российском обществе, «камеральная» и «полицейская» наука представляли собой систематизацию знания о рациональном управлении централизованным абсолютистским государством². И хотя сама камералистская наука принадлежит прошлому, ее традиции в нашей жизни продолжают (например, в сфере образования), и их желательно понимать.

Экономисты и история советского либерализма

Диссертация Адама Лидса, представленная на семинаре автором, близка к марксистской методологии (что он охотно признаёт). Развитие идей в ней рассматривается в неразрывной связи с развитием общества, бытие определяет сознание, которое, в свою очередь, формирует бытие. Автор прослеживает этот процесс на интервале от 1917-го до 1980-х годов, и в результате мы имеем параллельный обзор истории советского государства и эволюции экономического знания.

Автор также считает, что «экономическая наука – даже в своём самом математическом выражении – это форма либеральной политической философии, так как её цель состоит в том, чтобы объяснить социальные закономерности на основе интересов, и она начинает с индивидуума. И это не только эпистемологическая, но и политическая установка. Это верно независимо от того, каков математический аппарат. Великие математические экономисты на Западе всегда это понимали. ... Между экономической наукой и политическим либерализмом огромная связь, их нельзя рассматривать отдельно».

² Немецкий термин *Polizeiwissenschaft* следует переводить не буквально («полицейская наука»), а понимая в данном случае *Polizei* как «государственную политику» или «политику» в широком смысле слова. Эта дисциплина возникла в первой трети XVIII века и существовала до середины XIX.

С этих позиций А. Лиде задает вопрос: каковы истоки тех преобразований в России, которые имели место после распада Советского Союза? Откуда появились те люди, которые осуществляли эти преобразования и где они черпали свои идеи?

Одно из распространенных мнений по этому поводу состоит в том, что в начале 1990-х годов в России была сделана попытка импортировать комплекс мероприятий, основанных на стандартной западной идеологии неолиберализма, и что руководили этой попыткой зарубежные консультанты. На семинаре такая позиция прозвучала в репликах одного из американских участников, Кристофера Миллера: «...это были люди из команды Гайдара. Их выбрал Андерс Ослунд».

Живя в России и будучи, так или иначе, участниками и наблюдателями событий, мы понимаем, что картина была, по меньшей мере, более сложная. Да, действительно, к моменту начала российских реформ стал известен опыт «шоковой терапии» в нескольких странах и были сформулированы принципы неолиберального Вашингтонского консенсуса. Значимую роль играли и иностранные консультанты. Тем не менее, по словам Адама Лидса, он «разговаривал со многими людьми, которые представляли международные организации, Всемирный банк, МВФ, команду Джеффри Сакса, и все они в один голос утверждали, что их влияние на политику в России было минимальным». Все они говорили, что русские, которых они встречали, приехав в Россию, уже знали, что они хотят делать. Основной вывод диссертации состоит в том, что российский либерализм имеет местное происхождение. Его историю – неразрывно связанную как с историей самого общества, так и с историей экономического знания – автор излагает следующим образом.

На каком образе социализма основывалась политика большевиков?

Описание чего-то, похожего на Советский Союз, невозможно найти в работах Маркса и Энгельса, искать ответ надо в сложном взаимодействии между немецкой версией марксизма конца XIX века и традицией статистики, сложившейся в царской России.

Для первых двух поколений социалистической мысли основной обсуждаемой проблемой было самоуправление работников.

Ранние социалисты видели, что рабочее место, фабрика остается «несвободным» даже в свободном обществе. Даже имея представительную форму правительства и управления в политической сфере, на рабочем месте вы опять сталкивались с хозяином. Поэтому очень важной темой была «республиканизация» рабочего места.

К концу XIX века концепция социализма в марксистской традиции изменилась драматическим образом – под влиянием изменения самого капитализма. Марксисты предполагали, что формы социализма будут расти из форм капитализма. В годы возникновения этого учения (середина XIX века) капитализм базировался на маленьких семейных фирмах, на мастерских. Но к концу XIX века произошло то, что сейчас называют второй промышленной революцией – переход к корпоративному капитализму. Новое понимание социализма, которое появилось в марксизме немецкой социал-демократической партии примерно с 1890-х годов, было проекцией этих новых форм тогдашнего капитализма, который они называли империализмом.

Было очевидно, что капитализм имеет тенденцию к концентрации и централизации капитала, образуются всё более крупные компании, которые объединяются в картели, а те, в свою очередь, стремятся слиться с государством. Так возникло представление о социализме как о слиянии всего промышленного производства с государством.

Таким образом, централизованное промышленное государство представляло собой одну часть модели социализма. Но откуда появилась идея планирования? Как всё это стало технократическим процессом? По мнению Адама Лидса, здесь нужно искать совсем иные истоки, и в основном они связаны со статистикой, а в более широком плане – с российской версией камерализма, т.е. «политической науки» в немецкой традиции.

Существует всеобщее заблуждение, что рост экономической статистики связан с развитием науки политической экономии, на самом же деле это не так. Экономическая статистика развивается параллельно, как часть управленческого аппарата абсолютистского государства, в то время как политическая экономия – это, в своей основе, критика абсолютистского государства. В контексте царской России статистика стала развиваться относительно поздно и, прежде всего, в земствах. Сразу после

победы революции В.И. Ленин, будучи хорошо знаком со статистикой земств, обратился с этим вопросом к П.И. Попову, который и предложил создать центральное статистическое управление (так или иначе существующее до сих пор). К 1923–1924 гг. была запущена система национальной статистики, «баланс народного хозяйства», который впервые дал количественное описание всей экономической жизни страны в виде циклических потоков, циклического процесса воспроизводства. Во введении к балансу Попов прямо цитирует *tableau economique* Кенэ, схемы воспроизводства Маркса, их алгебраическое воспроизведение Н.И. Бухариным. По мнению А. Лидса, начиная именно с этого масштабного проекта проблема центрального планирования впервые становится количественной, статистической задачей в полном смысле слова.

Институционализация экономического знания

В 1920-е годы происходит институционализация различных форм экономического знания в процессе построения нового советского государства. В это время можно говорить о трех формах экономического знания, которые различались эпистемологически, институционально и с учётом биографий людей. Первой была уже упоминавшаяся традиция земской статистики. Вторая – это традиция гражданского строительства. Ее ярким представителем был, например, В.И. Гриневецкий, инженер и физик, конструктор двигателей, директор Высшего технического училища. Разработанный им в 1920 г. план реконструкции России после войны В.И. Ленин читал и распорядился опубликовать. Инженеры были вовлечены в деятельность государства, прежде всего через Комиссию по производительным силам России, которая к 1960-м годам переросла в Совет по производительным и производственным силам страны (СОПС) при Госплане. В 1920-е годы эти инженеры нашли своё место в Высшем совете народного хозяйства и до некоторой степени в Госплане.

Третьей важной формой экономического знания была марксистская политическая экономия, которая существовала вне университетской системы и вне государственного аппарата. Можно сказать, она формировалась в среде революционеров, в особенности в общении с немецкими марксистами. В 1920-е годы предпринимались попытки институционализировать марксистскую

политэкономии в рамках государства через несколько специальных институтов – Коммунистический университет имени Свердлова, Институт красной профессуры, Коммунистическую академию (из них впоследствии вырос Институт экономики РАН). Здесь мы видим совершенно определённого типа знание и определённого типа позицию, где парадигматические примеры – это В. И. Ленин, Н. И. Бухарин, Л. Д. Троцкий, Е. А. Преображенский. Это политические теоретики или теоретические политики, которые представляли собой партийную элиту. Однако попытки воспроизвести новое поколение партийной элиты в Институте красной профессуры привели к совершенно иному результату. С момента сталинского «великого перелома», во время первой пятилетки, задачей становится индустриализация, а знание марксистской политической экономии оказывается все более нерелевантным. И влиятельные люди 1930-х годов – это промышленные управленцы, а не теоретики марксизма. Поколение теоретиков, вышедших из Института красной профессуры, вместо того чтобы стать лидерами партии, превращается в идеологов и начинает обосновывать решения, уже принятые промышленными управленцами.

***В 1930-е годы экономики как таковой
в Советском Союзе не было***

Возможно, это утверждение не выглядит таким уж парадоксальным для российских ученых, но большинству американцев и европейцев оно кажется удивительным и противоинтуитивным. Роль теоретиков марксизма свелась тогда к тому, чтобы просто оправдывать то, что уже происходило само собой. На первый взгляд кажется, что и эмпирические экономические исследования в это время также практически прекратились. К 1931 г. руководители Госплана и Центрального статистического управления были или уволены или убиты, а те, кто выжил в 1931 г., почти все погибли в 1937–1938 гг. И кажется, что экономические исследования, в общем, закончились. Однако Адам Лидс не соглашается с этим. Между 1930-ми и 1940-ми годами произошло возрождение экономических исследований в трёх направлениях, и в каждом случае формы, которые принимали эти исследования, были тесно связаны с практическими задачами экономического управления.

Самое раннее направление исследований касалось эффективности капитальных вложений. Здесь главными лицами были инженеры, в основном из числа строителей гидроэлектростанций. Им было необходимо создать методики для сравнения нескольких проектов с разными первоначальными вложениями и с разными годовыми издержками. В рыночной экономике вы имеете ставку процента, и это позволяет производить межвременные сравнения, но как это делать в сталинской экономике? Дебаты по этому поводу происходили вне поля зрения марксистских идеологов, это делалось в инженерных журналах, где, по сути, не было цензуры. Одним из ярких представителей этого направления был В. В. Новожилов, написавший обширные методологические указания об оценке экономической эффективности гидроэлектростанций.

Второе ведущее направление исследований было более тесно связано со статистической традицией Центрального статистического управления и Тимирязевской академии. Задачей было формирование эффективной системы цен в рамках советской экономики. Импульсом к этому послужила послевоенная отмена ограничений на цены и рacionamento³. Искажения системы ценообразования в военное время и ограничения на распределение продуктов привели к большим фискальным дисбалансам. После отмены этих ограничений требовалось срочно создать рациональную систему цен, и по этому поводу шли активные дебаты.

Третье направление касалось оценки деятельности предприятий: какими должны быть показатели эффективности, нормативы и так далее. На перекрестке этих трёх задач – эффективности капитальных вложений, оценки деятельности предприятий и формирования относительных цен – мы видим начало пост-сталинистской реформаторской экономической науки. Серия дискуссий прошла в течение всех 1950-х годов, и в начале 1960-х годов выработалось целостное понимание реформ в Советском Союзе, наиболее полно отраженное в работах В. С. Немчинова.

Как появилась советская математическая экономика?

Следующая глава истории имеет более сложную концептуальную структуру и объясняет, каким образом советская экономика

³ Карточное распределение было отменено в декабре 1947 г.

превратилась в математическую науку. Это один из лучших разделов работы Адама Лидса, ведущий в совершенно другое поле мысли.

По мнению автора, эта математизация произошла при посредстве военно-промышленного комплекса времен холодной войны. После Второй мировой войны в СССР были запущены три мегапроекта по военным исследованиям: первым был атомный проект, вторым – радары и электроника, и третьим – ракетные технологии. Люди, ими управлявшие, могли не считаться с ведомственными и отраслевыми границами и в интересах дела объединять разные формы знания и разные инженерные области. К конкретным инженерным проектам оказались привлечены такие знаменитые математики, как М. В. Келдыш, С. Л. Соболев, Л. В. Канторович, А. Н. Колмогоров, П. С. Александров и др. Можно сказать, что математики работали в проектах «по совместительству», и вознаграждением стал рост их положения и влияния в Академии наук. К концу 1950-х годов математики, участвовавшие в военных исследованиях, по сути дела, контролировали Академию наук.

В это же время вокруг мехмата МГУ возникла культура семинаров, и новые поколения студентов входили в мир междисциплинарных исследований по прикладной математике. Именно в их среде, в этом круге прикладных математиков, стала популярной кибернетика Норберта Винера, особым авторитетом пользовавшаяся в новых секретных институтах – «почтовых ящиках» – занимающихся военными разработками. Эти военные инженерные учреждения превращаются в центры изучения кибернетики.

Первыми сотрудниками Центрального экономико-математического института в Москве в основном были выпускники мехмата, которые начали карьеру в этих военных институтах. Было также и небольшое число тех, кто смог пережить 1920–1930-е годы. Как говорил В. С. Немчинов примерно в 1960 г., «единственные люди, с которыми я вообще могу разговаривать, все младше 35 или старше 65».

Центральный экономико-математический институт создавался как «головной» для общегосударственной системы автоматического управления. Эта идея также пришла напрямую из военных кругов. С 1956-го по 1959 г. военные институты разрабатывали первую компьютерную систему для противоракетной обороны

Москвы, которая требовала размещения многочисленных радарных станций и ракетных установок, соединенных в единую сеть для того, чтобы входящую ракету можно было отследить и сбить в течение нескольких секунд.

Это была первая компьютерная сеть в Советском Союзе, по образцу которой инженеры и математики предложили создать компьютерную сеть для контроля всей плановой экономики. Постановление о создании ЦЭМИ предполагало, что он станет «фабрикой алгоритмов» для этой сети. И хотя скоро сама идея компьютерной сети потеряла актуальность для института, но математика, ее прикладные разделы были импортированы из военной инженерии в советскую экономику.

Следует также понимать, что период создания военно-промышленного комплекса и математической экономики в СССР стал и временем, когда формировалась новая советская интеллигенция. Между 1950-ми и 1960-ми годами количество людей с ученой степенью удвоилось, и потом удвоилось еще раз. Появился целый класс специалистов с хорошим уровнем образования, которого ранее не было, и в масштабах, не существовавших до этого. И это была культурная среда.

Такова в общих чертах история математизации советской экономической науки, но нужно иметь в виду, что с середины 1960-х годов и к середине 1970-х годов советская математическая экономика начала принимать двоякую форму, и в Москве более или менее отчетливо образовались два сообщества, различающиеся как по биографическим траекториям людей, так и по типу знания.

Первое из них объединяло последователей кибернетической традиции и математической оптимизации. Здесь карьера идет через мехмат, различные военные институты и ведет к ЦЭМИ. Эти люди уже к концу 1960-х годов знакомы с западной литературой, с общей теорией равновесия, с исследованиями американских экономистов-математиков, они занимаются теоретическими исследованиями, в рамках которых начинают думать об экономике как о процессе с многоуровневым контролем. И они пытаются перевести в математические термины то децентрализованное представление об экономике, которое впервые возникло еще в 1950-е годы в нематематизированных дискуссиях. Суть состоит в том, что если мы возьмем задачу глобальной оптимизации и разложим ее алгоритмически на ряд локальных процессов, мы

можем понять всё это как взаимодействие различных уровней административной иерархии. Такова база, на которой основывалась версия экономической реформы ЦЭМИ.

Другое течение было связано с Госпланом СССР и его Научно-исследовательским экономическим институтом, где главным математическим аппаратом была модель «затраты-выпуск» В.В. Леонтьева. Сотрудники системы Госплана – выходцы в основном не с мехмата, а из инженерных институтов. Если это выпускники экономических вузов, то не экономико-математических, а инженерно-экономических специальностей. И они работают главным образом с данными, со статистикой. В каком-то смысле это возобновляет – или продолжает – традицию баланса народного хозяйства 1920-х годов, рассматривавшего экономику как круговой поток⁴.

Такова в целом приблизительная картина экономической науки 1970-х годов. С одной стороны (со стороны «оптимизаторов»), имела попытка думать о математической децентрализации экономики, с другой – о долгосрочном прогнозировании промышленного роста страны в среде специалистов по межотраслевому балансу.

Резюмируя итоги 1970-х, А. Лидс замечает, что к американской математической экономике была ближе советская нематематическая экономика. Причины следующие: экономическая наука в США и нематематическая экономическая наука в СССР – обе начинаются с проблемы агентов и их интересов. Они рассматривают, как независимые агенты взаимодействуют между собой. Советские же экономисты-математики этим не занимались, рассматривая людей как некие частицы. Их экономическая система была смоделирована как физическая.

Поколение реформаторов

В конце 1970-х – начале 1980-х годов в профессию входит новое поколение людей, которые формировались преимущественно как экономисты, а не математики. Они знают, насколько утопичны идеи 1960-х годов о полном математическом моделировании экономики. Они видят уже два десятилетия снижения

⁴ А. Лидс использует здесь название статьи В.В. Леонтьева – «Экономика как круговой поток» – которую тот написал в Германии после того, как поработал в Госплане (*Die Wirtschaft als Kreislauf* (1928) или в английском переводе *The economy as a circular flow*).

экономического роста и умножения патологий в экономике, видят повторяющиеся неудачи с реформированием. И задаются вопросом, почему все попытки реформ потерпели неудачу [Авен, Широинин 1987]. Но ответить на этот вопрос можно только с политической точки зрения, здесь нужен институциональный анализ аппарата и процессов управления, менеджмента на микро- и макроуровне.

Этот анализ возникает в нескольких кружках и имеет разную форму у разных авторов. К 1986 г. эти различные траектории сходятся, а потом получают и свое имя «теории административного рынка» [Найшуль, 1991]. Суммируя основное, можно сказать, что вместе эти люди приходят к пониманию того, что советская экономика давно перестала быть по-настоящему плановой. По существу, она представляла собой процесс столкновения интересов по поводу ресурсов и влияния различных агентов, обладающими разной информацией и силой. И то, что выглядело как результат процесса планирования, на самом деле было итогом немонетизированного торга между относительно независимыми участниками.

Конечно, всё это представляет собой критику советского государства, которую можно назвать протолиберальной. При этом она сливается с левой социалистической критикой государства. Убеждённые социалисты, которые недовольны советским государством, критикуют его за то, что оно не является ни демократическим, ни государством рабочих. Поэтому в конце 1980-х годов одновременно появляются как те, кто понимает, что Советский Союз должен прекратить своё существование, так и те, кто считает, что социализм можно построить. И они думают, что говорят на одном языке.

Традиция камерализма в России

Кристофер Мондэй в своем докладе говорил о другом направлении в российской экономической науке – или, лучше сказать, экономическом знании, которое в значительной степени отличается от европейской и американской традиции. Главное состоит здесь в том, что институтами знания следует считать не только университеты, но и бюрократию – чиновников и менеджеров, окончивших эти университеты и занимающихся практической

работой⁵. Сама же университетская экономическая наука в Российской империи была в значительной степени порождена немецкой традицией наук о праве и административном управлении – *Kameralwissenschaft* и *Polizeiwissenschaft*⁶. По мнению докладчика, эти тенденции перешли из XIX века в XX и даже в XXI.

Надо сказать, что такая точка зрения отнюдь не доминирует в зарубежных работах по истории российской экономической мысли. Продолжая традиции советологических исследований времен холодной войны, они ищут истоки тоталитаризма в народничестве и русском радикализме. На этом фокусируются даже исследования по истории российских университетов. Отчасти это справедливо, ведь радикалов было достаточно много, но, игнорируя российскую академическую традицию, мы выбрасываем очень важный элемент, оказавший глубокое влияние на марксизм и народничество. Всё это было взаимосвязано, и, если пользоваться математическими понятиями, университетское сообщество было неким узлом в сети знания.

Камерализм – это идея хорошо организованного государства. Важно подчеркнуть, что речь идет не о меркантилизме, тарифах, торговле и т.п. Камерализм – это, скорее, общий взгляд на государственное устройство, это наука об общественном порядке, о правилах ведения дел, которым люди могут следовать и основам которых они могут обучаться.

В чем состоит специфика камерализма и его отличие от «обычной» политэкономии, следующей «шотландской традиции» Адама Смита? Если говорить об общем мировоззрении, то для камералистов национальная экономика состояла из нескольких систем, каждая из которых обладала своими особыми характеристиками. Потому каждый сектор экономики должен был изучаться как таковой, в своих собственных понятиях. При этом в фокусе внимания были обучение и образование, а не абстрактный *homo economicus*, «изначально приговоренный» заниматься

⁵ Эта тема прозвучала и в презентации Адама Лидса, и при ее обсуждении. О специфике экономической профессии в других странах с сильной бюрократической традицией (на примере Франции) см. [Fourcade, 2009].

⁶ В переводе с немецкого – «камеральная наука» и «политическая наука». Слово «камера» – то есть сокровищница – появилось во времена, когда правители немецких земель погрязли в религиозных войнах и остро нуждались в средствах. Точно также слово *Polizei* не имеет ничего общего с полицией, а относится к политике.

торговлей⁷. Камералисты полагали, что необходимо обучать людей тому, как работать в сфере экономики, как правильно обращаться с машинами, пользоваться технологиями. Поэтому в центре их внимания в основном было образование, технологии, машины, их внедрение, то, как научить людей ими пользоваться. Они мало надеялись на спонтанное разделение труда: так не бывает, нужны прямые объяснения, что и как делать.

Выдающийся немецкий мыслитель Густав Шмоллер создал так называемую историческую школу⁸. Согласно его воззрениям, либеральная экономическая наука (как и любая другая) может быть верна только в определённом контексте. Шмоллер был сверхпопулярен, и русские профессора очень близко следовали за его идеями.

Российской бюрократической традиции и российскому бюрократическому менталитету посвящено много работ (в России это Б. В. Ананьич, Б. Н. Миронов, в США – Брюс Линкин, Марк Раев, Ричард Пайпс и др.). Поэтому нет никаких сомнений относительно роли бюрократии при той форме модернизации, которая осуществлялась государством и где университеты играли ключевую роль.

Здесь нужно иметь в виду особенности социальной среды царской России, где не было европейских городов и образованного среднего класса. Российский образованный класс был больше похож на азиатский – отдельный слой людей, не связанных с миром бизнеса и/или с так называемой «республикой ученых»⁹. В некотором смысле его аналогами можно назвать китайских «куан» (мандаринов) и корейских «янбан» (так называемых «людей в черных шапках»). Но «янбан» и их менталитет были совсем другими. Будучи конфуцианцами и знатоками китайского языка, они старались ограничить влияние Запада, это была одна из их важнейших ролей, в то время как русские камералисты

⁷ В докладе: *homo economicus, preordained to truck and barter*. В свою очередь это цитата из Адама Смита, который говорил о том, что человек имеет *a natural propensity to truck, barter, and trade*.

⁸ Немецкая историческая школа была отчасти и российской, поскольку в Дерпте и на Балтийском море носители немецкого языка работали в российской реальности: работы А. Вагнера, К. Шнейдера, А. Нольде их современники считали и российским вкладом.

⁹ *Respublica literaria* – наднациональное объединение ученых, существовавшее в эпоху Ренессанса и Просвещения. Коммуникация осуществлялась преимущественно по переписке, реже – во время путешествий (ru.wikipedia.org)

играли совершенно другую роль, они были значительно более открыты к западной мысли¹⁰.

Какова история появления этих взглядов в России? До Петра I в России не было формальной системы образования. В течение всего XVII века здесь было опубликовано всего 10 книг нерелигиозного характера. Пётр основал две школы, горный институт, в котором несколько сот студентов изучали военные науки, в том числе математику. Аристократия тогда пыталась избежать вовлечения в эту официальную образовательную систему (как и в Корее), но – и это уже специфика России – купцы тоже не хотели, чтобы их дети шли в школу, они считали это напрасной тратой времени. Капитализм и российская академическая сфера всегда существовали раздельно. И, безусловно, с самого начала здесь были очень сильны западные, в первую очередь немецкие традиции. Вспомним Лейбница, кунсткамеру в Петербурге – всё это следовало немецкой модели.

В XIX веке в стране возникает потребность в огромных постоянных армиях, в новой финансовой системе, а для всего этого были необходимы экономические знания. Важным обстоятельством оказалось то, что новые идеи приходили от физиократов, а физиократы были напрямую связаны с Польшей и с католической традицией¹¹. Эти идеи ассоциировались также и с учением Жан-Жака Руссо, что напоминало о Французской революции.

В итоге «польская» модель была отвергнута. Одной из причин, вероятно, был слишком явный культурный и политический дисбаланс. Польша, безусловно, создавала большие проблемы, к тому же там были десятки тысяч хорошо образованных людей, в то время как в России – всего несколько сотен на колоссальную империю. Поэтому вместо поляков правительство обратилось к балтийским немцам, очень высокообразованным (Ю. Л. Слёзкин говорит о том, что, возможно, это были вообще самые образованные люди в истории) и при этом вполне лояльным.

¹⁰ В Германии профессора-камералисты тоже создали обособленный «класс мандаринов», считая, что они занимают позицию над всеми общественными классами и представляют собой некую нейтральную силу.

¹¹ Польские мыслители даже утверждают, что физиократия – это польская идея, что отчасти верно. В 1809 г. с польского языка на русский был переведен первый учебник по экономике Иеронима Стройновского. В России книга была запрещена и впоследствии полностью исчезла с «радаров» исследователей.

Таким образом, вместо физиократии Россия получила камерализм как некую приемлемую альтернативу идеалистическим и механистическим воззрениям. К. Мондэй цитирует старый источник: «исключительный реализм так же вреден, как и исключительный идеализм. Если последний располагается к мечтательным учениям и теориям, то первый склоняется к материальному образу мысли. Между причинами волнений в Западной Европе нельзя не признать слишком распространенных в последнее время понятий о достоинстве вещественного труда».

Опять-таки здесь очень важен социальный контекст. Как писал Рэндалл Коллинз, в любое конкретное время в любой стране, как правило, сосуществуют три школы, в определенной мере конкурирующие друг с другом и опирающиеся на свою социальную базу.

Так, в дореволюционной России мы имеем, во-первых, камерализм с его опорой на университеты и бюрократию, это академическая традиция, у истоков которой стоят германские мыслители, такие как Ф. Лист; во-вторых, романтический популизм (народничество), связанный с земством, интеллигенцией, исповедующий органистический взгляд на общество как на живое существо. Третья школа – радикализм, воспринимающий общество как некий механизм, который можно контролировать. Он основан на идеях К. Маркса, продвигаемых профессиональными революционерами¹².

Камеральная наука, которая затем превратилась в университетскую, академическую традицию, состояла из нескольких субдисциплин, которые большей частью относились к так называемой «литературе домохозяина» (как вести домашнее хозяйство, как домашнее хозяйство соотносится с экономикой и т.п.)¹³. Камералисты были прежде всего просветителями, практиками; они много путешествовали (и знали языки), писали инструкции, политические трактаты, учебники.

Они не доверяли идее о механистических законах, управляющих обществом, зато много внимания уделяли конкретной

¹² В этом смысле Фридрих Хайек, утверждавший, что немецкая традиция в экономической науке, начиная с камерализма, привела к фашизму и коммунизму, ошибался относительно России – в нашем случае она не была радикальной.

¹³ Этот факт особенно интересен, если сопоставить его с тезисом Ричарда Пайпса о том, что Россия выросла из вотчины, о «патримонии» и «патримониальном государстве». В каком-то смысле это верно и для России, и для Германии.

специфике. Именно камералисты разработали теорию стадий развития. Камерализм был принципиально синкретическим и совмещал в себе знания из огромного количества дисциплин, а его приверженцы были, что называется, «людьми Возрождения». Их учебники наполнены картами, планами, цифрами. Один из авторов теории игр, Пол Лазарсфельд, показывает также, что камералисты были первыми, кто использовал количественные методы – у Адама Смита чисел и математики не было.

Камералисты обсуждали вопрос о том, как практически работать, внедрять конкретные технологии в реальных средах, в том числе, например, как решать проблемы в коррумпированных системах. Известно, что в свое время они выступали против строительства железных дорог за казенный счет, опасаясь, что деньги неминуемо разворуют. Они очень прямо говорили о том, что в тех или иных случаях можно сделать, а что нет.

В российских университетах камерализм установил собственную систему контроля и дисциплины, которая стала центром для российской академической традиции. Она сильно отличалась от тех стандартов, которые мы имеем сегодня. Например, все лекции должны были быть записаны и предварительно согласованы, во время занятий декан проходил по всем аудиториям и смотрел, что там происходит. То есть это была очень формальная система, с жесткой цензурой. В то же время преподаватели российских университетов имели свою мотивацию. Благодаря системе наставничества профессора постоянно узнавали много нового; лояльные государству преподаватели могли работать над государственными и собственными проектами.

Из каких же дисциплин состояло типичное «камералистское» образование? Это политическая экономия, статистика, законы о финансах, законы благоустройства и благочиния, государственное управление, государство и право России и европейских держав, российская история, всеобщая история, агрономия, технологии, два современных европейских языка и, конечно, закон божий (хотя здесь была проблема, поскольку среди студентов было много католиков-поляков и лютеран из Балтийского региона).

Как мы видим, образование включало большое количество юридических дисциплин, но о политической экономии и коммерции постоянно велась дискуссия – насколько серьезно их нужно

преподавать (особенно побаивались политэкономии, опасаясь вольнодумства). Студенты посещали около 15 лекций в неделю – очень похоже на сегодняшний день. На старших курсах было всё меньше лекций и всё больше практических занятий на заводах, фабриках, и т.д. В конце каждого курса держали очень серьезные экзамены.

В результате, если в начале XIX века мы имеем пару сотен студентов, то затем они превращаются в тысячи, а к 1912 г. в Петербурге было около 10 тысяч студентов – всё ещё довольно небольшое количество по сравнению с другими странами, но оно неуклонно росло. Это образование внесло вклад и в культуру, и литературу, было много писателей, его получивших – например, Александр Блок, П. Д. Боборыкин, который сейчас почти забыт, но в своё он время был знаменитым писателем.

Если говорить о вкладе камерализма в науку, можно назвать Андрея Шторха, который был типичным камералистом и разбирал труды Адама Смита с этой точки зрения. В свое время большую известность ему принесло утверждение, что производительным может быть не только производство, но и правительство (государство)¹⁴. Был Егор Францевич Канкрин, получивший образование в Германии, где его отец был известным камералистом. Он приехал в Россию и не только стал знаменитым министром финансов (более 20 лет), но также прояснил многое относительно того, что такое национальная экономика и мировая экономика.

И, конечно, нельзя не вспомнить о М. И. Туган-Барановском. Разумеется, он был видным революционером, представителем также и романтической традиции. Но в его университетской деятельности ясно видна камералистская традиция. Он сформулировал основы современной инвестиционной теории циклов, выдвинул идею о преимуществах догоняющего развития и написал в своей книге «Русская фабрика» очень интересный анализ того, как введение технологий определило своеобразие российской экономики.

Такова была камералистская традиция, и ее значительная часть перешла в советскую систему. Об этом свидетельствует даже беглый просмотр современных учебников и тематических планов экономических вузов.

¹⁴ «Это очень русская идея», – подчеркнул Кристофер Мондэй.

«Змеиная горка»

Диссертация Адама Лидса и его доклад на семинаре заканчиваются на истории «реформаторов» начала 1990-х. Как профессиональный феномен, эта история достаточно парадоксальна. Осенью 1986 г. группа молодых экономистов собралась на семинар на базе отдыха «Змеиная горка» Ленинградского финансово-экономического института. Большинство участников там впервые увидели друг друга. Через пять лет половина из них вошли в правительство Е. Гайдара, и с тех пор почти до последнего времени находились у экономической власти. Как считает Адам Лидс, преимущество им дала не только их организация, но и их теория: «в большинстве публикаций предполагается, что, поскольку мы называем их “экономистами”, и поскольку они стояли у начала создания капиталистической экономической системы, их экономическая теория была ортодоксальной неоклассической теорией, привычной для западных наблюдателей. Но это не так». В то же время эта теория, а лучше сказать – интеллектуальная основа «школы Змеиной горки» – остается практически неизвестной в российском академическом сообществе. Почему все это так сложилось? Здесь уместен науковедческий анализ¹⁵.

Для начала стоит уточнить профессиональную идентичность этой группы. Несмотря на экономическое образование и привычку называть себя экономистами, деятельность участников «Змеиной горки» следует отнести к области политики или политологии, прикладной и академической. Возможно, стоило бы вернуться к старому термину «политическая экономия», добавив ему новые оттенки значения.

Далее, для описания этого сообщества стоит ввести специальное понятие *сетевой парадигмы*. Сообщество «Змеиной горки» устроено не так, как парадигма в смысле общепринятой идеи Томаса Куна. Классическое определение парадигмы относится к научным сообществам, все члены которого разделяют некоторые общие представления, подражают некоторому «парадигмальному» образцу и пользуются одними и теми же теориями. Это даёт им возможность организовать разделение труда. Условно говоря, один человек изучает спрос, другой – предложение, и при

¹⁵ На основе презентации автора этой статьи.

этом каждый понимает, что это всё делается для того, чтобы данные можно было соединить и дать общий прогноз.

В отличие от классической, сетевая парадигма объединяет группу людей, у которых нет единой предметной картины мира, единого языка и общих образцов, но при этом каждый умеет общаться со своими «смежниками» (и только с ними). Это можно изобразить как граф, в котором у каждого элемента имеются смежные узлы, с которыми он непосредственно соединен. Вся группа в целом объединена некоторой очень общей мировоззренческой установкой, однако может и не иметь общего предметного языка и вообще может состоять из людей, принадлежащих к разным профессиям. Тем не менее сеть в целом обладает свойством связности.

Важнейший принципиальный фактор здесь – это *мировоззренческая позиция*. Применительно к группе «Змеиной горки», эта объединяющая установка определяла место и роль человека как субъекта действия относительно объекта, на который направлено это усилие. А именно – субъект понимался как *участник или включенный наблюдатель* (а, скажем, не как заказчик или критик). Эту позицию можно назвать «*семидесятнической*», противопоставляя ее предшествовавшей позиции отечественных «шестидесятников», от которой она принципиально отличалась.

Если говорить более конкретно, слово «семидесятники» здесь использовано для характеристики определенного отношения к государству и к власти. Позицию условных «шестидесятников» (которую в наше время часто демонстрируют сторонники партии «Яблоко») автор этой статьи когда-то назвал ролью «советника Господа Бога»¹⁶. Такой «советник» разрабатывает программы или проекты и ждет, что «кто-то» (государство) их выполнит. «Советник» знает, «что такое хорошо и что такое плохо», каково должно быть идеальное состояние дел. И если действия государства не соответствуют ожиданиям, он обвиняет государство в отсутствии политической воли, недемократичности, коррупции и тому подобном. В любом случае представители такого мировоззрения не готовы «войти в положение» лица, принимающего решение и понять, что это лицо ограничено в своих возможностях.

¹⁶ Широнин В. М. Это никогда не было написанием советов Господу Богу. (2006) [Эл. ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/10/06/shironin/> (дата обращения: 20.02.2020).

В отличие от этого, установка, которая здесь названа «семидесятнической», позиционирует субъекта (например, исследователя) как участника. Это совершенно необязательно означает, что он действительно является реальным участником действия. Но он всегда должен задумываться, *как* можно сделать то, что он считает желательным, и какие для этого есть инструменты. Поэтому в политическом отношении «семидесятники» часто вполне заслуженно получают название «системных либералов».

Интересно, что такое же переосмысление отношений субъекта и объекта политики произошло и в мировой экономической науке в середине 1970-х годов. Оно получило название революции рациональных ожиданий и было сформулировано в терминах экономических моделей, используемых государством для регулирования экономики. Тезис, положивший начало новой классической экономике, утверждал, что и субъект действия (государство) и объект его воздействия (экономика) находятся оба внутри одной системы (модели). Поэтому объектом нельзя свободно манипулировать, он «предугадывает» действия субъекта и их последствия и принимает соответствующие меры, подстраивается. Иначе говоря, государство и общество – или же государство и экономика – неразделимы.

Отечественный вариант этого тезиса звучал немного по-другому, хотя смысл его тот же самый. А именно, государство не является – *не способно быть* – субъектом целенаправленного действия, поскольку оно – такой же рынок, как и всё остальное, и разделить их невозможно. Внутри государства как бюрократической структуры происходят согласования и торги, в которых вышестоящие инстанции часто играют всего лишь пассивную передаточную роль, транслируя сигналы от нижестоящих. Такой взгляд и получил в конце концов название «теории бюрократического рынка».

Парадоксальным образом отсюда следовала необходимость очень радикальных реформ. «Реформаторы» понимали, что при слабости государства как субъекта любые реформы встретят огромное бюрократическое сопротивление. Поэтому, что бы вы ни делали, это должно быть сделано любыми средствами и очень быстро, потому что у вас есть всего один шанс.

Вторым важнейшим фактором было то, что в конце 1980-х годов группа «Змеиной горки» – если брать ее в целом – резко

выделялась в экономической профессии по глубине и широте кругозора. Здесь нужно обратить внимание на те механизмы, с помощью которых эта группа интегрировала профессиональные знания участников. Кооперация внутри нее основана не только на разделении, но и на том, что можно назвать *объединением труда* (механизм, часто используемый в российской культуре).

Показать разницу между разделением и объединением труда можно на довольно специфическом примере, который в свое время произвел на автора статьи большое впечатление [Моргачева, 2011]. Он касается сравнения американского и российского подходов к работе с умственно отсталыми детьми. В Соединённых Штатах в этой сфере имеет место чёткое и детальное разделение труда: философы изобретают философские схемы; психологи, руководствуясь этими схемами, разрабатывают психологические теории; затем кто-то интерпретирует эти теории в свете проблем детской психологии; кто-то разрабатывает показатели, кто-то их превращает в тесты. В итоге с конкретным ребёнком работает специалист по применению тестов, который не умеет ничего другого.

В российской системе все было организовано иначе: собирается комиссия – дефектолог, невропатолог, педагог, психиатр и т.д., к которой приводят ребёнка. Конечно, все члены комиссии знакомы с какими-то тестами и умеют их применять, но, кроме того, они читают всё, от философии до, скажем, психологических детективов. Все эти знания укладываются в их головах и формируют интуицию, на основе которой они принимают решение по конкретному ребёнку. Конечно, они могут его изуродовать. Но могут придумать какое-то совершенно гениальное нестандартное решение, которое никогда не возникнет на основе разделения труда.

Во многом именно на основе такого подхода группа «Змеиной горки», как целое, объединила очень разные предметные знания. Это происходило и на этапе подготовки к экономическим реформам, и позже – в практической деятельности. Эти знания включали:

– определенное знакомство с философией и методологией науки, представление о дисциплине мышления, занесенное из математики, биологии и других первоначальных профессий некоторых участников;

– экономическую теорию: математическую экономику, институциональную экономику (знакомство с институциональной теорией, начиная от Коммонса и кончая Уильямсоном, произошло еще в 1980-е годы); при этом, как отметил Адам Лидс, в мышлении «Змеиной горки» отсутствует макроэкономика, поскольку советское «макро-» не было макроэкономикой, а было планированием в стиле межотраслевого баланса; этим занимались Госплан, Госснаб и другие аналогичные органы, в то время как у остальных этой информации просто не было;

– опыт полевой социологии и включённого наблюдения, полученный благодаря сотрудничеству с отделом Т.И. Заславской в Новосибирске (такого опыта у экономистов не было практически никогда);

– экономическую историю, в том числе понимание советского нэпа 1920-х годов как сочетания политических, макроэкономических и структурных проблем того времени, совершенно нестандартных для обычной классической экономической науки, поскольку последняя имеет дело с, так сказать, «жидкими» объектами; сюда же следует отнести теорию Ю.В. Ярёмко, показавшего, что советские экономические объекты устроены совершенно иначе, чем это принято описывать в классической экономической науке;

– опыт европейских социалистических стран, показавший, к чему ведут те реформы, которые тогда были пределом мечтаний для «передовых советских учёных» и общественного мнения (в частности, понимание общественного устройства Югославии – которую большинство тогда принимало за «настоящий рынок» – как разновидности социализма);

– хорошее знакомство с западной советологией благодаря доступу к так называемым спецхранам, то есть к книгам, которые нельзя было прочитать в библиотеке;

– возможность наблюдать вблизи большую политику (некоторые из участников группы были участниками комиссии по совершенствованию управления, организованной после смерти Л.И. Брежнева при политбюро ЦК КПСС), что давало представление о многих политических нюансах и интригах;

– наконец, большое значение имели «семейные истории»: многие участники «Змеиной горки» происходили из довольно одинаково устроенных семей, где дедушки с бабушками были носителями живой исторической памяти, активными участниками и/или оппонентами, а затем и жертвами революции и последующих событий; и выбор профессии, и отношение к общественным проблемам и общественным наукам – все это было во многом семейной традицией.

Совершенно неудивительно, что такая многопрофильная и междисциплинарная группа в дальнейшем не вписалась в академическое сообщество, ориентирующееся, в общем, на преподавание и создание текстов (то есть статей, которые прочтут

и оценят коллеги). Деятельность же участников «Змеиной горки» имеет другую мотивацию, так или иначе, она ориентирована на понимание реальной ситуации и доступных способов влияния на неё. Не укладываются они и в общепринятые форматы академической коммуникации. Пожалуй, только О.И. Ананьин, Ю.М. Голанд, С.Г. Кордонский и автор этой статьи работают в более или менее академической манере. Публикации Е.Т. Гайдара, М.Э. Дмитриева, С.Ю. Павленко и Г.О. Павловского отклоняются от этого стандарта в сторону публицистики и аналитической журналистики. В.А. Найшуль уже давно занимается тем, что «порождает сущности», т.е., скорее, художественным творчеством. Он «выставляет» некий объект, который заставляет людей глубоко задуматься. П.О. Авен и А.Р. Кох публикуют исключительно интересные интервью. Как и С.Г. Кордонский, они озабочены тем, чтобы зафиксировать и донести то, «как это было на самом деле». Изолированность от академической среды создает определенные психологические проблемы. В карьерном смысле практически все члены группы достаточно успешны (а некоторые – и сверхуспешны). Тем не менее в интеллектуальном плане многие испытывают чувство одиночества и неполной реализованности.

Почти все участники группы «Змеиной горки» живы и продолжают работать в разных направлениях. Обозначим здесь только одно из них, близкое автору – развитие социологических моделей. За тридцать лет оно прошло три этапа. Во-первых, к 1980-м годам в нескольких кружках зародилась идея административного рынка, а С.Г. Кордонский назвал наше общество сословным. Затем примерно к началу 2000-х годов был поставлен вопрос об отсутствии русского общественно-политического языка¹⁷, а Сергей Ушакин на чисто эмпирическом материале (опросах и фокус-группах) обнаружил то, что он назвал феноменом *постсоветской афазии*¹⁸ [Oushakine, 2000]. На нынешнем (третьем) этапе эта идея получила развитие, и мы поняли, что наша социальная жизнь не имеет полностью языковой природы,

¹⁷ Найшуль В.А. Букварь городской Руси. Семантический каркас русского общественно-политического языка. (2006) [Эл. ресурс] URL: http://polit.ru/article/2006/02/03/naishul_bubu/ (дата обращения 20.02.2020).

¹⁸ Афазия – это неспособность говорить, выразить мысль словами, в данном же случае имеется в виду неспособность постсоветских людей описать словами свою жизнь

поэтому искомого общественно-политического языка может вообще не быть, и некоторые социальные факты в принципе невозможно описать словами. Это открытие привело к методологическому прорыву за счет обращения к инструментарию современной когнитивной науки (то есть науки об информационных системах) [Широнин, 2016] и богословия (конкретно, к работам православного философа XIV века Григория Паламы) [Найшуль, 2015]. Интересно, что эти две последние парадигмы довольно легко переводятся друг в друга.

В заключение хотелось бы сказать, что науковедение уделяет экономической профессии сравнительно мало внимания, что же касается экономического знания в СССР и современной России, это вообще почти не исследованная область. Между тем заниматься этим не только крайне интересно, но и необходимо. Без рефлексии и понимания специфики профессий невозможно принимать правильные решения относительно развития научно-образовательных институтов и регулирования их деятельности.

Литература

Авен П. О., Широнин В. М. Реформа хозяйственного механизма: реальность намечаемых преобразований // Известия СО АН СССР. Сер. Экономика и прикладная социология. 1987. Вып. 3. С. 32–41.

Круглый стол. Стимулы для академических и прикладных исследований и формирование экономического сообщества // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 136–155.

Мондэй К. Д. Экономическое мировоззрение бюрократической элиты Российской империи Николаевской эпохи (на примере Е. Ф. Канкрин). Автореферат диссертации. СПбГУ. 2004. 32 с.

Моргачева Е. Н. Компаративный анализ парадигм феномена умственной отсталости в специальной педагогике России и США. Диссертация. МГПУ. 2011. 442 с.

Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс. 1991. С. 31–62.

Найшуль В. А. Доклад на конференции «Деловая этика и национальные модели поведения». 2015. [Видеозапись]. СПб. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=JYcHTQ-vIs> (дата обращения: 20.02.2020).

Сokolov М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Широнин В. М. Членораздельное и голографичное. (2016) [Эл. ресурс]. URL: <https://syg.ma/@viacheslav-shironin/chlienorazdielnoie-i-ghologhrafichnoie> (дата обращения: 20.02.2020).

Fourcade M. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press. 2009. 416 p.

Leeds Adam E. *Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow*. (2016) [Эл. ресурс]. URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/1828/> (дата обращения: 20.02.2020).

Oushakine, Serguei. In the State of Post-Soviet Aphasias: Symbolic Development in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. No. 6. Pp. 991–1016.

Статья поступила 15.02.2020.

Статья принята к публикации 20.02.2020.

Для цитирования: *Широнин В. М.* Бюрократы, большевики и реформаторы: нетривиальная история экономического знания в России // ЭКО. 2020. № 7. С. 150-177. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2020-7-150-177.

Summary

Shironin, V.M. Cand. Sci. (Phys.-Math.), St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

Bureaucrats, Bolsheviks and Reformers: the Non-Trivial History of Economic Knowledge in Russia

Abstract. The article provides an overview of the seminar held in May 2019 to discuss the state of economic knowledge in our country, including its trajectory of development, specific features and certain significant facts. It contains an outline of the discussion as well as some comments necessary to explain the objectives of the exercise and its format. A range of professional forms of economic knowledge, grown or rooted on Russian soil and different from the global mainstream economics, is presented.

Keywords: *economic science; political economy; socialism; liberalism; cameralism; history of Russia; the Soviet Union; economic reforms*

References

Aven, P., Shironin, V. (1987). The Reform of the Economic Mechanism: Reality of the Outlined Transformations. *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. Ekonomika i prikladnaya sotsiologiya*. Iss. 3. Pp. 32–41 (In Russ.).

Fourcade, M. (2009). *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press. – 416 p.

Leeds, Adam E. (2016). *Spectral liberalism: On the subjects of political economy in Moscow*. Available at: <https://repository.upenn.edu/edissertations/1828/> (accessed 20.02.2020).

Monday, C.D. (2004). *Economic Thinking of the Bureaucratic Elite of the Russian Empire of the Nicholas I Era* (example of E.F. Kankrin). Avtoref. kand. diss. SPSU. 32 p.

Morgacheva, E.N. (2011). *Comparative Analysis of the Paradigms of the Phenomenon of Mental Retardation in Russia and the USA*. Doctoral diss. MGPU. 442 p.

Naishul, V.A. (1991). *The Highest and Last Stage of Socialism*. In: Immersion into the Bog. Moscow. Pp. 31–62.

Naishul, V.A. (2015). Presentation. The Conference on ‘Business Ethics and National Behavior Patterns’ [Video]. Available at: http://www.youtube.com/watch?v=_JYcHTQ-vIs (accessed 20.02.2020).

Oushakine, Serguei. (2000). In the State of Post-Soviet Aphasias: Symbolic Development in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 6. Pp. 991–1016.

Roundtable discussion (2018). Incentives for academic and applied research and the reproduction of the economic community. *Voprosy Ekonomiki*. No. (10). Pp.136–155. (In Russ.).

Shironin, V.M. (2016). The Articulate and the Holographic. Available at: <https://syg.ma/@viacheslav-shironin/chlienorazdielnoie-i-gholografichnoie> (accessed 20.02.2020).

Sokolov, M., Titayev, K. (2013). Provincial and Aboriginal Science. *Antropologicheskii forum*. No.19. Pp.239–275. (In Russ.).

For citation: Shironin, V.M. (2020). Bureaucrats, Bolsheviks and Reformers: the Non-Trivial History of Economic Knowledge in Russia. *ECO*. No. 7. Pp. 150-177. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-150-177.

П. П. Мигулин о железнодорожной и налоговой политике (к 150-летию со дня рождения ученого)

Т.В. ШЛЕВКОВА, кандидат экономических наук. E-mail: brieftat@mail.ru
Волгоградский государственный университет, Волгоград
<https://orcid.org/0000-0003-1044-6893>

Аннотация. В 2020 г. исполняется 150 лет со дня рождения известного российского экономиста Петра Петровича Мигулина. П. П. Мигулин оставил богатое научное наследие – это работы, затрагивающие финансовые проблемы, вопросы денежного обращения, налогообложения, аграрной политики, железнодорожного строительства и эксплуатации железных дорог, банковское дело и пр. В статье рассматриваются некоторые аспекты железнодорожной и налоговой политики, проводимой в дореволюционной России (конец XIX – начало XX столетия), и излагаются взгляды исследователя на решение проблем, стоявших перед правительством страны. В своих работах П. П. Мигулин указывал на крайнюю неэффективность железнодорожного хозяйства в России, которое ложилось тяжелым бременем на государственный бюджет. И только в конце 1880-х гг. ситуация изменилась в лучшую сторону, во многом благодаря реформированию системы железнодорожных тарифов. Изложены также предложения ученого по реформированию налоговой системы, что должно было обеспечить значительный прирост доходов государству.

Ключевые слова: железнодорожная политика; железные дороги; железнодорожные тарифы; налоговая политика; прямые и косвенные налоги; история

Огромный потенциал, накопленный отечественной экономической мыслью с XVIII в. по начало XX в., во многом так и не был реализован. Идеологизация науки, набравшая обороты после 1917 г., в конечном итоге привела, по мнению ряда исследователей, к ее деградации¹. В результате работы многих выдающихся российских ученых были забыты.

Петр Петрович Мигулин (1870–1948) – российский экономист, профессор Харьковского и Петербургского университетов, государственный деятель. Наряду с преподаванием и научной деятельностью с 1907 г. являлся членом совета Главноуправляющего землеустройством и земледелием в России, а в 1914 г. вошел

¹ Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л.Д. Широкопад, А.Л. Дмитриев. Спб., Нестор - История, 2008. С.3.

в Совет министров финансов. С 1910 г. П. П. Мигулин состоял также в Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела. С 1909 г. и до революции 1917 г. издавал и редактировал журнал «Экономист России» (1909–1912 гг.), впоследствии «Новый экономист» (1912–1917 гг.). Практически в каждом номере этого еженедельного журнала выходили его статьи, что свидетельствует о невероятной работоспособности автора. Вследствие активного занятия политикой почти все его публикации с начала XX в. имели практическую направленность, содержали оценку текущей экономической ситуации и соответствующие рекомендации.

П. П. Мигулин не был автором «одной темы», предметом его исследования стала экономическая политика государства практически по всем ее направлениям. В своих трудах («Регулирование бумажной валюты в России», «Реформа денежного обращения и промышленный кризис», «Русский государственный кредит», «Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы», «Война и наши финансы», «Наша банковая политика», «Русский сельскохозяйственный банк», «К вопросу о земельном устройстве крестьян», «Аграрный вопрос» и др.) ученый затрагивал наиболее актуальные вопросы экономической жизни дореволюционной России – строительство и эксплуатацию железных дорог, налогообложение, состояние денежной и кредитно-банковской систем, аграрную реформу и многие другие.

После революции 1917 г. экономист эмигрировал, так что его работы практически полностью были преданы забвению. В советский период имя профессора П. П. Мигулина изредка упоминалось в научной литературе при обсуждении идеи наделения крестьян дополнительными земельными участками (в свое время он был автором соответствующего проекта).

В наследии П. П. Мигулина, безусловно, особое место занимают финансовые труды. Начиная со второй половины XIX столетия и вплоть до революции отечественная финансовая наука активно развивалась благодаря работам целой плеяды ученых – В. А. Лебедева («Финансовое право», 1882–1885), Н. Яснопольского («О географическом распределении государственных доходов и расходов», 1890), И. И. Янжула («Основные начала финансовой науки», 1904), И. Х. Озерова («Финансовое право»,

1905), Л.В. Ходского («Основы государственного хозяйства», 1913) и многих других.

Среди этих работ достойное место занимает трехтомник П.П. Мигулина «Русский государственный кредит»², который, по мнению специалистов, до сих пор остается единственной подробнейшей книгой по данной проблеме [Дмитриев, 2013. С. 334]. Характеризуя этот труд, один из авторитетных исследователей истории финансов прошлого столетия А.И. Буковецкий подчеркивал его особую ценность в силу того, что Мигулин «смог проникнуть в архив Кредитной канцелярии и снять копии с секретных документов», в которых содержалась переписка царского правительства с европейскими банкирами [Дмитриев, 2013. С. 335]. В годы Великой Отечественной войны эти архивные документы погибли, и о них мы можем узнать теперь только из работы русского экономиста.

Первый том «Русского государственного кредита» был написан молодым ученым в качестве магистерской диссертации, которую он успешно защитил в 1900 г. на юридическом факультете Казанского университета. В нем автор исследовал целую эпоху, начиная с середины XVIII столетия и заканчивая экономическими преобразованиями министерства М.Х. Рейтерна и Н.Х. Бунге. Второй том, посвященный исключительно деятельности министра финансов И.А. Вышнеградского – это докторская диссертация Мигулина по финансовому праву, защищенная им в Киевском университете в 1901 г. и получившая высокую оценку современников. Н.П. Яснопольский считал ее «очень ценным вкладом в русскую финансовую науку и по живому интересу для современности его темы, и по огромному количеству затраченного автором труда, и по научности его приемов, и по самостоятельности». Н.П. Яснопольский подчеркивал, что в работе была дана «объективная и научно беспристрастная оценка финансовой деятельности Вышнеградского» [Лушников, 2013].

² Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Т.1. 1769-1889. Харьков, Типо-литография «Печатное дело», кн. К.Н.Гагарина, 1899. 606 с.

Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Т.2. Министерство И.А.Вышнеградского. Харьков, Типо-литография «Печатное дело», кн. К.Н.Гагарина, 1900. 578 с.

Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769-1906). Т.3. 5 выпуск. Харьков, Типо-литография «Печатное дело», кн. К.Н.Гагарина, 1901-1907.

Третий том (в пяти выпусках), увидевший свет в 1901–1907 гг., был посвящен подробнейшему анализу реформ С. Ю. Витте, в том числе в железнодорожной отрасли. Профессор Московского университета П. П. Гензель считал проведенное Мигулиным исследование железнодорожной политики «одним из интереснейших по современности избранной темы и способу разработки». По мнению современников, завершающая часть фундаментального труда Мигулина – это «наиполнейшее в русской литературе исследование о русском государственном кредите», содержащее в себе «богатейший и интересный материал, собранный с глубоким знанием дела... открывающий широкое поле для размышлений» [Лушников, 2013].

Железные дороги и железнодорожные тарифы в царской России

Проблемы отечественного железнодорожного хозяйства красной нитью проходят через работы Мигулина, и к их анализу автор подходит, прежде всего, с финансовых позиций. Российский экономист подчеркивал безусловную важность для нашей страны широкомасштабного строительства железных дорог. «Не только экономические, но и стратегические соображения требовали возможно быстрого покрытия России сетью железных дорог»... в противном случае страна «окажется значительно слабее своих соседей» [Мигулин, 1899. С. 258].

В то же время эксплуатация железных дорог в России отличалась крайней неэффективностью, на что неоднократно обращал внимание ученый. В работе «Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы»³ он подчеркивал, что убыточности железнодорожного хозяйства способствовало «его совершенная неупорядоченность, злоупотребления со стороны частной и казенной администрации и отсутствие объединения в деятельности дорог» [Мигулин, 1903. С. 13]. Ситуация изменилась при И. А. Вышнеградском (министр финансов с 1887 по 1892 гг. – *Прим. Т.Ш.*) с введением государственного регулирования железнодорожных тарифов.

³ Работа П. П. Мигулина «Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы» - это часть его фундаментального труда «Русский государственный кредит», изданная в 1903 г. отдельной книгой.

Здесь следует пояснить, что до 1889 г. железнодорожные тарифы практически не регулировались государством. По мнению Мигулина, устранение государственного надзора за деятельностью частных железнодорожных обществ являлось «крупной ошибкой» [Мигулин, 1899. С. 421]. В этом вопросе с ним были солидарны многие ученые. Профессор финансового права Л.В. Ходский считал, что вне зависимости от того, строились ли дороги казной или частными обществами, принципы государственного регулирования тарифов должны применяться в любом случае [Ходский, 1913. С. 87]. О настоятельной необходимости государственного вмешательства в установление железнодорожных тарифов писал и академик И.И. Янжул, автор знаменитого учебника «Основные начала финансовой науки», признанного лучшим в отечественной финансовой литературе [Янжул, 1890. С. 138].

До 1889 г. на государственном уровне были установлены высшие предельные ставки⁴ железнодорожных тарифов (для товаров I разряда – 1/12 коп. с пудо – версты, для II разряда – 1/18 коп., для III разряда – 1/24 коп.), низших предельных норм не было. Таким образом правительство стремилось защитить интересы промышленности, сельского хозяйства и торговли от бесконтрольного роста провозной платы.

Однако на практике наблюдалась обратная ситуация. Конкурирующие друг с другом железнодорожные компании (особенно обслуживавшие одни и те же или соседние экономические районы) стали понижать тарифы для привлечения к себе грузов. Так, например, с появлением Московско-Брестской, а чуть позднее – Балтийской дороги Николаевская линия, соединявшая Москву и Санкт-Петербург, утратила свои позиции в транспортировке заграничных товаров в столицу и была вынуждена понизить тарифы. На южном направлении активно конкурировали друг с другом Одесская и Харьковско-Николаевская дороги. Позднее у них появилась еще одна «соперница» – Лозово-Севастопольская линия [Чупров, 1875. С. 151–152].

⁴ Установленные правительством для железных дорог высшие пределы платы с пуда и версты являлись самой распространенной мерой для ограждения общественных интересов от произвола железнодорожных обществ. Эта мера впервые была введена в Англии на Ливерпуль-Манчестерской железной дороге, а затем получила распространение и в других европейских государствах (Общая записка по тарифному вопросу за границую и в России, составленная в эксплуатационном отделении Департамента железных дорог. Спб., 1883. С.112).

В результате в начале 1880-х гг. примерно 2/3 грузов Юго-Западных железных дорог тарифицировались по пониженным ставкам (ниже 1/80 коп. с пуда и версты) [Витте, 1910. С. 21]. При этом, по расчетам А. П. Субботина, средние минимальные эксплуатационные расходы на одну пудо-версту составляли около 1/80 коп. Таким образом, тарифные ставки в 1/90, 1/100 коп. и ниже были прямо убыточны для железной дороги [Субботин, 1887. С. 16].

Железнодорожные общества не только варьировали размерами провозной платы, но и самостоятельно решали, к какому разряду отнести тот или иной товар. Кроме того, путем введения так называемых специальных тарифов ими создавалось огромное множество промежуточных и добавочных разрядов⁵. В результате к концу 1880-х гг. в России сформировалась очень сложная и запутанная система железнодорожных тарифов, отличавшаяся большим (и постоянно растущим) количеством исключений.

Поскольку государство выступало гарантом по акциям и облигациям железнодорожных обществ (гарантируя по ним пятипроцентный доход), их убытки, в конце концов, перекладывались на казну. Из четырех десятков частных компаний без государственных гарантий капиталов были образованы лишь пять обществ (Московско-Ярославской, Рыбинско-Бологовской, Новоторжской, Брест-Граевской и Новгородской железных дорог), капитал которых был сформирован за счет прямых государственных ссуд [Мигулин, 1903. С. 6]. Такая стимулирующая политика принесла свои плоды: за период с 1865 по 1880 гг. усилиями частных акционерных обществ было введено в оборот почти 17 тыс. верст железных дорог, тогда как напрямую за счет казны – всего 1, 204 тыс. версты [Хадонов, 1997. С. 145].

Но к концу 1880-х гг. стало ясно, что отсутствие государственного регулирования железнодорожных тарифов «самым пагубным образом отразилось на государственном русском кредите» [Мигулин, 1899. С. 421]. По данным П. П. Мигулина, размер выплат по гарантиям акций и облигаций составил: в 1867 г. – 5449,583 тыс. руб., в 1869 г. – 6040,770 тыс., в 1871 г. – 13812,634 тыс., в 1873 г. – 11484,959 тыс., в 1875–8259,850 тыс., в 1877–6617,000 тыс. руб. [Мигулин, 1899. С. 414–415].

⁵ Материалы по вопросу о железнодорожных тарифах. Ч.1. Спб., Типо-литография Д.И.Шеметкина, 1881. С. 26.

Это вызывало крайнюю озабоченность у правительства страны. В своей речи на заседании Комитета министров А. А. Абаза (министр финансов с 1880 по 1881 гг. – *Прим. Т.Ш.*) заявил: «...освобождение государственной казны от тех громадных расходов, которые вызываются ежегодными приплатами по гарантии... является вопросом первостепенной важности» [Татищев, 1903. С. 214].

За все годы своего существования из 37 российских железнодорожных обществ только пять компаний не являлись должниками правительства [Кислинский, 1902. С. 308–309]. По данным профессора Мигулина, в последние годы правления Н. Х. Бунге (министр финансов с 1881 по 1886 г. – *Прим. Т.Ш.*) из 21 тысячи верст частных железных дорог лишь 3 тыс. 240 верст получали доход, достаточный для выполнения принятых на себя обязательств [Мигулин, 1903. С. 12].

С целью переломить эту ситуацию 8 марта 1889 г. было введено государственное регулирование тарифов всех железных дорог, как казенных, так и частных⁶. С финансовой точки зрения реорганизация тарифной системы оказалась успешной: ежегодные гарантийные приплаты казны в период с 1886 по 1891 гг. сократились с 55 млн руб. до 17 млн руб. [Мигулин, 1903. С. 17].

О налогах и налоговой системе

В трудах П. П. Мигулина важное место занимали также вопросы налоговой политики. В работе «Война и наши финансы»⁷ ученый анализировал сложившуюся к началу XX столетия налоговую систему и указывал возможные направления ее реформирования. «Нельзя ограничиваться одними займами...», – писал Мигулин. Накануне войны приходится поднимать «вопрос о введении новых налогов и об увеличении старых...» [Мигулин, 1905. С. 152].

Интересно, что на взаимосвязь между войнами и развитием налоговой системы обращали внимание многие исследователи. В частности, известный финансист И. Х. Озеров подчеркивал

⁶ Временное положение о железнодорожных тарифах и об учреждениях по тарифным делам (Высочайше утвержденное 8 марта 1889 г.) // Свод тарифных узаконений и циркуляров Департамента железнодорожных дел Министерства финансов 1889-1891 гг. Спб., Типография В.П. Мещерского, 1891. С.1.

⁷ Работа написана в период Русско-японской войны.

реформаторскую роль войн по отношению к налогам, приводя конкретные примеры из российской практики [Озеров, 1905. С. 254]. Так, в результате Крымской войны 1853–1865 гг. изменилась система обложения спирта, после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были введены налоги на капитал и на наследство, дополнительные сборы с торговли и промышленности. Наконец, в годы Первой мировой войны был введен подоходный налог.

Поясним вкратце, что представляла из себя налоговая система России в начале XX столетия. К тому времени канули в Лету знаменитые подушная подать и соляной налог, винные откупа заменены винным акцизом. Налоговая система включала в себя ряд прямых налогов (промысловый, поземельный, с недвижимых имуществ, на доходы с денежных капиталов, государственный квартирный), а также косвенные налоги и сборы – таможенные пошлины и акцизы на алкоголь, табак, сахар, керосин, спички и другие. Взимались еще налоги с имущества, переходящего по наследству или актам дарения, гербовые сборы с паспортов и некоторые др. Уже с 1860-х гг. косвенные налоги обеспечивали около половины российского бюджета: в 1867 г. – 45,5%, 1876 г. – 51,6%, 1883 г. – 54,4%, 1890 г. – 50,4%, 1893 г. – 48,9%⁸. Такое широкое их распространение объяснялось рядом неоспоримых преимуществ. Во-первых, облагая предметы широкого потребления, эти налоги обеспечивали значительный доход государству; во-вторых, являясь надбавкой к цене товара, они были незаметны для потребителя; в-третьих, уклониться от их уплаты было невозможно, что исключало недоимки.

Однако постоянное увеличение их доли в бюджете со временем стало вызывать беспокойство. Если в 1880 г. косвенные налоги в России превышали прямые немногим более чем в два раза, то в 1891 г. уже почти пять раз. В этом отношении Россия лидировала среди европейских стран: во Франции превышение косвенных налогов над прямыми составляло почти три раза, в Великобритании – более чем два раза, Италии – около двух раз, в Австро-Венгрии – 1,6 раза [Шванебах, 1903. С. 32; Янжул, 1904. С. 361]. Сильное преобладание косвенных налогов над прямыми в отечественной налоговой системе рассматривалось

⁸ Рассчитано по [Кауфман, 1886. С.79-87; Кашкаров, 1895. С. 202].

многими финансистами как серьезный недостаток [Ходский, 1913. С. 149; Озеров, 1923. С. 226; Фридман, 1910. С. 50]. П. П. Мигулин считал такое положение дел фактически неизбежным. Косвенные налоги «у нас, как и всюду, стоят и всегда будут стоять на первом месте бюджета», – писал Мигулин в записке, подготовленной для финансовой Комиссии Государственной Думы [Мигулин, 1910. С. 42]. При этом система косвенного налогообложения была далека от совершенства. В 1908 г. ученым был составлен упомянутый документ с развернутой программой реформ, включавших в том числе пересмотр акцизов на алкоголь, сахар, керосин, табак и др.

Какие же изменения предлагалось внести в существующую систему? Из всех прямых налогов наибольший доход (причем постоянно растущий) давал промысловый налог, которым облагались доходы промышленных и торговых предприятий. В 1880 г. промысловый налог принес в казну 15,3 млн руб., в 1886 г. – 28 млн, в 1892 г. – 35,4 млн, в 1899 г. – 61,1 млн, в 1900 г. – 69,8 млн [Шванебах, 1903. С. 39].

По мнению П. П. Мигулина, этот рост был обусловлен двумя причинами. Во-первых, достаточно высоким уровнем обложения дохода предприятий, а во-вторых, тем, что «наш промысловый налог ... построен на правильном принципе обложения⁹ по возможности сообразно чистому доходу предприятия с введением в налоговые ставки прогрессии» [Мигулин, 1905. С. 160]. Поступления по данному налогу профессор Мигулин предлагал передать в распоряжение органов местного самоуправления. В этом случае у земских бюджетов появились бы средства, достаточные для развития здравоохранения, образования, строительства дорог и др. В дореволюционной России проблема ограниченности средств у местных органов власти стояла особенно остро. На одного жителя империи приходилось всего лишь 3,03 марки местных расходов, тогда как в Великобритании – 35,26 марок, во Франции – 26,07, в Пруссии – 17,07 [Нечаев, 1897. С. 100].

Передача промыслового налога в местные бюджеты стала бы возможной, как считал Мигулин, только с появлением прогрессивного подоходного налога, на крайнюю необходимость

⁹ В 1898 г. промысловое обложение было реформировано, в результате чего устранены многие существенные недостатки в налогообложении промышленных предприятий.

которого он постоянно указывал. Ученый активно участвовал в продвижении и популяризации этой идеи в своих трудах – «Русский государственный кредит», «Война и наши финансы», «Настоящее и будущее наших финансов» и др. В начале 1908 г. им была составлена уже упомянутая записка, в которой вновь поднимался вопрос о подоходном налоге [Мигулин, 1910]. По замыслу Мигулина, налог должен был взиматься со всех поголовно, без каких либо исключений для «высоких лиц» по ставке, достигавшей 10% [Мигулин, 1907. С. 40]. Проект его введения неоднократно рассматривался еще при министрах финансов Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградском, но так и не был реализован¹⁰. Одна из причин – низкий уровень образования населения и отсутствие у него «морального чувства относительно уплаты налога в пользу государства» [Озеров, 1904. С. 131].

Что касается косвенного обложения, то, являясь основным источником доходов бюджета, оно ложилось тяжелым бременем на все население России, особенно беднейшие его слои. Среди косвенных налогов П. П. Мигулин особо выделял акциз на сахар, «который у нас очень велик». В 1887 г. акциз с пуда сахара составлял 85 коп., а к 1896 г. возрос до 1 руб. 75 коп. Для сравнения: в Англии он был всего 64 коп., в Германии – 1 руб. 6 коп., в Бельгии – 1 руб. 25 коп. [Мигулин, 1910. С. 46]. Экономист подчеркивал, что высокий уровень налога, а также тенденция к сокращению бюджетных поступлений от него говорят о невозможности дальнейшего повышения обложения сахара¹¹. Рост государственных доходов, по его мнению, должен опираться в первую очередь на увеличение потребления сахара, что требует снижения цен, «в настоящее время чрезмерно высоких», не соответствующих затратам на производство товара [Мигулин, 1905. С. 172–173]. Действительно, в то время в России на душу населения потреблялось около 10 фунтов сахара в год, тогда как в Англии – почти 91 фунт, в США – 70,2, в Дании – 62,2, в Швейцарии – почти 43, в Швеции – примерно 37, во Франции и Голландии – более 28, в Германии – почти 26, в Австро-Венгрии – 20,5 фунтов сахара [Озеров, 1905. С. 50]. В правящих

¹⁰ Закон о подоходном налоге был принят в России 6 апреля 1916 г.

¹¹ Акциз на сахар был повышен позднее, с 1914 по 1917 гг., когда в стране вновь изыскивались средства на военные цели. Налог был повышен дважды, в результате чего он возрос на 60%.

кругах высказывалась озабоченность таким положением дел. Еще в 1880–1890-х гг. в своих «Загробных записках»¹² Н. Х. Бунге писал, что необходимо всячески способствовать росту потребления тех продуктов, которые «безвредны для здоровья и нравственности» населения: чай, кофе, сахара и т.п.¹³

В то же время производство сахара в Российской империи неуклонно росло. Если в 1873 г. было произведено 8,5 млн пудов сахара, то в 1882–1883 гг. годовое производство составило 17,5 млн пудов, в 1893–1894 г. – 35,4 млн в 1897–1898 гг. – 39,6 млн пудов. Такой бурный рост объемов производства во многом объяснялся высокими импортными пошлинами. В 1874 г. ввозная пошлина для сахара-сырца составляла 34,2% от его цены, а для рафинада – 40,8%; а в 1897 г. – уже 190% и 87,6% соответственно¹⁴.

Профессор Мигулин обращал внимание и на высокий уровень акциза на керосин¹⁵, подчеркивая, что «повышения его ни в каком случае мы не рекомендуем». По потреблению керосина Россия также значительно отставала от Европы и США: у нас оно составляло 13,6 фунтов на душу населения (в среднем за 1895–1899 гг.), тогда как в Германии – 40,6, в Англии – 44,4, в США – 110 фунтов [Радциг, 1903. С. 172]. Тем не менее позднее, в годы Первой мировой войны, правительство вынуждено было дважды повысить акциз на керосин.

Обращая внимание на огромную прибыль нефтяной промышленности, П. П. Мигулин полагал, что ее «можно обложить доходным налогом или же каким-либо *специальным налогом*...», каковой должен быть введен как дополнение к промысловому обложению нефтяных предприятий [Мигулин, 1905. С. 178, 180]. Позже, в записке для финансовой Комиссии Государственной Думы ученый еще раз возвращается к этой проблеме, сетуя на то,

¹² Над текстом «Загробных записок» Н.Х.Бунге начал работать, будучи министром финансов. Но в основном этот документ был написан в 1890-1894 гг., когда министрами финансов были И.А.Вышнеградский, а затем С.Ю.Витте.

¹³ Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина 19 в.) / сост. Л.Е.Шепелев. Спб., Лики России, 1999. С. 263.

¹⁴ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / Под ред. В.И. Покровского. Спб., Типо-Литография М.П.Фроловой, 1902. Т. 1. С. 91-93.

¹⁵ Акциз на керосин был упразднен в 1877 г. в целях поощрения отечественных нефтеперерабатывающих предприятий. С 1888 г. он вновь был введен. Удельный вес доходов от этого налога в общей их сумме колебался от 1,34% в 1892 г. до 1,57% в 1899 г. [Кашкаров, 1903. С.28.].

что «нефтяной вопрос» в России один из наиболее больных, в результате чего миллионы рублей утекали из «тощего народного кармана в толстые сумы интернациональных миллионеров» [Мигулин, 1910. С. 49].

Для того чтобы повысить поступления от акциза с табака (который, несмотря на довольно высокий уровень обложения, не обеспечивал бюджету значительных поступлений¹⁶), П. П. Мигулин предлагал «соразмерять налог с продажной ценой табака, введя прогрессивную шкалу...» [Мигулин, 1905. С. 178]. Позже законом от 1 июля 1909 г. эти требования к налогу были учтены [Мигулин, 1910. С. 45].

Подводя итог рассмотрению возможных налоговых изменений П. П. Мигулин подчеркивал, что их результатом должен стать «избыток государственных доходов», который необходимо направлять не только на военные цели, но и на «культурные нужды населения». «Мы слишком уже отстали от своих соседей и конкурентов, чтобы можно было нам ограничиться робкими и медленными шагами в деле народного образования», – писал он, подытоживая, – только в той стране обеспечивается внутренний правопорядок и обороноспособность, где «на высоком уровне стоит народное благосостояние, народное здоровье, народное образование» [Мигулин, 1905. С. 184–185].

Работы П. П. Мигулина, безусловно, внесли значительный вклад в развитие отечественной финансовой науки и практики и сегодня, спустя более ста лет, как нам представляется, заслуживают внимания и изучения.

Литература

Витте С. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Спб.: Типография Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1910. 272 с.

Дмитриев А. Л. Петр Петрович Мигулин // Очерки по истории финансовой науки. М.: Изд-во Проспект, 2013. С. 334–344.

Кауфман И. Статистика государственных финансов России в 1862–84 гг. Спб.: Типография С. Муллера и Богельмана, 1886. 417 с.

¹⁶ Удельный вес дохода от этого акциза варьировал в пределах от 3,05% в 1892 г. до 2,42% в 1900 г. Для сравнения, так называемый питейный доход приносил бюджету в указанный период 18,59–27,89% от всех доходов [Кашкаров, 1903. С. 28].

Кашкаров М. Главнейшие результаты Государственного денежного хозяйства за последнее десятилетие (1885–1894). СПб.: Государственная Типография, 1895. 220 с.

Кашкаров М. Финансовые итоги последнего десятилетия (1892–1901 гг.). Т. 1. СПб.: Государственная типография, 1903. 220 с.

Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 2. СПб.: Государственная типография, 1902. 324 с.

Лушников А. М. Развитие науки финансового права в России. СПб.: «Юридический центр – Пресс», 2013. URL: <https://iknigi.net/avtor-andrey-lushnikov/135419-razvitiye-nauki-finansovogo-prava-v-rossii-andrey-lushnikov/read/page-18.html> (дата обращения: 26.05.2020).

Мигулин П. П. Война и наши финансы. Харьков: Типография «Печатное дело», кн. К. Н. Гагарина, 1905. 219 с.

Мигулин П. П. Настоящее и будущее русских финансов. Харьков: Типография «Печатное дело», 1907. 389 с.

Мигулин П. П. Наша новейшая железнодорожная политика и железнодорожные займы. Харьков: Типо-Литография «Печатное Дело», кн. К. Н. Гагарина, 1903. 360 с.

Мигулин П. П. Русский государственный кредит (1769–1906). Т. 1. (1769–1889). Харьков: Типо-Литография «Печатное дело», кн. К. Н. Гагарина, 1899. 606 с.

Мигулин П. П. Финансовый план // Возрождение России: Экономические этюды и новые проекты. Харьков: Типография «Печатник», 1910. С. 27–64.

Нечаев Н. Земское промысловое обложение // Русская мысль. 1897. Кн.10. С. 98–123.

Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Рига, Издание Давида Гликсмана, 1923. 914 с.

Озеров И. Х. Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. Сборник статей. Вып.2. М., Издание Д. С. Горшкова, 1904. 467 с.

Озеров И. Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1905. 259 с.

Радицг А. А. Финансовая политика России с 1887 г. СПб.: Типография Товарищества «Народная польза», 1903. 193 с.

Субботин А. П. Тарифный вопрос на русских железных дорогах. СПб.: Типография Е. Евдокимова, 1887. 37 с.

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., Издание А. С. Суворина, 1903. 734 с.

Фридман М. И. Конспект лекций по науке о финансах. СПб.: Литография Трофимова, 1910. 529 с.

Хадонов Е. Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904). М.: ЮПАПС, 1997. 240 с.

Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1913. 580 с.

Чупров А. Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношения к интересам страны. Т. 1. М., Типография А. И. Мамонтова, 1875. 342 с.

Шванебах П. Х. Наше податное дело. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1903. 203 с.

Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. 4-е изд. Спб.: Типография М. Стасюлевича, 1904. 498 с.

Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Вып. I. Спб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1890. 352 с.

Статья поступила 25.02.2020.

Статья принята к публикации 10.03.2020.

Для цитирования: *Шлевкова Т. В.* П. П. Мигулин о железнодорожной и налоговой политике (к 150-летию со дня рождения ученого) // ЭКО. № 7. С. 178-192. DOI: 10.30680/ЕCO0131-7652-2020-7-178-192.

Summary

Shlevkova, T. V., Cand. Sci (Econ.), Volgograd State University, Volgograd

P. P. Migulin on Railway and Tax Policies (on the Occasion of 150-th Anniversary of the Scientist)

Abstract. In 2020, we celebrate the 150-th anniversary of famous Russian economist Pyotr Petrovich Migulin. P. P. Migulin left a rich scientific legacy – works on financial problems, issues of monetary circulation, taxation, agricultural policy, railway construction and operation, banking, etc. The paper examines some aspects of railway and tax policy in pre-revolutionary Russia (late XIX – early XX century), and presents his views on solving problems facing its government. In his works, Migulin pointed out extreme inefficiency of the railway economy in Russia, which placed a heavy burden on the state budget. It was only in the late 1880s that the situation changed for the better, largely due to a reform of the railway fare system. The paper also reviews the scientist's proposals for reforming the tax system, which could have provided a significant increase in public revenues.

Keywords: *railway policy; railways; railway tariffs; tax policy; direct and indirect taxes; history*

References

Chuprov, A. (1875). Railway facilities. Its economic characteristics and its relationship to the interests of the country. Vol. I. Moscow, Publ. Tipografiya A. I. Mamontova. 342 p. (In Russ.).

Dmitriev, A. L. (2013). Peter Petrovich Migulin in Essays on the history of financial science. Moscow, Publ. Prospect. Pp. 334–344. (in Russ.).

Fridman, M. I. (1910). Synopsis of lectures on the science of Finance. St. Petersburg, Publ. Litografiya Trofimova. 529 p. (In Russ.).

Kashkarov, M. (1895). The main results of the State monetary economy over the past decade (1885–1894). St. Petersburg, Publ. Gosudarstvennaya Tipografiya. 220 p. (in Russ.).

Kashkarov, M. (1903). Financial results of the last decade (1892–1901). Vol. I. St. Petersburg, Publ. Gosudarstvennaya Tipografiya. 220 p. (in Russ.).

Kaufman, I. (1886). Statistics of state finances of Russia in 1862–84. St. Petersburg, Publ. Tipografiya S. Mullera i Bogel'mana. 417 p. (in Russ.).

Khadonov, E. E. (1997). Essays on the history of financial and economic policy in post-reform Russia (1861–1904). Moscow, Publ. YuPAPS. 240 p. (in Russ.).

Khodskiy, L.V. (1913). Fundamentals of the state economy. St. Peterburg, Publ. Tipografiya Yu. N. Erlikh. 580 p. (In Russ.).

Kislinskii, N.A. (1902). Our railway policy according to the documents of the archive of the Committee of Ministers. Vol.2. St. Peterburg, Publ. Gosudarstvennaya Tipografiya. 324 p. (in Russ.).

Lushnikov, A. M. (2013) Development of the science of financial law in Russia. St. Peterburg, Publ. «Legal center-Press». Available at: <https://iknigi.net/avtor-andrey-lushnikov/135419-razvitie-nauki-finansovogo-prava-v-rossii-andrey-lushnikov/read/page-18.html> (accessed 26.05.2020).

Migulin, P.P. (1899). Russin state credit (1769–1906). Vol.1 (1769–1889). Har'kov, Publ. Tipo-Litografiya «Pechatnoe delo», kniga K.N. Gagarina. 606 p. (In Russ.).

Migulin, P.P. (1903). Our latest rail policies and rail loans. Har'kov, Publ. Tipo-Litografiya «Pechatnoe Delo», kniga K.N. Gagarina. 360 p. (In Russ.).

Migulin, P.P. (1905). War and our finances. Har'kov, Publ. Tipografiya «Pechatnoe delo», kniga K.N. Gagarina. 219 p. (In Russ.).

Migulin, P.P. (1907). Present and future of Russian Finance. Har'kov, Publ. Tipografiya «Pechatnoe delo». 389 p. (In Russ.).

Migulin, P.P. (1910). Financial plan in Rebirth of Russia: Economic studies and new projects. Har'kov, Publ. Tipografiya «Pechatnoe delo». Pp. 27–64. (In Russ.).

Nechaev, N. (1897). Zemsky commercial taxation. Russkaya mysl'. Vol. 10. Pp. 98–123. (In Russ.).

Ozerov, I.H. (1904). Essays on the economic and financial life of Russia and the West. Vol. 2. Mockow, Publ. D. S. Gorshkov. 467 p. (In Russ.).

Ozerov, I.H. (1905). Economic Russia and its financial policy. Moscow, Publ. Tipo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o. 259 p. (In Russ.).

Ozerov, I.H. (1923). Fundamentals of financial science. Riga, Izdanie Davida Gliksmans. 914 p. (In Russ.).

Radcig, A.A. (1903). The financial policy of Russia since 1887. St. Peterburg, Publ. Tipografiya Tovarishchestva «Narodnaya pol'za». 193 p. (In Russ.).

Shvanebah, P.H. (1903). Our taxable business. St. Peterburg, Publ. Tipografii a M. M. Stasyulevicha. 203 p. (In Russ.).

Subbotin, A.P. (1887). Tariff issue on Russian railways. St. Peterburg, Publ. Tipografiya E. Evdokimova. 37 p. (In Russ.).

Tatishchev, S. S. (1903). Emperor Alexander II. His life and reign. Vol. 2. St. Peterburg, Publ. Izdanie A. S. Suvorina. 734 p. (In Russ.).

Vitte, S. (1910). Principles of railway freight rates. St. Peterburg, Publ. Tipografiya Akcionernogo obshchestva Brokgauz-Efron. 272 p. (in Russ.).

Yanzhul, I.I. (1890). Basic principles of financial science. Vol.1. St. Peterburg, Publ. Tipografiya M.M. Stasyulevicha. 352 p. (In Russ.).

Yanzhul, I.I. (1904). The main principles of financial science. St. Peterburg, Publ. Tipografiya M. Stasyulevicha. 498 p. (In Russ.).

For citation: Shlevkova, T.V. (2020). P. P. Migulin on Railway and Tax Policies (on the Occasion of 150-th Anniversary of the Scientist). *ECO*. No. 7. Pp. 178-192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-7-178-192.

В следующих номерах вы прочтете:

Тема номера: Путь Сибири

- Азиатская Россия – основные противоречия современного развития

- Опережающий рост сибирской экономики: реалии и возможности в мегапроекте «Сибирский ковчег»

- Из сибиряков в дальневосточники: широк простор и долг путь (выиграют или проиграют Бурятия и Забайкалье из-за перехода в ДФО)

- Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития

А также

- Выбор сценария развития строительного комплекса Мурманской области

- Особенности исследования экономики с использованием показателей металлопотребления

- «Генеральная чистка» госаппарата 1929-1932 годов как проявление кризиса легитимности государства

- Анти-Аузан: критика одной социальной философии

- Туризм и экономический рост: региональный аспект

- Российский экспорт энергоносителей – успеваем развернуть?

- «Жилищный вопрос» для геостратегических территорий на востоке

России

«ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).

ISSN 0131-7652

E-ISSN 2686-7605

2020. № 7. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции и издателя: 630090 Новосибирск,

пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35

E-mail: eco@ieie.nsc.ru

© АНО «Редакция журнала «ЭКО», 2020. Выход в свет 31.07.2020

Формат 62x94. Цифровая печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 270. Заказ 67. Цена свободная

Отпечатано в типографии: ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2